

2016 № 4

ISSN (online): 2222-5196

МГПИУ

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

Обращение к читателям журнала

Дозорцева Е.Г.

Коченовские чтения 2016 в МГППУ

1-4

Психология девиантного и криминального поведения

Борисова С.Е.

Правовая социализация личности как феномен
правовой психологии

5-15

Личностно-ориентированные психотехнологии в правоохранительной деятельности

Вахнина В.В.

Психология переговорной деятельности сотрудников органов внутренних дел
в ситуациях, связанных с фактом совершения преступления

16-23

Ювенальная юридическая психология

Веселова Е.С.

К вопросу о вмешательстве сторонних лиц в семью и процесс воспитания

24-34

Летфуллина Х.Р., Луковцева З.В.

Эмоциональная дезадаптация и суицидальный риск у старшеклассников в период
подготовки к итоговой аттестации

35-50

Морозикова И.В., Сенченков Н.П.

Реализация Смоленским государственным университетом положений
национальной стратегии в области образования и воспитания подрастающего
поколения

51-57

Ошевский Д.С., Назарова Н.Г.

Смысловая сфера несовершеннолетних осужденных

58-71

Садовникова М.Н.

Технологизация как подход к реализации Концепции дружественного к ребенку
правосудия на примере восстановительно-медиативных технологий: вопросы
теории и практики

72-85

Шпагина Е.М.

Информационная безопасность в контексте защиты прав детей в Российской
Федерации

86-94

Михайлова Ю.А.

Психологическое сопровождение расследования преступлений с участием
несовершеннолетних в Следственном комитете Российской Федерации

95-104

Судебная и клиническая психология в юридическом контексте

Дубинский А.А., Токарева Г.М., Васильченко А.С., Лысенко Н.Е.

Взаимосвязь индивидуально-психологических и индивидуально-типологических характеристик у лиц с расстройствами личности, совершившими общественно опасные деяния 105–125

Кулаков С.С.

Эмоционально-оценочное отношение родителей из высококонфликтных семей друг к другу и ребенку 126–141

Новикова З.Д., Дворянчиков Н.В.

Исследование образа Я у лиц с расстройствами половой идентичности как дополнительный критерий дифференциальной диагностики при экспертизе спорных половых состояний 142–154

Психология профессиональной деятельности

Жаринов И.А., Калашникова А.С.

Личностные особенности свидетелей как основа выбора тактики проведения допроса 155–165

Камшуков А.В., Константинов В.В.

Социально-психологические особенности людей, отказывающихся проходить опрос с использованием полиграфа 166–176

Петров В.Е., Кокурин А.В., Юринова Ю.В.

Проблемы организационно-штатного обеспечения психологической работы в подразделениях госавтоинспекции 177–185

Пенитенциарная психология и практика исполнения уголовных наказаний

Дебольский М.Г., Левин Л.М., Бокова Н.В.

Сравнительный анализ субъективной картины жизненного пути осужденных, состоящих на учете в уголовно – исполнительной инспекции 186–195

Экстремальная и кризисная психология

Рядинская Е.Н.

Особенности психологических состояний человека, проживающего в зоне вооруженного конфликта, в контексте трансформаций смысложизненных стратегий в постконфликтный период 196–208

Проблемы подготовки специалистов по юридической психологии

Чиркина Р.В.

Оценка проектной культуры студентов в процессе освоения технологий
социального проектирования 209–223

Коченовские чтения 2016 в МГППУ

Дозорцева Е.Г., доктор психологических наук, профессор, руководитель Лаборатории психологии детского и подросткового возраста ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава РФ, профессор факультета юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета (edozortseva@mail.ru)

В ноябре 2016 г. в МГППУ состоялась традиционная Всероссийская конференция по юридической психологии «Коченовские чтения 2016». В статье кратко описывается история конференции, проходящей каждые два года, и проблемы, которым было посвящено нынешнее научное событие, получившее название «Психология и право в современной России» и объединившее российский и зарубежных специалистов. Представлен круг тем статей, публикуемых в настоящем выпуске журнала, которые были выполнены на основе материалов конференции.

Ключевые слова: Коченовские чтения, Всероссийская конференция по юридической психологии, научная жизнь, юридическая психология.

Для цитаты:

Дозорцева Е.Г. Коченовские чтения 2016 в МГППУ. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 4. С.1-4.
doi: 10.17759/psylaw.2016060401

For citation:

Dozorceva E.G. All-Russian conference on legal and forensic psychology dedicated to the memory of M.M. Kochenov-2016 in MSUPE. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no. 4. pp.1-4.
doi: 10.17759/psylaw.2016060401

10 – 12 ноября 2016 г. в Московском государственном психолого-педагогическом университете прошла уже ставшая традиционной Всероссийская конференция по юридической психологии «Коченовские чтения 2016». Конференция посвящена памяти выдающегося психолога, много сделавшего для развития различных отраслей юридической психологии, в первую очередь, судебной психологии и психологии расследования преступлений, Михаила Михайловича Коченова (1935 – 1999). Первая Всероссийская Коченовская конференция была юбилейной и состоялась в 2005 году, когда отмечалось 70-летие ученого. Организаторами конференции стали МГППУ и ГНЦ ССП им. В.П. Сербского, за год до этого совместно создавшие на базе МГППУ первый в России факультет юридической психологии. В последующем конференция по юридической психологии приобрела

регулярный характер и получила название Коченовских чтений, на которые каждые два года собираются профессионалы из разных регионов страны.

В этом году Коченовские чтения проходили под названием «Психология и право в современной России». Они отличалась большим по сравнению с прошлыми годами числом участников не только из России, но и Армении, Белоруссии, Литвы и других стран, а также широким охватом тем – от теоретико-методологического анализа юридической психологии как прикладной науки до актуальных вопросов практики в ее различных областях. Программа конференции включала 16 пленарных и более 100 секционных докладов по таким направлениям, как психология девиантного и криминального поведения, клиническая и судебная психология, психология обеспечения правоохранительной деятельности, пенитенциарная психология и практика исполнения уголовных наказаний, медиация и восстановительная практика.

Несколько секционных заседаний и других мероприятий были посвящены проблемам юридической психологии детей и подростков. Так, телемост связал специалистов в области организации социально-психологической и правовой помощи несовершеннолетним и молодежи из России, Аргентины, Финляндии и Германии. Профилактика девиантного поведения, а также вовлечения подростков в экстремистскую деятельность была в центре внимания участников мастер-классов. Проектная деятельность психологов-практиков, ориентированная на работу с несовершеннолетними, обсуждалась в рамках переговорной площадки «Проектирование профилактической и социо-реабилитационной среды».

Одним из новых форматов на конференции стали вечерние открытые лекции, в которых ставились важные современные концептуальные и прикладные проблемы: «Существует ли специальная методология юридической психологии?» (Ф.С. Сафуанов), «Актуальные проблемы пенитенциарно-психологической теории и практики» (М.Г. Дебольский, В.М. Поздняков), «Психолог в комплексном сопровождении несовершеннолетних» (Е.Г. Дозорцева).

Большой интерес участников вызвали постерные секции, на которых представлялась часть докладов. Многие постерные доклады были выполнены студентами МГППУ и других вузов страны, активное участие которых стало одной из важных характеристик конференции. Ряд докладов был отмечен призами на специально организованном конкурсе.

Видеозапись многих мероприятий конференции, выполненная сотрудниками и студентами факультета Юридической психологии МГППУ, дает возможность «побывать» на Коченовских чтениях и тем, кто не смог лично принять в них участие. Посмотреть видеозапись конференции можно по адресу: http://conf.childpsy.ru/the_kochenov_conference/

В этом номере журнал «Психология и право» начинает публикацию статей по материалам Коченовских чтений. Представленные материалы так же, как и доклады на конференции, имеют широкий тематический спектр. В них освещаются вопросы правовой

психологии, обсуждаются проблемы социализации и дезадаптации, различных поведенческих и личностных девиаций психологического и клинико-психологического регистра, изменений индивидуально-психологических и смысловых характеристик у людей с противоправным поведением и находящихся в сложных жизненных обстоятельствах. Значительное внимание уделяется психологическим особенностям деятельности сотрудников правоохранительных органов, методам их работы, проблемам подготовки кадров и работы с персоналом. Многие статьи посвящены психолого-юридической проблематике детей и подростков. Авторы рассматривают вопросы защиты интересов детей и их семей, связанные с информационной безопасностью, конфликтными ситуациями при разводе родителей, вмешательством в семью и процесс воспитания. Представленные работы отражают современное состояние юридической психологии и актуальные общественные проблемы.

В следующих выпусках планируется продолжить публикацию статей по материалам Всероссийской конференции по юридической психологии «Коченовские чтения 2016».

All-Russian conference on legal and forensic psychology dedicated to the memory of M.M. Kochenov-2016 in MSUPE

Dozortseva E.G., Doctor of Psychology, Professor, Department of Legal Psychology, MSUPE, Head of the Laboratory of Psychology of Childhood and Adolescence, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (edozortseva@mail.ru)

In November 2016 the traditional All-Russian conference on legal and forensic psychology dedicated to the memory of the prominent Russian psychologist M.M. Kochenov took place. In the article a brief description of the history of the biennial conference is given, as well as problems of the current scientific event under the title "Psychology and Law in the modern Russia", which united Russian and foreign specialists. A range of topics of the articles presented at the conference and being published in the current journal issue is introduced.

Keywords: professionalism, the headmaster, teachers, parents, the theory of social representations.

Правовая социализация личности как феномен правовой психологии

Борисова С.Е., кандидат психологических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и психологии, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова» (ya.borisova-svet2012@yandex.ru)

Актуальность темы объясняется сохраняющейся значимостью правового регулирования поведения людей, необходимостью предвидения неблагоприятных последствий нарушений социализации и насущностью профилактики дезадаптивных и девиантных поведенческих проявлений. В связи с этим представляется важным исследование феномена правовой социализации, вызывающего интерес у представителей наук о человеке и специалистов разных отраслей психологического знания. Принимая во внимание многоаспектность данного явления, видится существенным рассмотрение траекторий его протекания во взаимосвязи с разными взаимодействующими друг с другом детерминантами. К таким детерминантам относятся возрастные психологические особенности, переживание кризисов психического развития, социально обусловленные факторы и влияния профессиональной среды. В статье характеризуются отдельные закономерности правовой социализации личности, позволяющие раскрыть ее сущность, на основе обобщения мнений ученых и с опорой на собственную точку зрения. На базе теоретического анализа сделаны предположения об особенностях правовой социализации личности, происходящей в разные возрастные периоды жизни; сформулированы вероятные направления дальнейшего изучения рассматриваемого феномена правовой психологии.

Ключевые слова: правовая психология, правовая социализация, возрастные периоды, правосознание, личность, девиантное поведение.

Для цитаты:

Борисова С.Е. Правовая социализация личности как феномен правовой психологии. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 4. С.5-15. doi: 10.17759/psylaw.2016060402

For citation:

Borisova S.E. Legal socialization of personality as a phenomenon of legal psychology. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no. 4. pp.5-15. doi: 10.17759/psylaw.2016060402

В настоящее время психологическое знание продолжает оставаться наиболее востребованным в разных сферах жизнедеятельности человека, развиваются и

дифференцируются отрасли этого знания, конкретизируются его задачи и возможности применения.

В условиях социальных потрясений, дестабилизации состояния мирового сообщества, переживания катаклизмов в экономической, политической и правовой системах сохраняет постоянную значимость нормативное регулирование поведения людей, актуализируется необходимость прогноза неблагоприятных последствий нарушений правовой социализации отдельно взятой личности и социальных групп.

В связи с этим возрастает прикладная ценность такой недостаточно исследованной области знания, как правовая психология.

В науке существуют разные определения данного раздела юридической психологии. Так, он рассматривается как исследующий психологические аспекты отношений в системе «человек–право» [17, с. 35] и, в первую очередь, изучающий психологические особенности отражения в сознании людей правозначимых явлений [6, с. 39].

Правовая психология определяется как изучающая психологические особенности отражения правозначимых феноменов в сознании общества, социальных групп и индивидов. Она исследует интернализацию личностью правозначимых ценностей, социально-психологические аспекты правотворчества, закономерности правовой социализации, формирование и функционирование правосознания, психологические условия правоисполнительного поведения [1, с. 45].

Одной из ключевых категорий рассматриваемого раздела психологической науки выступает правовая социализация, под которой, по мнению М.С. Андрианова, понимается процесс, включающий человека в правовую культуру. Правовая социализация, с одной стороны – это усвоение индивидом правовых знаний, норм и ценностей общества, а с другой, – активное воспроизводство системы социальных связей на основе правового опыта и правомерного поведения индивида за счет его деятельности и активного включения в социальную среду [3].

Правовая социализация личности, как и ее развитие, происходит на протяжении всего жизненного периода под влиянием разных социальных институтов и подчиняется своим закономерностям.

Так, с первых дней жизненного пути человек оказывается в определенной системе традиций и связей социальной среды. Как правило, это микрогруппа в виде семьи, представители которой и выступают для ребенка основным источником социального опыта, оказываются своеобразными моделями его воссоздания, а значит образцами для подражания и идентификации. При этом взрослыми репродуцируется и отношение к нормам морали, являющейся базисом правовых положений, т. е., таким образом, косвенно с момента рождения формируются элементы знания правовых устоев и происходит переживание их смысла.

С точки зрения Г.Г. Шиханцова, далее наиболее активное становление основы индивидуального правосознания претерпевают в раннем детстве, когда родители являются олицетворением правовых норм и нравственных ценностей, а ребенок копирует стереотипы их поведения. Вместе с тем автор подчеркивает, что степень усвоения поведенческих стандартов взрослых во многом зависит от эмоционального фона в семье.

Положительный эмоциональный фон взаимоотношений способствует усвоению примера взрослых, отрицательный – может привести к стремлению противопоставления себя системе нравственно-правовых ценностей, демонстрируемых родителями [17, с. 37–38].

Согласно исследованиям отечественных ученых, примерно в возрасте трех лет происходит нормативный кризис психического развития ребенка, сопровождающийся изменением его сознания и ведущего отношения к действительности, перестройкой социальных взаимоотношений, формированием новых видов деятельности, принятием на себя социальных ролей в игре, развитием элементов произвольного управления поведением и усвоением первичных этических норм [5, с. 196; 11, с. 415–417; 18, с. 263, 268–296, 299].

В связи с этим, повторимся, сказав о логичности суждения, согласно которому основным транслятором содержания ролей и моральных, в том числе правовых, норм выступает ближайшее социальное окружение, определяющее во многом личностные новообразования ребенка и азы его правосознания.

В младшем школьном возрасте спектр институтов правовой социализации расширяется, несовершеннолетний познает мир, благодаря пребыванию в образовательных организациях, прежде всего, в школьном окружении.

Н.И. Шевченко обращает внимание на то, что правовая социализация представляет собой процесс «вхождения» индивида в социально-правовую среду, восприятие и усвоение им норм права, преобразование их в мотивы собственного поведения. Эффективность данного процесса, по мнению ученого, представляет серьезную педагогическую проблему, решение которой отнесено к компетенции учителя [15].

В целом, в данном возрасте происходит дальнейшее формирование мотивационной сферы личности, ее интересов, ценностных ориентиров, убеждений, развивается самосознание, поведение становится более осмысленным и подчиненным самоконтролю.

Правовая социализация, продолжающаяся в подростковом возрасте, имеет свои нюансы. Отметим, что к основным психологическим характеристикам подростка принято относить живое стремление приобщиться к миру взрослых, а важнейшим психологическим новообразованием является чувство взрослости. С одной стороны, оно заключается в склонности к самостоятельности, а с другой, – в тенденции самоутверждения среди сверстников, получения признания от них, обретения социального статуса в группе принадлежности.

При отсутствии условий для проявления индивидуальности и позитивной реализации своих возможностей самоутверждение подростка может приводить к неблагоприятным последствиям, в частности, к развитию отклоняющегося поведения, когда поступки противоречат принятым в обществе правовым и нравственным постулатам [14, с. 79].

По мнению Г.Г. Шиханцова, можно выделить следующие причины нарушений правовой социализации подростков: причины, обусловленные определенными характеристиками семьи и семейных отношений; трудности, неудачи в школе; контакты, сближение со стихийными группами сверстников [17, с. 40–55].

Говоря о первой группе причин, Г.Г. Шиханцов указывает семьи, в которых родители откровенно демонстрируют асоциальные образцы поведения или следуют правовым нормам лишь словесно, совершая на деле противоречащие нравственным и моральным устоям поступки [17, с. 41].

Примечательными в контексте характеризующих причин представляются результаты эмпирического исследования А.С. Калашниковой и А.Д. Шалуновой, согласно которым родители, хорошо ориентирующиеся в правовой сфере, в большей степени способствуют правовой социализации детей в области прав и обязанностей, часто затрагивая подобные темы при общении со своими детьми [8].

К семьям с наиболее глубокими дефектами правовой социализации, провоцирующим детей и подростков на совершение правонарушений и преступлений, Г.Г.Шиханцов относит неблагополучные семьи, в частности, криминогенные (совершают преступления), аморальные (например, в них взрослые страдают алкоголизмом), проблемные (характеризуются постоянной конфликтной атмосферой), псевдоблагополучные (отличаются жесткими или даже жестокими взаимоотношениями) [17, с. 40–47].

Тот же автор подчеркивает наличие прямой связи между школьным воспитанием и семейным. Он разъясняет, что, как правило, в случае недостаточного семейного воспитания ребенок с трудом осваивает и другую важную роль – обучающегося, а значит, не соответствует в необходимой мере имиджу ученика, нарушая правила и предписания в образовательной среде. Это, в свою очередь, может выступать своеобразной предпосылкой глубоких нарушений правовой социализации личности в будущем [17, с. 47–48].

О.О. Шемякина отмечает, что школьная дезадаптация является одной из причин появления девиаций поведения, как правило, агрессивной и социально-пассивной направленности. Педагогические ошибки, особенно допущенные на ранних этапах обучения, могут породить психосоциальные проблемы личности дезадаптирующего характера, которые, в случае их неразрешенности в младшем школьном возрасте, становятся основой для отклонений психосоциального развития несовершеннолетних в дальнейшем. Такая траектория личностного развития способна изменить поведение подростков в негативную сторону, вызывая агрессию, склонность к употреблению психоактивных веществ и уход в виртуальный мир (компьютерную и интернет-зависимости), самовольные уходы из дома и школы на длительное время, отказ от обучения [16].

Стоит сказать, что с развитием социума расширяется перечень институтов социализации, а, кроме того, усиливается влияние факторов, способствующих ее стихийному и неблагоприятному характеру.

Так, Е.М. Лажинцева и А.А. Бочавер указывают на роль Интернета как почвы для проявления девиантного поведения у подростков, отмечая, что Интернет может оказаться средой, негативно воздействующей на их социализацию. Авторы раскрывают формы девиантного поведения в Интернете – интернет-преступность, хакерство, кибербуллинг, геймерство и интернет-зависимость. В качестве одной из наиболее актуальных задач возрастной и педагогической психологии ученые видят развитие методологии исследований освоения подростками пространства Интернета и разработку системы сопровождения этого процесса; повышение осознанности, целенаправленности и критичности у подростков [10].

Соглашаясь с мнением авторов, дополним, что целесообразно говорить о комплексном подходе к решению обозначенной ими задачи с участием разных специалистов, в том числе, в области педагогики, юриспруденции, юридической психологии.

Третьей группой причин нарушений правовой социализации у подростков, по мнению Г.Г. Шиханцова, является сближение со стихийными группами сверстников, сопровождающееся потерей эмоционально положительных связей с семьей и образовательными организациями. При неблагоприятных социальных условиях подростковые группы могут стать асоциальными (или антисоциальными), совершать правонарушения или преступления, т. е. претерпевать существенные сбои процесса правовой социализации [17, с. 52–55].

В период юности происходит последующее формирование интересов и мировоззрения, осуществляется поиск своего места в жизни, совершается самоопределение, и, одновременно, сохраняется восприимчивость к воздействию факторов, способных внести разрушительный эффект в ход правовой социализации.

Представляется уместным здесь привести результаты опроса фонда «Общественное мнение», направленного на выяснение причин, побуждающих российскую молодежь (по мнению россиян) вступать в ряды экстремистских организаций, подобных Исламскому государству. Среди детерминант респонденты назвали не только широкую пропаганду и зомбирование (29%), но и социальные проблемы, а именно, стремление юношей и девушек к «лучшей» жизни, деньгам (13%), неустроенность жизни, безвыходное положение (8%), а также особенности и проблемы в воспитании, семье (6%). Одновременно 12% респондентов объясняют стремление молодежи оказаться в рядах боевиков такими психологическими факторами, как глупость, незрелость и юношеский максимализм, 6% – нехваткой острых ощущений. Еще 8% видят причину этого в отсутствии заботы о молодежи со стороны государства, в отсутствии идеалов, в неправильной идеологии и слабости патриотического воспитания [7].

На наш взгляд, данные опроса не только подтверждают суждения об отрицательном влиянии жизненной неустроенности, ощущения субъективного психологического неблагополучия и трудностей самореализации отдельных представителей молодежи. Они свидетельствуют и о существенной роли совокупности институтов правовой социализации, микро и макро социума в становлении личности и правосознания у молодого поколения.

Рассуждая о правовой социализации лиц юношеского возраста целесообразно сослаться и на мнение Л.В. Карнаушенко, подчеркивающего опасность стихийности данного процесса. Автор утверждает, что освоение информационно-компьютерных и телекоммуникационных технологий способствует приобщению студенческой молодежи к различным социальным и культурным феноменам, минуя агентов социализации. Тяготение молодежи к запретному объясняется ее социально-психологической природой, неприятием советов и мнений взрослых, стремлением к самореализации различными способами, в некоторых случаях – асоциальными и антисоциальными [9].

С точки зрения Л.В. Карнаушенко, увеличение блока некачественной информации является индикатором духовно-нравственного кризиса общества. При этом комментарии различных коммуникаторов в сети зачастую искажают ключевые представления о праве, подвергают сомнению и отрицательному воздействию основанные на нем

мировоззренческие взгляды. Поэтому необходим творческий подход, опирающийся на ширококомасштабные исследования молодежного сознания в целях адаптации транслируемого материала для аудитории [9].

Одно из решающих воздействий на процесс правовой социализации и формирование личности *в зрелом возрасте* оказывает трудовой коллектив и профессиональная сфера. В случае достижения желаемого уровня в профессиональной деятельности и успеха в ней у человека, как правило, возрастает положительная мотивация к труду, происходит творческое развитие личности средствами профессии [13, с. 136].

В то же время, на данном этапе социализации оказывается возможным отрыв личности от трудового коллектива, уход ее в группы антисоциального характера, когда на смену институту социализации приходит своеобразный институт «десоциализации». Данная проблема, по мнению Г.М. Андреевой, недостаточно исследована. Однако можно предположить, что это оказывается реальным в ситуациях, когда люди не находят себе применения и не имеют возможности самореализоваться в профессиональном отношении [2, с. 222].

Интересными в этой связи представляются исследования индивидуально-психологических особенностей личности сотрудников правоохранительных органов, осужденных за совершение преступлений, проведенные В.А. Лютых и И.Н. Коноплевой. Согласно полученным ими данным, в целом, по сравнению с правопослушными сотрудниками, сотрудники, совершившие преступления, субъективно ощущают себя менее счастливыми, а их самовосприятие отличается более низким уровнем удовлетворенности собой, своими поступками и личностными особенностями [12].

Вместе с тем, нарушения правовой социализации в зрелом возрасте могут происходить по самым разным сценариям в результате влияния совокупности отрицательных факторов – внутриличностных, профессиональных, семейных, социальных. Причем провоцирующее влияние социальных обстоятельств иногда оказывается наиболее опасным для личности взрослого человека-профессионала в случае, если у него не выработаны стереотипы (алгоритмы) конструктивных профессиональных действий. Достаточно ярко этот феномен проявляется во взаимоотношениях сотрудников дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения (далее – ДПС ГИБДД) с участниками дорожного движения (как правило, водителями).

Стоит вспомнить ситуации, в которых участники дорожного движения предпринимают попытки привлечь к себе внимание инспекторов ДПС ГИБДД не вполне адекватным поведением, демонстрируют издевательский тон диалога, пытаются задеть профессиональное достоинство сотрудников полиции и завести их вопросами и репликами в эмоциональный и интеллектуальный тупик. При этом инспекторы ДПС ГИБДД нередко оказываются неспособными грамотно противостоять подобным провокациям, проявляют эмоциональную неустойчивость или даже превышение служебных полномочий. Здесь можно сослаться на конкретный пример необоснованного применения инспектором ДПС ГИБДД физической силы в отношении блоггера-водителя, нанесения ему телесных повреждений, что в совокупности не только свидетельствует о профессиональной некомпетентности инспектора ДПС ГИБДД, но и квалифицируется впоследствии судом как уголовно-наказуемое деяние [4].

Таким образом, в приведенном случае мы сталкиваемся с одной из траекторий нарушения правовой социализации, сопровождающегося, по сути, драматичными потрясениями, способными кардинально и нежелательно для самой личности изменить ее жизненный путь. Преодоление ненормативных кризисов и нарушений правовой социализации, безусловно, зависит не только от внешних воздействий, но и от внутреннего потенциала, психологического ресурса личности, созидательного стремления человека соответствовать правовой действительности.

Правовая социализация личности реализуется и *на послетрудовой стадии*, например, в общественных организациях для пенсионеров. На данном этапе, чаще всего в пожилом возрасте, вероятность кардинальных изменений в правосознании и правоисполнительном поведении личности низка. Это обусловлено, по-видимому, возрастными психологическими особенностями человека, его меньшей социальной активностью, устоявшимися взглядами и мировоззрением, снизившимся уровнем гибкости поведения. Поэтому целесообразно предположить, что при условии благоприятного протекания правовой социализации в ходе предыдущих жизненных периодов ее нарушения в пожилом и старческом возрасте маловероятны.

Завершая статью, хотелось бы подчеркнуть, что динамика и закономерности правовой социализации личности, ее взаимосвязь с кризисами возрастного развития и соотношение с событиями в основных сферах жизнедеятельности конкретного человека или общества требуют своего фундаментального и научно обоснованного исследования. Не менее важным представляется установление причинно-следственных связей между правовой социализацией и другими феноменами (девиантным поведением, социально-психологической адаптацией индивида, характеристиками норм права и иными явлениями).

В сфере психологической практики предстоящие научные изыскания позволят осуществить грамотную профилактику нарушений правовой социализации личности и социальных групп, а на уровне методологии и теории обусловят дальнейшую разработку и совершенствование категориального аппарата правовой психологии.

Литература

1. Аминов И.И. Юридическая психология: учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 415 с.
2. Андреева Г.М. Социальная психология: учебник для высших учебных заведений. М.: Аспект Пресс, 2001. 384 с.
3. Андрианов М.С. Правовая социализация // Энциклопедия юридической психологии / Под ред. А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. С. 59.
4. В Нижнем Новгороде по заявлению водителя осудили инспектора ДПС [Электронный ресурс] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oUOEdKwA1tA> (дата обращения: 01.10.2016).
5. Выготский Л.С. Вопросы детской психологии. СПб: СОЮЗ, 1999. 224 с.

6. Еникеев М.И. Основы юридической психологии: учебник. М.: Норма, 2009. 448 с.
7. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Социально-психологические факторы вступления молодежи в ИГИЛ // Вопросы психологии. 2016. № 3. С. 16–28.
8. Калашникова А.С., Шалунова А.Д. Особенности представлений родителей о правовой социализации детей [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. № 3. URL: http://psyedu.ru/journal/2014/3/Kalashnikov_Shalunova.phtml (дата обращения: 01.10.2016).
9. Карнаушенко Л.В. Стихийная социализация в процессе формирования правовой идеологии российской молодежи // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 1 (60). С. 42–46.
10. Лажинцева Е.М., Бочавер А.А. Интернет как новая среда для проявления девиантного поведения подростка // Вопросы психологии. 2015. № 4. С. 49–58.
11. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1959. 495 с.
12. Лютых В.А., Коноплева И.Н. Индивидуально-психологические особенности личности сотрудников правоохранительных органов, осужденных за совершение преступлений [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Т. 6. № 2. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2016/n2/81687.shtml> (дата обращения: 01.10.2016).
13. Маркова А.К. Психология профессионализма. М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996. 308 с.
14. Словарь практического психолога / Сост. С.Ю. Головин. Минск: Харвест, 1997. 800 с.
15. Шевченко Н.И. Правовая социализация старшекласников: проблема и способы ее решения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2015. № 1. С. 140–146.
16. Шемякина О.О. Психолого-педагогическая деятельность по профилактике девиантного поведения подростков [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. № 4. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n4/49305.shtml> (дата обращения: 01.10.2016).
17. Шиханцов Г.Г. Юридическая психология: учебник для вузов. М.: ИКД «ЗЕРЦАЛО-М», 2006. 272 с.
18. Эльконин Д.Б. Детская психология. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 384 с.

Legal socialization of personality as a phenomenon of legal psychology

Borisova S.E., Ph.D., associate professor, Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.v. Lukyanov (ya.borisowa-svet2012@yandex.ru)

The relevance of the topic to the continuing importance of legal regulation of human behavior, the necessity of foreseeing the adverse consequences of social disorders and urgency of the prevention of deconditioning and deviant behavioral manifestations. In this regard, it is important to examine the phenomenon of legal socialization, causing interest among the representatives of the human Sciences and specialists in different branches of psychological knowledge. Taking into account the multidimensional nature of this phenomenon, it is an essential consideration of the trajectories of its occurrence in correlation with different interacting with other determinants. Such determinants include age psychological characteristics, experience crises of mental development, socially conditioned factors, and the influence of the professional environment. In article are characterized by individual patterns of legal socialization of a personality, revealing its essence, on the basis of summarizing opinions of scientists based on their own point of view. On the basis of the theoretical analysis made assumptions about the peculiarities of legal socialization of the individual occurring in different age periods of life; formulated likely areas for further study the phenomenon under research legal psychology.

Key words: legal psychology, legal socialization, age, consciousness, personality, and deviant behavior.

References

1. Aminov I.I. Yuridicheskaya psikhologiya: uchebnoe posobie [Juridical psychology]. Moscow: YUNITI-DANA, 2007. 415 p.
2. Andreeva G.M. Sotsial'naya psikhologiya: uchebnyk dlya vysshikh uchebnykh zavedenii [Social psychology]. Moscow: Aspekt Press, 2001. 384 p.
3. Andrianov M.S. Pravovaya sotsializatsiya [Legal socialization]. In Stolyarenko A.M. (ed.). *Entsiklopediya yuridicheskoi psikhologii* [Encyclopedia of legal psychology]. Moscow: YUNITI-DANA, Zakon i pravo, 2003, p. 59.
4. V Nizhnem Novgorode po zayavleniyu voditelya osudili inspektora DPS [Elektronnyi resurs] [In Nizhny Novgorod at the request of the driver condemned the inspector DPS]. *YouTube*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oUOEdKwA1tA> (Accessed: 01.10.2016).
5. Vygotskii L.S. Voprosy detskoj psikhologii [The issues of child psychology]. Saint-Petersburg: SOYUZ, 1999. 224 p.

6. Enikeev M.I. Osnovy yuridicheskoi psikhologii: uchebnik [The foundations of legal psychology]. Moscow: Norma, 2009. 448 p.
7. Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. Sotsial'no-psikhologicheskie faktory vstupleniya molodezhi v IGIL [Socio-psychological factors of youth joining in ISIS]. *Voprosy psikhologii [Questions of psychology]*, 2016, no. 3, pp. 16-28.
8. Kalashnikova A.S., Shalunova A.D. Osobennosti predstavlenii roditelei o pravovoi sotsializatsii detei [Elektronnyi resurs] [Perceptions of parents on the legal socialization of children]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru [Psychological science and education PSYEDU.ru]*, 2014, no. 3. Available at: http://psyedu.ru/journal/2014/3/Kalashnikov_Shalunova.phtml (Accessed: 01.10.2016). (In Russ., Abstr. in Engl.).
9. Karnaushenko L.V. Stikhiinaya sotsializatsiya v protsesse formirovaniya pravovoi ideologii rossiiskoi molodezhi [Natural socialization in the formation of the legal ideology of the Russian youth]. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii [Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia]*, 2016, no. 1 (60), pp. 42-46. (In Russ., Abstr. in Engl.).
10. Lazhintseva E.M., Bochaver A.A. Internet kak novaya sreda dlya proyavleniya deviantnogo povedeniya podrostka [The Internet as a new medium for the manifestation of deviant behavior of teenagers]. *Voprosy psikhologii [Questions of psychology]*, 2015, no. 4, pp. 49-58.
11. Leont'ev A.N. Problemy razvitiya psikhiki [Problems of development of psyche]. Moscow: Publ. Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR, 1959. 495 p.
12. Lyutykh V.A., Konopleva I.N. Individual'no-psikhologicheskie osobennosti lichnosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov, osuzhdennykh za sovershenie prestuplenii [Elektronnyi resurs] [Individual psychological peculiarities of the personality of law enforcement officers convicted of crimes]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and law]*, 2016, T. 6, no. 2, pp. 128-141. Available at: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2016/n2/81687.shtml> (Accessed: 01.10.2016). (In Russ., Abstr. in Engl.).
13. Markova A.K. Psikhologiya professionalizma [Psychology of professionalism]. Moscow: Mezhdunarodnyi gumanitarnyi fond «Znanie». 1996. 312 p.
14. Slovar' prakticheskogo psikhologa [Dictionary of practical psychologist]. Minsk: Kharvest, 1997. 800 p.
15. Shevchenko N.I. Pravovaya sotsializatsiya starsheklassnikov: problema i sposoby ee resheniya [Legal socialization of high school students: a problem and ways of its decision]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta [Bulletin of Moscow state regional University]*. Seriya: Pedagogika [Series: Pedagogy], 2015, no. 1, pp. 140-146.
16. Shemyakina O.O. Psikhologo-pedagogicheskaya deyatel'nost' po profilaktike deviantnogo povedeniya podrostkov [Elektronnyi resurs] [Psychological-pedagogical

prevention of deviant behavior of teenagers]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and law]*, 2011, no. 4. Available at: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n4/49305.shtml> (Accessed: 01.10.2016). (In Russ., Abstr. in Engl.).

17. Shikhantsov G.G. *Yuridicheskaya psikhologiya: uchebnik dlya vuzov [Juridical psychology]*. Moscow: IKD «ZERTSALO-M», 2006. 272 p.
18. El'konin D.B. *Detskaya psikhologiya [Children's psychology]*. Moscow: Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2007. 384 p.

Психология переговорной деятельности сотрудников органов внутренних дел в ситуациях, связанных с фактом совершения преступления

Вахнина В.В., доктор психологических наук, профессор, кафедра психологии педагогик и организации работы с кадрами, Академия управления МВД России (vikavahnina@mail.ru)

В статье рассматривается проблема ведения переговоров с лицами, совершившими преступное деяние в ситуациях, связанных с фактом совершения преступления. Выделено шесть видов переговоров, среди которых: переговоры с террористами, захватившими заложников по корыстным мотивам с целью выкупа или иных выгод; переговоры с преступниками, захватившими заложников, застигнутыми на месте преступления; переговоры с преступниками, действующими по психологическим мотивам; переговоры с политическими экстремистами; переговоры с религиозными фанатиками, действующими в соответствии со своими религиозными убеждениями; переговоры с толпой с целью предотвращения массовых беспорядков. Переговоры с преступниками исследуются как управляемая сбалансированная система, включающая в себя процесс переговоров, управление переговорным процессом под воздействием внешних условий, факторов и субъектный состав, характеризующийся свойствами и психологическими состояниями самих субъектов, осуществляющая прогностическую, аналитическую и координирующую функции.

Ключевые слова: переговорная деятельность, переговоры, сотрудники органов внутренних дел, кризисные ситуации, управление переговорами, переговоры с лицами, совершающими (совершившими) преступные деяния.

Для цитаты:

Вахнина В.В. Психология переговорной деятельности сотрудников органов внутренних дел в ситуациях, связанных с фактом совершения преступления. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 4. С. 16-23. doi: 10.17759/psylaw.2016060403

For citation:

Vahnina V.V. Psychology of negotiating activity of employees of internal affairs agencies in situations related to the fact of committing a crime. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no. 4. pp.16-23.

doi: 10.17759/psylaw.2016060403

Переговорная деятельность является составной частью специальных оперативно-тактических операций состоит и из информационно-аналитического и коммуникативно-прогностического компонентов. Переговоры с преступниками содержат: специфическую криминальную ситуацию, требующую ведения переговоров и достижения целей; диалог сторон – субъектов переговоров; остро негативные взаимоотношения субъектов переговоров; решение задач предупреждения, раскрытия и расследования преступлений; при успешных переговорах – выполнение обязательств, взятых на себя сторонами [1, с.18]. Переговорная деятельность сотрудников ОВД – управляемая система, включающая в себя процесс переговоров, управление данным процессом под воздействием внешних условий, факторов и субъектный состав, характеризующейся психологическими свойствами и состояниями. Соответственно, кризис переговорной деятельности – это состояние разбалансированности управляемой системы переговоров, при которой нарушается взаимодействие субъектов и возникает непримиримое противоречие, срыв согласования и несовместимые с другой стороной цели и интересы участников, аффективные проявления противодействия, отдаление достижения цели, возможная потеря достигнутого положительного результата. Накопление противоречий – одна из составляющих кризиса переговоров, формирующая трудности в общении, испытываемые субъектами переговоров, приводящие к нарушению взаимодействия, невозможности продолжать взаимодействие, т. е. к рассогласованию переговорной деятельности.

Переговорная ситуация становится кризисной, когда возникает совокупность кризисогенных факторов. Кризисогенные факторы, вызывающие нарушения динамики процесса переговорной деятельности, могут иметь экзогенную либо эндогенную доминанту.

Кризисные ситуации переговорной деятельности отличаются динамикой, требующей мобилизации познавательных способностей, эмоциональной устойчивости и характеризуются существенно меняющимися условиями, при которых может возникнуть опасность невыполнения задачи. Кризисные ситуации характеризуются утратой возможности управления ими и включают в себя: фактор неожиданности, динамику развития, неопределенность развития кризиса, неопределенность в выборе решения возникающих проблем, в реализации принятых решений.

В контексте настоящего исследования значима психологическая модель экстремальной ситуации, предложенная А.М. Столяренко, в которой установлен факт: экстремальность есть показатель особого состояния системы «человек в ситуации» (а не просто окружающей обстановки), т. е. объективно-субъективный феномен, зависящий от степени экстремально-профессиональной подготовленности сотрудника и выбора поведения им самим. Так, по особенностям и результатам личностно-обстановочного взаимодействия в системе «человек в ситуации» А.М. Столяренко выделил четыре психологических типа экстремальных ситуаций [6, с.132].

В ходе исследования было изучено 1705 ситуаций, которые и составили банк кризисных ситуаций. Основной упор в изучении переговоров в кризисных ситуациях был сделан на анализе психологической составляющей ситуации, связанной с особенностями взаимодействия субъектов. В бланк анализа включены вопросы, позволяющие получить информацию о перцептивных, коммуникативных, ценностно-мотивационных,

поведенческих и эмоционально-волевых процессах взаимодействия субъектов переговорного процесса.

Ретроспективный анализ трудной кризисной ситуации производил только сам основной участник переговоров, что позволяло зафиксировать субъективное видение им психологических составляющих ситуации, мотивы вхождения в ситуацию и поведения в ней, переживания и иные реакции, различные аспекты восприятия оппонента и представление о самом себе в условиях ситуации, выбираемые способы воздействия на оппонента и личную оценку их результативности, а также оценку эффективности применяемых стратегий и тактик.

В ходе анализа было выделено 6 видов переговоров, среди которых:

- переговоры с террористами, захватившими заложников по корыстным мотивам с целью выкупа или иных выгод (5%). В данной ситуации к ведению переговоров привлекались специалисты центров по противодействию экстремизму, центров специального назначения, родственники, представители местной администрации;

- переговоры с преступниками, захватившими заложников, застигнутыми на месте преступления, а также с преступниками, застигнутыми на месте преступления без захвата заложников (42%). В качестве переговорщиков выступали: сотрудники органов внутренних дел, а также представители местной администрации;

- переговоры с преступниками, действующими по психологическим мотивам: самоубийцами, психически больными, в алкогольном и наркотическом опьянении (30%). Переговоры вели: сотрудники органов внутренних дел, психологи органов внутренних дел, сотрудники ОМОН, сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних, психиатры;

- переговоры с религиозными фанатиками, действующими в соответствии со своими религиозными убеждениями (6%). Переговоры вели: сотрудники центров по противодействию экстремизму, центров специального назначения, родственники, представители местной администрации, священнослужители;

- переговоры с политическими и иными субкультурно-радикальными экстремистами (2%). Переговоры вели: сотрудники центров по противодействию экстремизму, центров специального назначения, родственники, представители местной администрации, священнослужители;

- переговоры с толпой с целью предотвращения возникновения массовых беспорядков (15%). Переговоры вели: сотрудники органов внутренних дел, психологи органов внутренних дел, сотрудники ОМОН, а также представители местной администрации.

Изложенное показывает, что в нашем банке кризисных ситуаций содержится значительно большее количество переговоров с преступниками, которые захватили заложников и при этом были застигнуты на месте преступления.

По мнению экспертов и респондентов, такие переговоры являются не только наиболее распространенными, но и достаточно сложными и требующими применения различных стратегий. Нами были выделены основные формы переговоров (рис. 1), а также их зависимость от степени трудности ведения переговоров. Как можно видеть из приведенной

на рис.1 гистограммы, наибольшую сложность вызывают переговоры через посредника, затем следуют переговоры по телефону и через преграду.

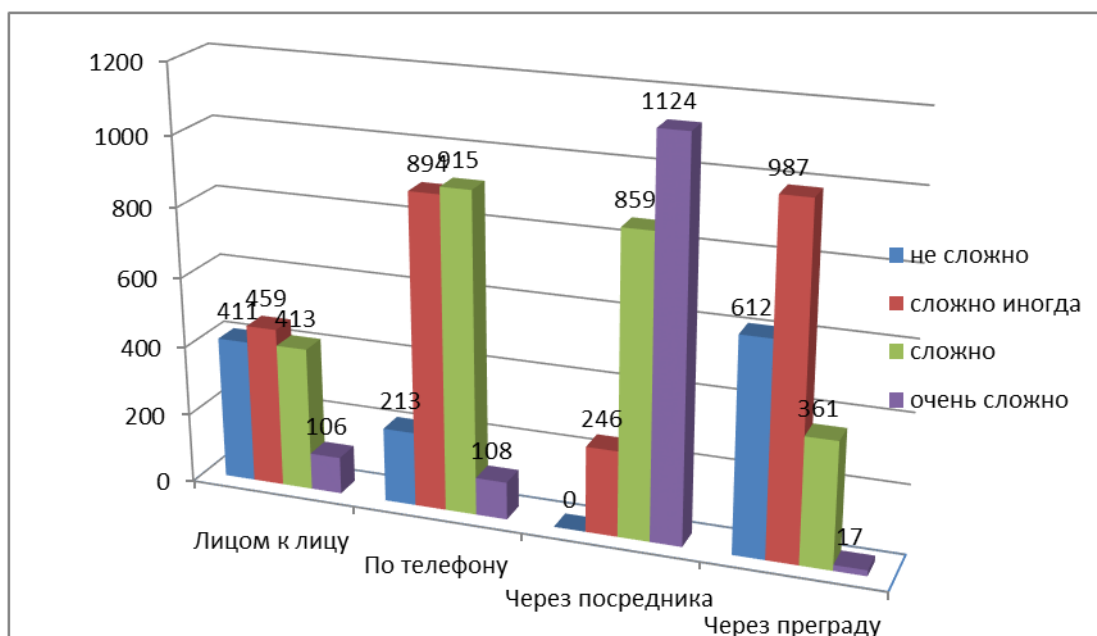

Рис. 1. Основные формы ведения переговоров

Респонденты и эксперты в открытом вопросе «С какими трудностями вы сталкивались?» перечисляли все имевшиеся в конкретной ситуации трудности. Отметим, что по каждой карте выделялись виды трудностей, с которыми сталкивались переговорщики. Процентное соотношение приведено на рисунке 2.

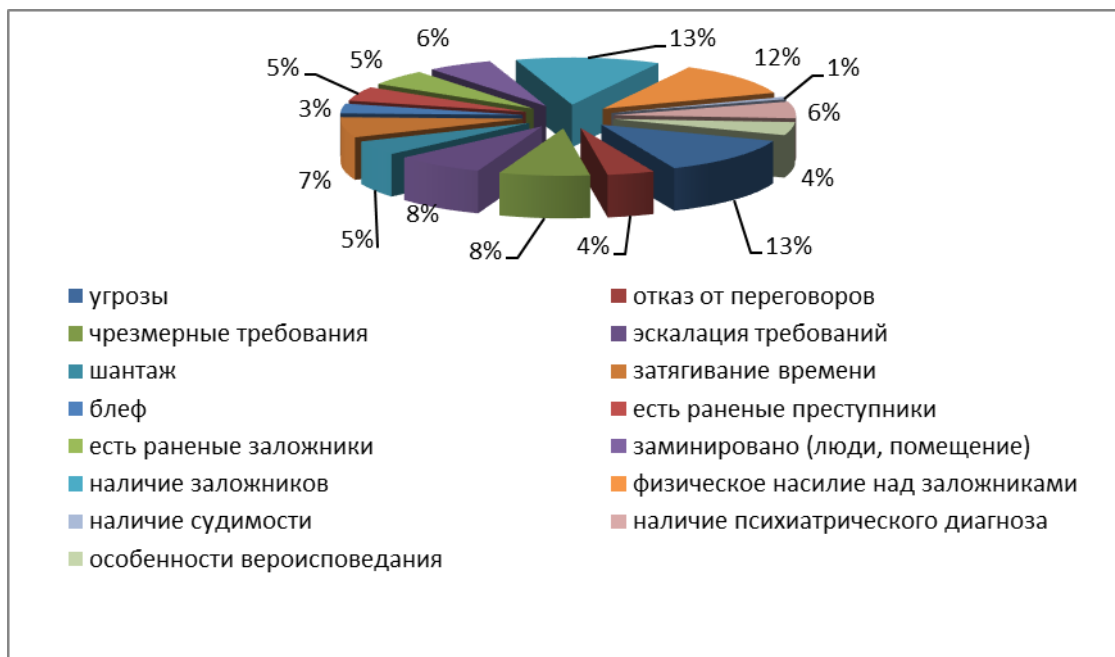

Рис. 2. Трудности в переговорах с преступником

На рис. 2 видно, что среди наиболее часто встречаемых трудностей в порядке ранговой значимости оказались: угрозы, чрезмерные требования и эскалация требований, наличие заложников, физическое насилие над ними.

При возникновении трудностей в процессе переговоров можно говорить о том, что есть риск кризиса.

Так, еще до наступления кризиса по всем пяти компонентам – в ценностно-мотивационном, перцептивном, коммуникативном, поведенческом и эмоционально-волевом – можно говорить о возникших трудностях, повлекших за собой рассогласование взаимодействия субъектов переговоров.

Таким образом, трудности, возникающие при ведении переговоров, в том числе заметно увеличивающиеся количественно, могут создавать предкризисную зону в динамике управляемой системы переговорной деятельности.

Кризисные состояния в переговорных системах по своей природе различны, поэтому единых характеристик для предкризисной и кризисной зоны выявить невозможно, ввиду индивидуальности каждого переговорного процесса, однако количеством трудностей можно пользоваться как неким индикатором риска возникновения преодоления кризиса. На основе анализа эмпирических данных была разработана аналитическая карта переговоров, при заполнении которой можно проводить системный анализ возникающей переговорной ситуации с учетом допустимого нивелирования какого-либо из факторов, тем самым возможно предупредить либо отсрочить наступление кризиса переговоров.

Благодаря обобщению информационной базы по конкретной ситуации, возможен эффективный выбор стратегии и тактики ведения переговоров, с использованием структурно-функциональной модели преодоления кризиса переговоров. Кроме того, с учетом сочетания системных, ситуационных и субъективных факторов, способствующих возникновению кризиса переговоров, анализируя карту, можно прогнозировать наступление кризиса. Значит, при учете допустимого нивелирования какого-либо фактора можно будет предупредить либо отсрочить наступление кризиса переговоров.

Следовательно, кризис возникает в ситуации при наличии совокупности кризисогенных факторов. Они могут быть преимущественно как эндогенными (обусловленными характеристиками субъектов переговоров), так и экзогенными (обусловленными внешними факторами). Наличие обеих групп факторов оказывает влияние на эмоциональное состояние субъектов, что затрудняет возможность разрешения противоречий за счет искажения на перцептивном уровне, а также возникновения коммуникативных барьеров и рассогласования целей. Уровень контроля над своим внутренним состоянием определяет степень разрешения противоречий: изменение эмоционального состояния отражает степень преодоления кризисной ситуации.

Рассматривая проблемы в организации процесса переговорной деятельности, респонденты поставили на первое место проблему возникновения взаимодействия между переговорщиками и преступниками – 40% и на второе место – проблему подготовки переговорщиков – 38%. В группе экспертов – соответственно 32 и 25%. При этом организационные, процедурные, правовые проблемы значительно менее значимы, с точки

зрения как респондентов, так и экспертов. Выделялась также проблема взаимодействия между лицами, осуществляющими переговорный процесс.

Рассматривая условия, оказывающие влияние на переход переговоров в состояние кризиса, как эксперты, так и респонденты выделили (в порядке ранговой значимости) дефицит времени, неопределенность, неполную информацию, стресс, давление руководства, личную ответственность, вмешательство СМИ и общественный резонанс. Наибольшие значения – у неполноты информации и личной ответственности переговорщика как условий, влияющих на переход переговоров в состояние кризиса. При этом незначимым оказалось количество преступников [2, с. 159].

Рассматривая компоненты, которые оказывают влияние на переход переговоров в состояние кризиса, мы выявили: ценностно-мотивационный (потребности, мотивы, цели); коммуникативный (вербальное, невербальное общение); перцептивный (особенности восприятия других субъектов переговоров); эмоционально-волевой (чувства и эмоции); поведенческий (тактики и стратегии переговоров) компоненты.

Каждая ситуация переговоров с преступником имеет свои индивидуальные особенности, в том числе психологические. Типизация преступников имеет важное методическое значение для переговорного процесса, ибо позволяет моделировать ответную реакцию на усилия правоохранительных органов по урегулированию конфликта, формированию комплекса аргументов, действий, стиль, которые позволили бы снизить уровень агрессивности преступного поведения и расширить возможности освобождения заложников [3, с. 408].

Приемлемость условий, выдвигаемых преступниками, можно разделить на три группы: а) непротивоправные (приемлемые): обращения с жалобами, протестами, требованиями, в том числе придачи огласки в средствах массовой информации, расследования фактов; б) противоправные (приемлемые): требования выезда в другую страну, выкупа, предоставления транспортных средств; в) противоправные (неприемлемые): предоставление оружия, боеприпасов, взрывчатых, отравляющих, бактериологических, радиоактивных и других подобных веществ; освобождение преступников вне правовых процедур (амнистии, помилования); увеличение числа жертв преступлений.

Имплицитная дифференциация со стороны переговорщиков-сотрудников ОВД лиц, совершающих преступные деяния – строится по различным основаниям. В сложных ситуациях переговоров важно учитывать такие фактора, как тип личности преступника и особенности ситуации, связанные с фактом совершения преступления. Учет психологических особенностей преступника позволяет переговорщику определить эффективную стратегию ведения переговоров и осуществить профилактику возможных кризисов [4, с. 98].

Следовательно, для выбора оптимальной стратегии поведения при ведении переговоров переговорщику необходимо оценить реальность угрозы с учетом отмеченных особенностей личности преступника.

Как показывает анализ карт кризисных ситуаций, наиболее эффективными и часто встречающимися переговорными стратегиями являются: «помощь» – поддержка,

сочувствие, готовность слушать, задавать вопросы, «назначить внешнего врага»; «авторитет» – надежность и уполномоченность (легитимность).

В процессе исследования карт кризисных ситуаций нами были выделены стратегии поведения, которые могут меняться в зависимости от развития процесса переговорной деятельности. Стратегия «помощь» среди выделенных типов переговорных ситуаций использовалась при захвате заложников в 32% случаев. Стратегии «давление», «аргументы» и «рациональное убеждение» применялись значительно реже. Для всех типов ситуаций, но в меньшей степени, характерно использование стратегии «аргументы» [5, с.121].

По нашему мнению, это свидетельствует о том, что для сотрудников ОВД характерно оказание эмоциональной поддержки и недостаточное использование стратегии «аргумента», что может быть реализовано в процессе дальнейшей подготовки переговорщиков.

Актуальность данного вывода подтверждает то, что процесс преодоления кризиса в переговорах, по мнению респондентов, должен идти с учетом психологических особенностей преступника и ситуации, что позволит определить эффективную стратегию ведения переговоров и недопустить возможные кризисы. Выбор оптимальной переговорной стратегии осуществляется с учетом совокупности кризисогенных факторов, ситуационных переменных и характеристик субъектов переговоров.

Литература

1. *Вахнина В.В.* К проблеме преодоления кризисов переговорной деятельности в практике ОВД // *Психология и право*. 2012. № 1. С.18–21.
2. *Вахнина В.В.* К вопросу о психологии преодоления кризисов переговорной деятельности в практике органов внутренних дел // *Материалы международной научно-практической конференции (Коченовские чтения) «Психология и право в современной России»*. М.: МГППУ, 2012. С. 158–161.
3. *Вахнина В.В.* Особенности кризисных ситуаций в переговорной деятельности сотрудников полиции // *Социально-экономические и психологические проблемы управления: материалы 1(4) международной научно-практической конференции*. М.: МГППУ, 2013. С. 407–412.
4. *Вахнина В.В.* Психологические особенности переговорной деятельности сотрудников органов внутренних дел с преступниками // *I Всероссийская научно-практическая конференция «Межличностный контакт: теория, методология и практика внедрения в правоохранительной сфере»*. Москва: МГППУ, 2015. С. 97–101.
5. *Вахнина В.В.* Изучение переговорной деятельности в зарубежных исследованиях // *Психология и право*. 2016. Т. 6. № 2. С. 120–127.
6. *Столяренко А.М.* Экстремальная психопедагогика : учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 607 с.

Psychology of negotiating activity of employees of internal affairs agencies in situations related to the fact of committing a crime

Vakhnina V.V., Doctor of Psychology, Professor, Academy of Management MIA Russia (vikavahnina@mail.ru)

The author considers the problem of negotiating with the perpetrators of the criminal act in situations related to the fact of the crime. It identified six types of negotiation, including: negotiating with terrorists, hostage-taking on mercenary motives for ransom or other benefits; negotiate with criminals, hostage-taking, being caught in flagrante delicto; negotiate with criminals operating on psychological grounds; talks with political extremists; Negotiations with religious fanatics, acting in accordance with their religious beliefs; Negotiations with the crowd in order to prevent riots. The negotiations with the criminals studied as a managed balanced system, which includes the process of negotiation, management negotiating process under the influence of external conditions, factors and subjects of composition.

Keywords: negotiations, enforcement officers INSIDE CAP cases, crises management negotiations, negotiations with the perpetrators (committed) criminal acts.

References

1. Vakhnina V.V. On the problem of overcoming the crisis negotiation activities in the practice of ATS // Psychology and Law. 2012. no. 1. P. 18-21.
2. Vakhnina V.V. To a question about the psychology of crisis management negotiation activities in the practice of law-enforcement bodies // Proceedings of the international scientific-practical conference (Kochenovskie reading) "Psychology and Law in Russia today." Moscow: MGPPU. 2012. P. 158-161.
3. Vakhnina V.V. Features crises in negotiation activities of police officers // Socio-economic and psychological problems of management: Materials 1 (4) of the international scientific-practical conference. Moscow: MGPPU. 2013. P. 407-412.
4. Vakhnina V.V. Psychological features of negotiating activity of police officers against criminals // I All-Russia scientific-practical conference "The Interpersonal contact: theory, methodology and practice of implementation in law enforcement." Moscow: MGPPU. 2015. P. 97-101.
5. Vakhnina V.V. Learning negotiation activities in the foreign studies // Psychology and Law. 2016. Vol. 6. no. 2. pp 120-127.
6. Stolyarenko A.M. Extreme psychopedagogy: Proc. manual for schools. Moscow: UNITY-DANA, 2002. 607 p.

К вопросу о вмешательстве сторонних лиц в семью и процесс воспитания

Веселова Е.С., эксперт-психолог НП «Южный экспертный центр» (clausfree@mail.ru)

В статье выделяются четыре основных фактора возникновения тревоги у граждан по поводу вмешательства государственных органов в семью и процесс воспитания. Предложены семь критериев нарушений со стороны родителей, дающих право на вмешательство государства в жизнь семьи. Рассматриваются причины недоверия к органам опеки, предлагаются пути решения данной проблемы и способы повышения уровня доверия данной службе.

Обсуждается введение новых правовых регуляторов взаимодействия родителей и ребенка, а также чем опасна ограниченность репертуара родительского воспитания, какие методы воспитания будут казаться архаичными через триста лет и почему так трудно внедрить новые педагогические технологии в жизнь людей.

Обозначаются проблема реализации гражданской позиции и стереотипы российского общества, мешающие очевидцу правонарушения вовремя прийти на помощь ребенку, попавшему в сложную жизненную ситуацию.

Предложены варианты повышения педагогической грамотности родителей и преодоления стереотипов, препятствующих реализации гражданской позиции в отношении защиты чужих детей от жестокого обращения.

Ключевые слова: органы опеки, процесс воспитания, гражданская позиция, нововведения, методы решения социальных проблем.

Для цитаты:

Веселова Е.С. К вопросу о вмешательстве сторонних лиц в семью и процесс воспитания. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 4. С. 24-34. doi: 10.17759/psylaw.2016060404

For citation:

Veselova E.S. On the issue of third parties intervening in family and education process. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no. 4. pp.24-34. doi: 10.17759/psylaw.2016060404

В последние годы все чаще в СМИ появляются новости, репортажи на темы ювенальной юстиции, в которых скорее в негативном контексте показывают зарубежный опыт

применения данной правовой системы, когда у родителей забирают детей, не разобравшись в культурных особенностях воспитания и национальной принадлежности семьи. Пока обсуждается вопрос о необходимости внедрения ювенальной юстиции в России и о том, что подразумевать под этим понятием, население страны уже формирует свое мнение. При этом население недостаточно информировано о том, что ювенальная юстиция – это не только вмешательство государства в семью, но также и система правосудия в отношении несовершеннолетних.

По данным социологического исследования, проводимого фондом «Общественное мнение» в 2013 г., на тот момент всего 21% россиян были знакомы с понятием ювенальной юстиции, при этом тех респондентов, которые положительно относятся к идее ее внедрения в России, оказалось в два раза меньше, чем тех, которые были против (ФОМ, 2013).

Как известно, возникновение нового в жизни человека, а тем более глобальное внедрение новых механизмов регулирования социальных отношений, неизбежно вызывает сопротивление, связанное с неохобией, к внешним причинам которой относят экономическую, социальную и политическую нестабильность в государстве и в мире в целом. Люди, которые не могут быть уверены в завтрашнем дне, эмоционально нестабильны и поэтому чаще подвержены различному негативному воздействию и как следствие – появлению неохобии (Змановская Е.В., 2003).

Как правило, страх появляется от неизвестности, отсутствия четких формулировок понятий, критериев нарушений, допускающих необходимость вмешательства государственных органов в жизнь семьи. Можно выделить четыре возможных причины возникновения негативного отношения к существующим в России органам опеки и возможности введения новой правовой системы защиты прав несовершеннолетних – ювенальной юстиции.

1. Отсутствие критериев необходимости вмешательства государственных органов в семью и процесс воспитания.
2. Недоверие к государственным органам опеки и неуверенность в их компетенции.
3. Ограниченный репертуар методов родительского воспитания.
4. Несформированность гражданской позиции в отношении защиты чужих детей.

Рассмотрим основные варианты причинения физического либо психологического вреда ребенку, которые встречаются в неблагополучных семьях, а также разберемся, какие третьи лица в праве помочь ребенку, оказавшемуся в сложной ситуации.

По нашему мнению, можно выделить семь основных критериев ненадлежащего обращения с детьми, наличие которых свидетельствует о необходимости вмешательства государственных органов в семью и процесс воспитания.

1. Истязание (ст. 117 УК РФ). Причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями. В пункте «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ указывается на квалифицирующее обстоятельство – совершение деяния в отношении заведомо несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной

зависимости от виновного. Речь идет, в частности, о служебной, родственной, иерархической зависимости в референтной группе (зависимости от педагога, воспитателя, руководителя спортивной секции и т. п.), а равно лица, похищенного либо захваченного в качестве заложника.

Способами истязания могут быть любые действия, связанные с многократным или длительным причинением боли – щипание, сечение, причинение множественных, хотя и небольших, повреждений тупыми или остроколющими предметами, а также воздействие термических факторов.

2. Побои (ст. 116 УК РФ). Нанесение побоев или совершение других насильственных действий, причинивших физическую боль. Такого рода действия имеют своим объектом здоровье человека. С объективной стороны побои представляют собой нанесение многократных ударов. Нанесение одного удара не может называться побоями при отсутствии признаков причинения вреда здоровью. Иные насильственные действия – сдавливание части тела, вырывание волос, щипание – приравнены в настоящей статье к побоям.

3. Сексуальная эксплуатация (ст.ст. 131 – 132 УК РФ). Изнасилование и совершение действий сексуального характера. К данной категории потерпевших относятся жертвы инцестуальной связи, когда ребенок эксплуатируется в целях оказания сексуальных услуг родителю либо другому близкому родственнику. Согласно примечанию к ст.131 УК РФ (Федеральный закон от 29.02.2012 г. № 14) лица, не достигшие 12-летнего возраста, в силу возраста находятся в беспомощном состоянии, т. е. не могут понимать характер и значение совершаемых с ними действий и оказывать сопротивление посягавшему.

4. Использование ребенка в своих корыстных целях. Перечень возможных целей использования достаточно широк. Известны случаи, когда взрослый, чтобы избежать уголовной ответственности, использует ребенка для совершения преступления. Примером могут служить ситуации с распространением наркотиков, когда ребенок представляется «безопасным» распространителем, хранителем или переносчиком запрещенных веществ. Распространена практика попрошайничества женщинами с использованием малолетнего ребенка, что вызывает жалость и побуждение помочь. Возможно даже совершение убийства «руками» ребенка, хотя при раскрытии преступления подобное использование малолетних рассматривается судом как отягчающее обстоятельство.

5. Унижение, что предполагает откровенно унижительное и неприличное по форме обращение с несовершеннолетним лицом, реализующее грубо отрицательную оценку его личных качеств. Неприличная форма предполагает использование нецензурных выражений, вульгарных эпитетов, непристойных жестов, таких действий, как нанесение пощечин, плевок в лицо, таскание за волосы, опрокидывание в грязь, выставление в неприглядном виде перед сверстниками или другими людьми.

В то же время данные действия по отношению к ребенку не могут квалифицироваться как оскорбление (ст. 130 УК РФ), так как оскорбление подразумевает глубину и силу внутренних переживаний оскорбленного лица, воздействие нанесенного оскорбления на психофизическое состояние и здоровье этого лица. Оскорбление может быть нанесено только лицу со сформированной Я-концепцией, осознанным и закрепленным представлением о себе.

6. Вовлечение в асоциальную деятельность. Имеется в виду втягивание ребенка в асоциальную среду или деятельность, внутри которой он может самостоятельно действовать, принимать решения. Ребенку может понравиться такой образ жизни. Под асоциальным поведением понимается уклонение от выполнения морально-нравственных норм, непосредственно угрожающее благополучию межличностных отношений. Оно может проявляться как агрессивное поведение, сексуальные девиации, вовлеченность в азартные игры, бродяжничество. В подростковом возрасте наиболее распространены уходы из дома, бродяжничество, отказ от обучения. У детей чаще встречаются побеги из дома, злословие, ложь, воровство, вымогательство и попрошайничество.

7. Неудовлетворение жизненно важных потребностей для физического и психического развития. Конечно, к физическим потребностям в первую очередь относится потребность в пище, сне, отдыхе, достаточном пространстве для развития. В экспертной практике автора встречался случай жестокого обращения с ребенком, когда отчим, помимо избиений пасынка, лишил его возможности ходить в туалет.

Ребенок должен получать необходимое количество сенсорных – зрительных, слуховых, осязательных и прочих – стимулов, получать необходимую информацию об окружающей действительности; у ребенка должна быть возможность общения с другими людьми – сверстниками и взрослыми. Ребенок должен иметь возможность строить эмоциональные связи (особенно с матерью).

Также следует учесть возможность формирования правильной гендерной идентификации. Встречаются случаи, скорее в неполной семье, когда родитель, страдая от психического расстройства, воспитывает своего ребенка другого пола в соответствии со своими несбывшимися ожиданиями. Так, мальчика могут наряжать девочкой, и наоборот, формировать у ребенка ложное представление о себе и провоцировать насмешки и издевательства со стороны сверстников.

В большинстве случаев первыми очевидцами того, что ребенок подвергается насилию, истязанию, опасному влиянию со стороны родственников либо находится в состоянии депривации, либо его вообще не выпускают из дома, являются соседи, учителя в школе, другие родственники или посторонние люди, прохожие. Однако из рассмотренных семи пунктов ненадлежащего обращения с ребенком под юрисдикцию Уголовного кодекса попадают только четыре – истязание, побои, сексуальная эксплуатация и использование ребенка в корыстных целях. В остальных трех случаях неравнодушный свидетель может обратиться только в органы опеки, что на практике представляется малоосуществимым.

В настоящее время в стране в вопросах защиты детей главную роль играют органы опеки, в то время как действия правоохранительных органов строго регламентированы Уголовным кодексом, поэтому граждане, ставшие свидетелями ненадлежащего обращения с ребенком, могут обращаться в полицию или Следственный комитет только в случае, если совершено явно противоправное деяние. Но как уже отмечалось, органы опеки и попечительства не имеют четкой идеологии своей социальной миссии. Поэтому специалисты из разных областей гуманитарного знания, компетентные в вопросах воспитания детей, в первую очередь психологи, должны разработать понятную методологическую основу для помощи семьям.

Несмотря на большую ответственность, возложенную на органы опеки и попечительства, у населения страны сформировалась некоторая доля недоверия к их практике и неуверенность в их компетентности. Почему же так происходит?

Органы опеки представляет собой аппарат сотрудников, который подчиняется чиновникам системы образования. Мало кто имеет представление о том, где именно работают эти люди, кто они, в чем именно заключается их работа. В отличие от деятельности правоохранительных, судебных органов, чья деятельность всегда на виду, у органов опеки отсутствует публичность, которая давала бы гражданам основания понимать, почему было принято то или иное решение. К примеру, чиновники ФСИН постоянно взаимодействуют с общественными и некоммерческими организациями. В МИДе, МВД, СК созданы специальные службы по связям с общественностью, которые постоянно отчитываются о своей работе. Что касается службы опеки, она практически не заботится о своей общественной репутации.

Внимание СМИ привлекает преимущественно те конфликтные ситуации, в которых органы опеки ведут себя некомпетентно, тем самым СМИ формируют негативный образ этой системы.

В то же время, слабо представляется связь чиновников системы образования с реальным гражданским обществом и их возможность быть вовлеченными в проблемы конкретной семьи, ее жизненную ситуацию. Чаще всего сотрудники опеки сосредоточены на разрешении правовых коллизий, поэтому представляются людьми, скрытыми за стопами документов.

Для принятия взвешенных решений органы опеки должны максимально использовать ресурсы экспертного сообщества психологов для решения вопросов разрешений конкретных ситуаций по делам несовершеннолетних. Привлечение компетентных лиц и наиболее квалифицированных специалистов поможет преодолеть ограниченность взгляда с позиции чиновника на человеческие проблемы. Взаимодействие с экспертами дает возможность получить данные от независимых источников, профессионально выполняющих свою работу. Прежде всего, это психологи-практики, имеющие, кроме базового образования, подготовку в различных областях современных педагогических и психологических технологий. Сотрудники органов опеки могут иметь доступ к таким технологиям через участие в конференциях, методических семинарах и т. д. В то же время очень часто нужен новый, не трафаретный взгляд профессионала, свободного от необходимости следования различным инструкциям, не имеющего прямой служебной зависимости от чиновников.

Говоря о внешних аспектах регулирования жизни семьи, следует посмотреть на ситуацию изнутри. Предположим, что в скором будущем будут сформулированы новые правовые регуляторы взаимодействия родителей с детьми и устаревшие меры воспитания будут считаться недопустимыми, например, воспитание путем причинения физической боли. Долго продолжаются споры о том, можно ли бить ребенка или нет, но никто из официальных лиц не может решиться на то, чтобы выразить однозначное мнение на этот счет. Хотелось бы обратить внимание на то, что взрослых людей не воспитывают «розгами», более того, их физическая и психическая целостность охраняется законом. Возникает вопрос, почему проблема применения телесных наказаний к детям в семейном воспитании до сих пор не имеет однозначного решения.

Вероятно, существует несколько объяснений возникновения данного затруднения. Первое состоит в культурном наследии и социальной ригидности. Сразу вспоминается памятник русской литературы «Домострой», где детей предписывается воспитывать «не ослабляя, бия младенца». А некоторые родители и сейчас считают, что детей нужно бить только для профилактики, вероятно, следуя английской поговорке «*Пожалеешь розгу – испортишь ребенка*».

Общество часто очень болезненно реагирует на нововведения, трудно воспринимает научные открытия, которым предписано менять бытовой уклад людей, несмотря на то, что через некоторое время никто уже не представляет жизни без того самого преобразования, которое сначала было встречено агрессивно. Яркий литературный пример из книги Екатерины Коути «Недобрая старая Англия» красочно иллюстрирует возмущение выпускников по поводу новой реформы в одной из самых престижных школ в Англии XIX века – пансионе для мальчиков «Итон»: «Розга была символом Итона, но в 1911 году директор Литтелтон совершил святотатство — упразднил розгу в Старшем отделении, заменив ее тростью. Бывшие ученики пришли в ужас и наперебой уверяли, что теперь английская система образования покатится в тартарары. Родную школу без розог они просто не могли вообразить!»

Если представить, что через, скажем, триста лет применение физического насилия в целях воспитания будет считаться первобытной дикостью при взгляде назад в прошлое, то что нам мешает сегодня, когда мы находимся в пограничном состоянии, поставить под запрет подобные методы физических наказаний детей в семье?

Второй причиной, по которой вопрос с физическими наказаниями остается нерешенным, является ограниченность репертуара методов родительского воспитания.

Исследование о том, каким должен быть идеальный родитель в представлении людей с различным уровнем образования, показало, что чем выше уровень образования человека, тем он дальше от стереотипов, сложившихся в обществе. Можно предположить, что люди с высшим образованием будут иметь более андрогинный идеал родителя и, следовательно, более разнообразный, чем люди со средним образованием, которым свойственно предпочитать традиционные идеалы.

Согласно проведенным исследованиям, люди со средним образованием представляют себе идеального родителя более властно-лидирующим, независимо-доминирующим и застенчиво-покорным, чем люди с высшим образованием (Овчарова Р.В., 2005).

Таким образом, родители с высшим образованием с большей вероятностью проявляют гибкость в воспитании, их подход более творческий, они дают детям свободу выбора, не стремятся к доминированию и не подавляют их.

Воспитание включает в себя элемент самовоспитания. Ребенок может вырасти прекрасно социализированным и вопреки тяжелой обстановке в семье, но может случиться и наоборот. Чаще всего самым действенным способом повлиять на ребенка является наглядный пример поведения его родителей. Таким образом, даже хорошо образованные молодые родители в чем-то копируют своих родителей в процессе общения с ребенком, а модель воспитания передается из поколения к поколению, привносится новое, какие-то элементы отмирают.

Проблема ограниченности репертуара методов родительского воспитания заключается в том, что при введении запрета на причинение физической боли или унижение ребенка в семьях, где всегда было принято так воспитывать детей, родителям будет сложно измениться ввиду отсутствия в их арсенале замещающего экологичного, гуманного метода воспитания. Велика вероятность того, что их стиль поведения не изменится, но станет замалчиваться; детям будут говорить, чтобы они нигде не рассказывали о том, что их бьют, иначе их заберут у родителей. Тогда проблема станет латентной, ее будет сложнее решать. Таким родителям необходимо помогать искать вместо неэффективных старых новые способы решения проблем с детьми, а также решать их личные проблемы, источники которых часто происходят из их собственного детства.

Бывают ситуации, когда благополучный родитель, находясь в эмоционально неустойчивом состоянии после трудного дня на работе или перенесенного стресса, на когнитивном уровне понимает, что действует неправильно, но не может сдержать себя, если ребенок ведет себя плохо. Ему кажется, что он ругает или бьет своего ребенка в целях воспитания, но на самом деле он всего лишь разряжается, выплескивает эмоции, что никак не является воспитывающим фактором. Такому родителю нужна квалифицированная психологическая поддержка, помощь.

Из вышеизложенного следует, что родителям, нуждающимся в помощи, необходимо показать альтернативные варианты воспитания детей и наладить линию диалога с ними. Самым доступным и реализуемым способом общения с родителями может стать открытие «горячей линии» или онлайн-сервиса, где родители и сами дети смогут получить консультацию у психолога или педагога по поводу сложной ситуации. В настоящее время широко распространены юридические, медицинские, психологические сайты, где на добровольной основе волонтерами работают профессионалы, консультирующие людей в кризисных ситуациях. Данный ресурс должен быть ориентирован на помощь семьям. Впоследствии он может работать под брендом ювенальной юстиции, формировать ее положительный образ.

Также можно создавать интересные обучающие телевизионные программы, реалити-шоу по типу «Супер-няни», где специально обученная няня приходит в многодетные семьи и за неделю превращает их дом в образец послушания и взаимопонимания. Такие программы будут демонстрировать способы выхода из кризисной ситуации, когда дети выходят из-под контроля, а родители потеряли надежду на понимание с их стороны. В любом случае, при понятном изложении различных подходов и способов общения с ребенком у родителя возникает интерес, желание попробовать новый метод.

Для жителей отдаленных населенных пунктов могут быть доступны телефонная «горячая линия» или тематические радиопередачи. По аналогии с программой повышения финансовой грамотности населения можно организовать курсы для родителей. Если раньше для изучения иностранного языка нужно было заканчивать филологический факультет, то теперь любой желающий может записаться на курсы. Совершенно не обязательно получать психологическое или педагогическое образование, чтобы научиться общаться со своими детьми.

Последний вопрос, который хотелось бы затронуть в данной статье, – гражданская позиция в отношении защиты чужих детей.

В апреле 2016 г. в Волгограде произошел резонансный случай. Немолодая пара из Италии усыновила русского мальчика из детдома. Пока готовили загранпаспорт для ребенка, они оставались в России. В один из дней новоиспеченная семья решила отправиться на мессу в костел. По дороге мальчик начал капризничать и отказался переходить дорогу. Когда сопротивление было сломлено и дорогу перешли, отец решил преподнести сыну урок и стал бить его по лицу рукой наотмашь. В этот момент вышел с работы и направился домой руководитель Следственного комитета, напротив дверей здания которого по воле случая и происходили данные события. Как отмечает сам сотрудник СК, увидев, что мужчина ударил ребенка по лицу, сначала подумал, что он делает это в воспитательных целях, но когда тот занес руку для удара второй раз, вмешался в конфликт. На итальянских родителей завели уголовное дело. Ребенка забрали в больницу, далее последовал судебный процесс.

Данное обстоятельство сложилось таким образом, что свидетелем агрессивного поведения отца стал человек, работающий в правоохранительных органах, знающий, куда обратиться, наделенный властью, имеющий авторитет в обществе. Следует отметить, что даже такой компетентный человек не сразу смог оценить обстановку. Но что делать случайному прохожему, оказавшемуся в подобной ситуации? Где та грань поведения родителей, при переходе через которую можно вмешаться. Прохожему, в отличие от соседей и учителей сложно оценить ситуацию, является ли такое нарушение прав ребенка систематичным, привычным для данной семьи. Но даже для людей, которые знают семью на протяжении длительного периода времени, сложно принять решение обратиться за помощью в правоохранительные органы или органы опеки и «донести» на соседей за ненадлежащее отношение их к собственному ребенку.

Возможно, внутреннее сопротивление свидетеля плохого обращения с ребенком обусловлено историческим наследием советских времен. Если в Германии могут легко пожаловаться на то, что сосед не сортирует мусор, а в США есть самоорганизующийся гражданский патруль «Соседский дозор» для предотвращения правонарушений, который сразу сообщает в полицию, когда видит, что кто-то нарушает закон, то в России крайне негативно относятся к доносительству и доносчикам. Вряд ли кто-то хочет быть стигматизирован как «стукач» или доносчик.

В таких случаях следует разработать программу защиты свидетелей, когда для фигурантов дела источник информации будет оставаться в тайне. Однако стоит избегать полной анонимности сообщений о правонарушениях, так как это может превратиться в способ сведения счетов, когда жалоба поступает на родителей из благополучной семьи, если сосед решил отомстить.

Рассмотрение причин недоверия к государственным органам опеки показало, что привнесение в их деятельность большей публичности и максимальное использование ресурсов экспертного сообщества могло бы повысить у граждан уровень уверенности в компетентности данного аппарата.

Литература

1. *Абрамова Г.С.* Возрастная психология. - М.: Издательский центр «Академия», 1999. 672 с.
2. *Боулби Дж.* Создание и разрушение эмоциональных связей. М.: Академический Проект, 2004. 232 с.
3. Всероссийское родительское сопротивление [электронный ресурс] / Фонд «Общественное мнение». URL: <http://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/10839> (дата обращения: 23.06.2016).
4. *Змановская Е.В.* Девиантология (психология отклоняющегося поведения): учеб. Пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 288 с.
5. *Карabanова О.А.* Психология семейных отношений. Самара, 2001. 122 с.
6. *Крайг Г.* Психология развития. СПб.: Питер, 2000. 992 с.
7. *Лангмейер Й.* Психическая депривация в детском возрасте / Й. Лангмейер, З. Матейчек. Прага: Авиценум, Медицинское издательство, 1984. 467 с.
8. *Овчарова Р.В.* Психология родительства: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 368 с.
9. Психология социальных ситуаций: Хрестоматия / Сост. Н.В. Гришина. СПб., 2001. 416 с.
10. *Райгородский Д.Я.* Ребенок и семья. Самара: Издательский дом БАХРАХ; М., 2002. 735 с.
11. *Шведовская А.А.* Особенности переживания детско-родительских отношений и взаимодействие с родителями детей старшего дошкольного возраста [Электронный ресурс] // Электронный сборник статей портала психологических изданий PsyJournals.ru. 2009-1. № 2009-1. URL: <http://psyjournals.ru/pj/2009-1/22858.shtml> (дата обращения: 14.08.2016).
12. *Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.* Психология и психотерапия семьи. СПб., 2008. 672 с.

On the issue of third parties intervening in family and education process

Veselova E.S., forensic psychologist NP «South Expert Center» (clausfree@mail.ru)

The author discusses the problem of why Russians have formed a negative attitude to the existing image of Juvenile justice, regarded to the regulation of family relations. The paper highlights the four main factors of occurrence of citizens' fear about the governmental intervention into the family life. The paper suggests seven criteria of parents' offences, giving the right to state interference in their private lives. This article discusses the reasons for distrust of the trusteeship bodies, suggests ways to improve confidence in the service. We discuss the establishment of a new legal regulatory interaction of parents and children, the danger of the parenting repertoire scantiness, methods of education which will seem archaic in three hundred years, and why it is so difficult to introduce new technology into people's lives. A more detailed look at the reasons for maintaining family cruel methods of education it becomes apparent that there is a need extension of repertoire of parenting in families, there are offered the options of ways to enhance teaching literacy among parents. The article considers the problem of formation of civil position in situations related with the issues of child abuse.

Keywords: guardianship, trusteeship, upbringing, civil position, repertoire of parenting.

References

1. Abramova G.S. *Vozrastnaya psihologiya* [Age-related psychology]. Moscow: Academia, 1999. 672 p.
2. Bowlby, J. *Sozdanie i razrushenie ehmocional'nyh svyazej* [The creation and destruction of emotional ties]. Moscow: Akademicheskij Proekt, 2004. 232 c.
3. *Vserossijskoe roditel'skoe soprotivlenie* [All-Russian parents' resistance] [electronic resource] / Fund "Overall-governmental opinion." Access: <http://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/10839> (reference date: 06.23.2016).
4. Zmanovskaya, E.V. *Deviantologiya (psihologiya deviantnogo povedenia)* [Deviantology (psychology of deviant behavior)]: a tutorial / Moscow: Academia, 2003. 288 c.
5. Karabanova, O.A. *Psihologiya semeinyh otnoshenij* [Psychology of family relations]. Samara, 2001. 122 c.
6. Craig G. *Psihologiya razvitiya* [Developmental Psychology]. Saint-Petersbourg: Izdatelstvo "Piter", 2000. 992 c.

7. Langmeyer, J. Psihicheskaya deprivaciya v detskom vozraste [Psychic deprivation in childhood]. / J. Langmeyer, Z. Mateycek. Prague: Avitsenum, Medical Publishing House, 1984. 467 p.
8. Ovcharova, R.V. Psihologiya roditel'stva [Psychology of Parenthood]: The tutorial for students. Executive. Proc. by-reference. Moscow: Academia, 2005. 368 p.
9. Psihologija sotsialnyh situatsij [Psychology of social situations]: chrestomathy / comp. by N.V. Grishina. Saint-Petersbourg, 2001. 416 p.
10. Raigorodskij, D.Y. Rebenok i sem'ya [The child and the family]. Samara: Izdatelskij dom Bahrah-M, 2002. 735 p.
11. Shvedovskaja A.A. Osobennosti perezhivaniya detsko-roditel'skih otnoshenij i vzaimodejstvie s roditelyami detej starshego doskol'nogo vozrasta [Features experience parent-child relationship and interaction with parents of children of the senior preschool age] [electronic resource] // Electronic collection of articles portal psychological publications PsyJournals.ru. 2009-1. Number 2009-1. URL: <http://psyjournals.ru/pj/2009-1/22858.shtml> (reference date: 14.08.2016).
12. Eidemiller, E.G. Yustitskis V. Psihologiya i psihoterapiya semji [Psychology and Psychotherapy of the family]. Saint-Petersbourg, 2008. 672 p.

Эмоциональная дезадаптация и суицидальный риск у старшекласников в период подготовки к итоговой аттестации

Летфуллина Х.Р., магистрант, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (yo-maestro@mail.ru)

Луковцева З.В., кандидат психологических наук, доцент, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (sverchokk@list.ru)

В статье описан современный этап изучения влияния итоговой аттестации (ЕГЭ) на психоэмоциональное состояние учащихся. Приведены результаты исследования структурно-динамических характеристик эмоциональной дезадаптации и суицидального риска у старшекласников в период подготовки к итоговой аттестации. Выборку составили 27 юношей и 33 девушки в возрасте 16–18 лет, обучающиеся в ГБОУ «Школа № 293 имени А.Т. Твардовского» г. Москвы. Состояние эмоциональной сферы испытуемых и уровень суицидального риска оценивались с применением таких методик, как «Личностная шкала проявлений тревоги» Дж. Тейлор, «Шкала тревоги» Ч.Д. Спилбергера, «Шкала депрессии» А.Т. Бека и «Опросник суицидального риска» Т.Н. Разуваевой. Полученные данные были подвергнуты математико-статистическому анализу (Т-критерий Вилкоксона; коэффициент ранговой корреляции Спирмена). Исследование позволило выделить четыре психологически специфичных этапа подготовки к итоговой аттестации, описать динамику показателей эмоциональной дезадаптации и суицидального риска на каждом этапе.

Ключевые слова: эмоциональная дезадаптация, суицидальный риск, подготовка старшекласников к итоговой аттестации.

Для цитаты:

Летфуллина Х.Р., Луковцева З.В. Эмоциональная дезадаптация и суицидальный риск у старшекласников в период подготовки к итоговой аттестации. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 4. С.35-50. doi: 10.17759/psylaw.2016060405

For citation:

Letfullina Kh.R., Lukovtseva Z.V. Emotional maladjustment and suicide risk among high school students during the period of preparation for final exam. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no. 4. pp.35-50. doi: 10.17759/psylaw.2016060405

Введение

Старший школьный возраст сопряжен с возрастанием уровня тревожности и интенсификацией защитных механизмов, необходимых для приспособления будущего выпускника к быстро меняющимся внешним и внутренним условиям. Хронизация эмоциональной напряженности на фоне ЕГЭ рассматривается как серьезный фактор эмоциональной дезадаптации (ЭД).

Понимание термина «дезадаптация» порой строится «от противного», и тогда соответствующее явление выступает как дефицит/отсутствие приспособления. Существуют и содержательные определения дезадаптации, отражающие ее механизмы и проявления на биологическом, психологическом и социальном уровнях.

Школьную дезадаптацию (ШД) рассматривают и как причину, и как следствие, и как одно из проявлений психической патологии/дизонтогенеза [3; 12]. Например, личностные компоненты ШД трактуют как стойкие нарушения эмоционально-личностного отношения к отдельным предметам, обучению, учителям и жизненной перспективе, связанной с учебой [3; 11].

Что касается ЭД, то она определена в современной литературе как состояние, вызываемое постоянной эмоциональной напряженностью или истощением, связанными, в свою очередь, с расстройствами психических функций и поведения [17]. Систематизируем существующие представления о структуре ЭД (рис. 1), опираясь на представления А.Н. Леонтьева о видах эмоциональных процессов [9]. *Аффекты* представляют собой интенсивные кратковременные переживания, связанные не только с «витальными», но и с социальными воздействиями. Аффекты имеют «постфактумный», реактивный характер и аккумулируются при повторении триггерных ситуаций. Аффективные проявления зависят от опыта субъекта и особенностей его саморегуляции. Примером проявления ЭД на уровне аффектов может служить бурная, выходящая за рамки социальных норм реакция подростка на получение нежелательной отметки. *Эмоции* преломляют субъективное восприятие ситуации сквозь призму личностно-смысловой сферы. Они способны возникать и вне конкретной ситуации, т. е. до или после нее (так, школьник может испытывать тревогу не только во время экзамена, но и в период подготовки к нему). Наконец, *чувства* характеризуют социально обусловленное отношение к какому-либо объекту. Именно на этом уровне следует рассматривать, например, протестные переживания подростка в связи с дисциплинарными и учебными требованиями.

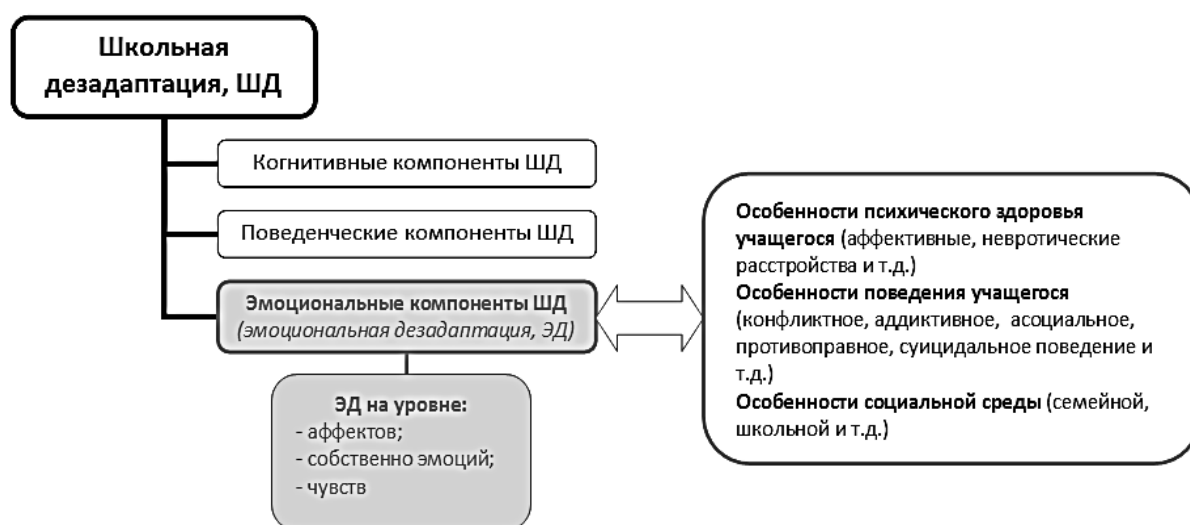

Рис. 1. Эмоциональная дезадаптация в структуре школьной дезадаптации

ЭД учащихся старших классов изучается, главным образом, в связи с проблематикой предэкзаменационного и экзаменационного стресса и тревожности [4; 15]. Обсуждаются соответствующие психофизиологические механизмы [7; 14], а также адаптационное значение перфекционизма и иных индивидуальных особенностей старшеклассников [6; 13]. Описан и ряд программ психологической подготовки к ЕГЭ, однако опубликованные данные нуждаются в пересмотре с учетом современной реальности [18].

Психологические риски, связанные с ЕГЭ, по содержанию совпадают с факторами суицидального поведения (СП). Исследования СП как одного из серьезнейших последствий ЭД охватывают в основном студенческую популяцию. Показано, что студенты с таким поведением имеют высокие показатели депрессии, социальной тревожности, уровня повседневного стресса, а также выраженности семейных проблем. Более половины студентов с актуальной суицидальной направленностью имеют опыт СП в прошлом (в школьные годы) [16]. Что же касается работ по проблемам адаптации/дезадаптации школьников в контексте новых образовательных стандартов, то они остаются крайне редкими [8].

Приведенные данные подтверждают актуальность нашего исследования, целью которого стало описание структурно-динамических характеристик ЭД и уровня суицидального риска (СР) у старшеклассников в период подготовки к итоговой аттестации. Проверялась гипотеза о возникновении или усугублении ЭД, а также повышении СР у старшеклассников по мере приближения итоговой аттестации.

Программа исследования

Исследование было проведено на базе ГБОУ «Школа № 293 имени А.Т. Твардовского» г. Москвы. Выборку составили 60 учащихся 10–11 классов в возрасте 16–18 лет (27 юношей и 33 девушки).

Организационные условия не позволили проследить динамику состояния учащихся одних и тех же классов на протяжении всего периода подготовки к ЕГЭ. Однако классы, задействованные в исследовании, обладали высокой однородностью по социально-педагогическим параметрам, что позволило рассматривать полученные данные в едином массиве.

Класс, обследованный с апреля 2015 г. по апрель 2016 г., мы будем обозначать как **10 (11) класс**. Успеваемость характеризовалась педагогами как «средняя с тенденцией к хорошей»; средний балл по классу составил 3,9.

Класс, принимавший участие в исследовании только в апреле–мае 2015 г., мы будем обозначать как **11 класс**. Успеваемость была обозначена педагогами как «несколько неравномерная» со средним баллом, равным 3,8.

Таблица 1

Последовательность мероприятий по оценке эмоциональной дезадаптации и суицидального риска на разных этапах подготовки к ЕГЭ

10 (11) класс, 29 учащихся				11 класс, 31 учащийся	
2014-2015 учебный год		2015-2016 учебный год		2014-2015 учебный год	
Апрель 2015	Май 2015	Октябрь 2015	Апрель 2016	Апрель 2015	Май 2015
Диагностические работы в тестовом формате	Уровневые диагностические работы в тестовом формате	Повседневный учебный процесс	Подготовка к ЕГЭ на фоне продолжения учебного процесса	Подготовка к ЕГЭ на фоне продолжения учебного процесса	ЕГЭ (с 20-х чисел мая)

При знакомстве с потенциальными испытуемыми мы сообщали, что нас интересуют особенности психологического состояния школьников в такой ответственный и сложный период, как преддверие выпускных испытаний.

Главным методом стала **формализованная диагностика** динамики основных показателей ЭД – тревожности и депрессивности, а также уровня СР (табл. 1). Были использованы «Личностная шкала проявлений тревоги» Дж. Тейлор [2], «Шкала тревоги» Ч.Д. Спилбергера [2], «Шкала депрессии» А.Т. Бека [5] и «Опросник суицидального риска» Т.Н. Разуваевой [1].

Результаты и их интерпретация

Приведенные диаграммы отражают динамику характеристик эмоциональной сферы (рис. 2 и 4) и уровня СР (рис. 3 и 5) старшеклассников на разных этапах подготовки к ЕГЭ.

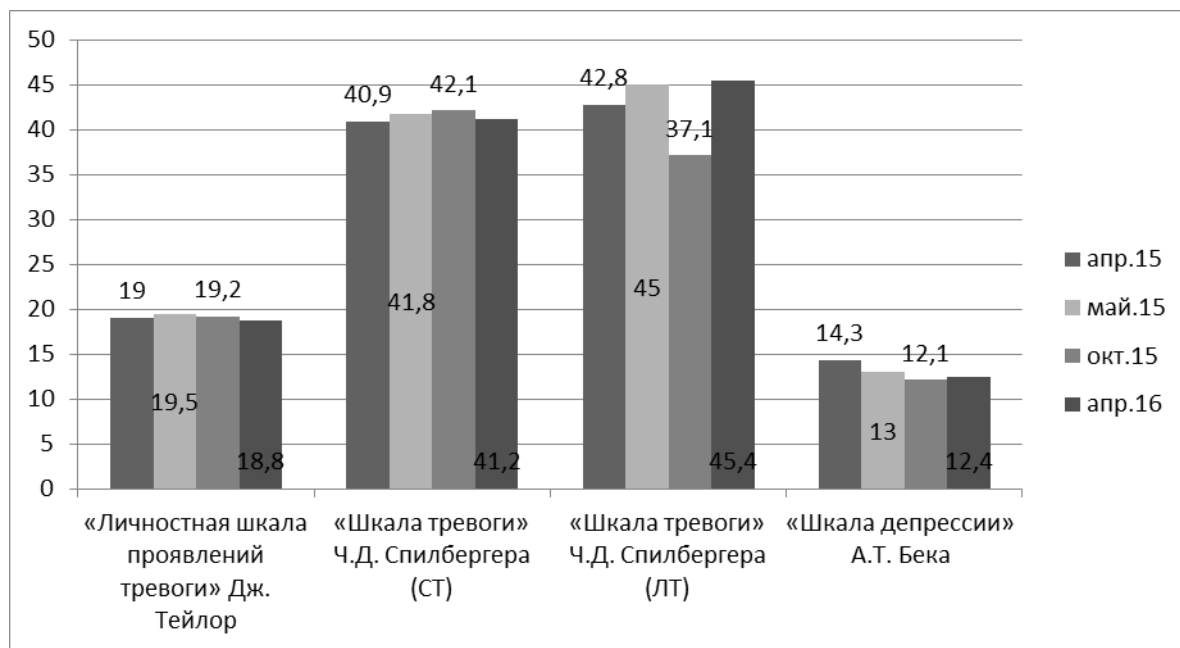

Рис. 2. Динамика эмоционального состояния учащихся 10 (11) класса

за два учебных года: СТ – ситуативная тревожность, ЛТ – личностная тревожность

Наименее благоприятная картина наблюдается по личностной тревожности, достигающей высокого и очень высокого уровня на четырех из шести диагностических срезов. Вторую позицию в рейтинге дезадаптивных изменений занимает ситуативная тревожность, уровень которой превышает нормативный непосредственно перед ЕГЭ.

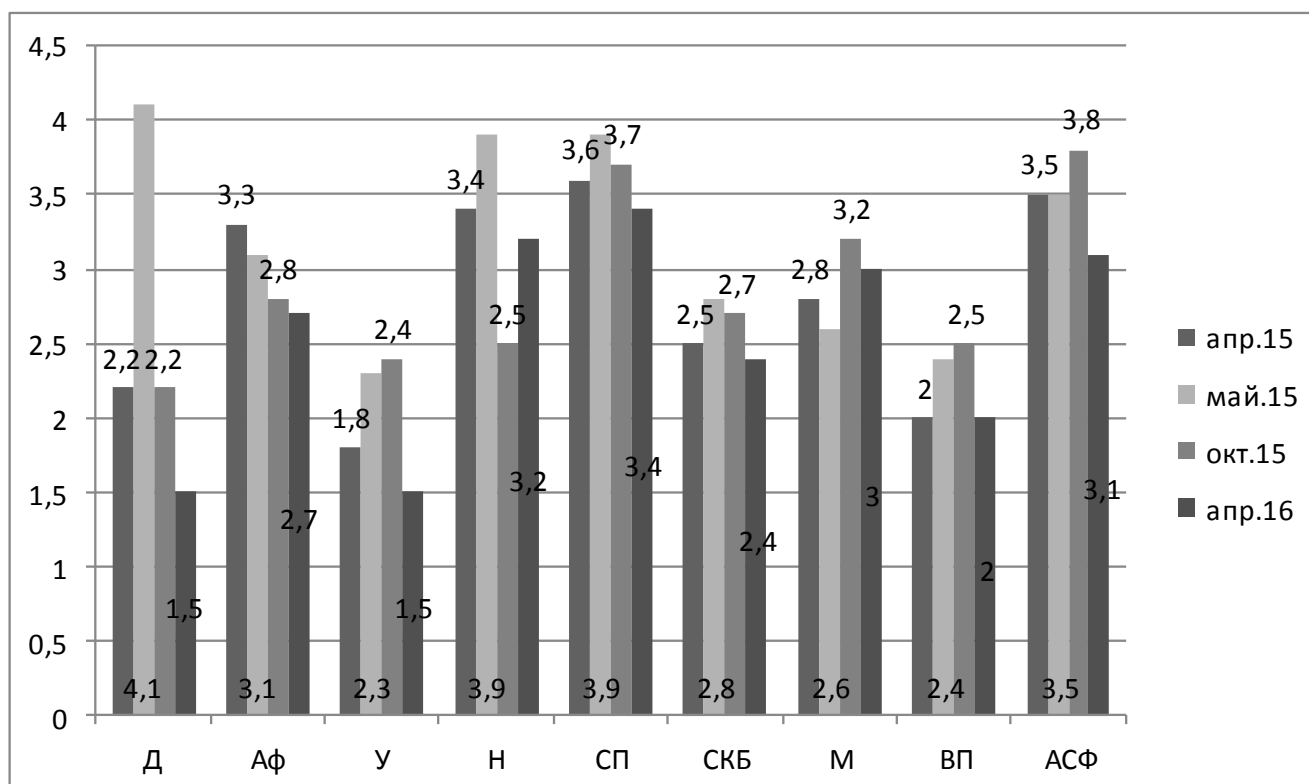

Рис. 3. Динамика суицидального риска (методика Т.Н. Разуваевой) у учащихся 10 (11) класса за два учебных года: Д – демонстративность; Аф – аффективность; У – уникальность; Н – несостоятельность; СП – социальный пессимизм; СКБ – слом культурных барьеров; М – максимализм; ВП – временная перспектива; АСФ – антисуицидальный фактор

Сопоставляя психодиагностические данные с картиной успеваемости и особенностями семейного окружения обследованных, мы обнаружили, что у основной массы «хорошистов» и «отличников» (независимо от состава семьи) на том или ином этапе выявились высокая тревожность и наличие депрессивных симптомов разной степени выраженности.

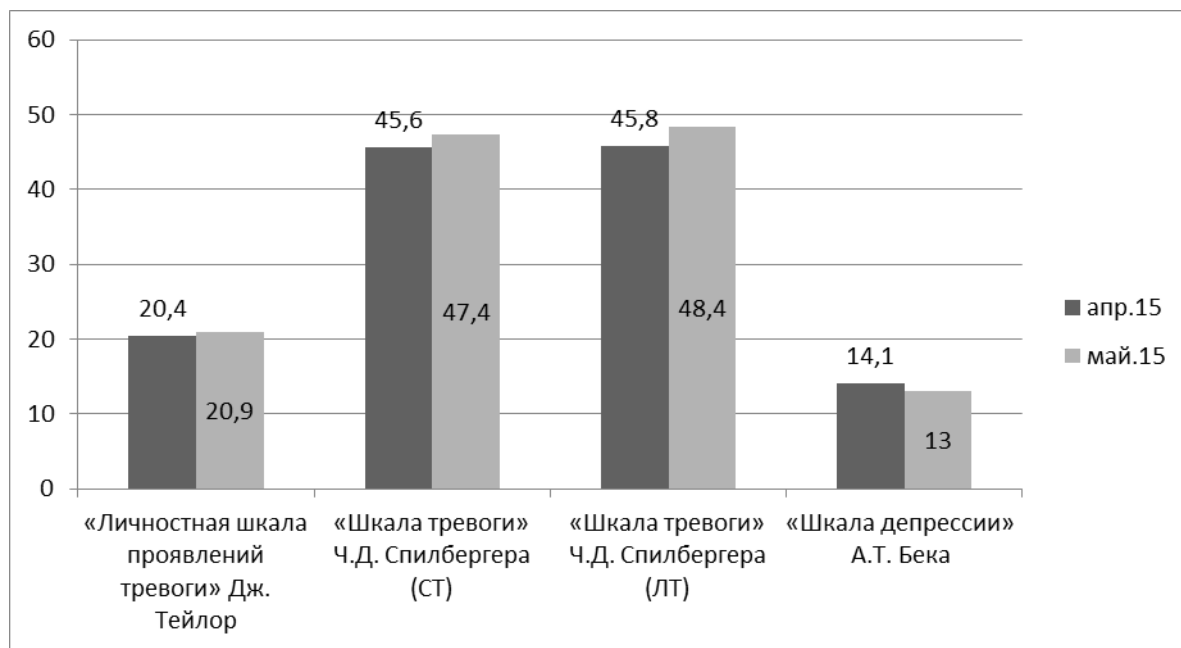

Рис. 4. Динамика эмоционального состояния учащихся 11 класса за один учебный год

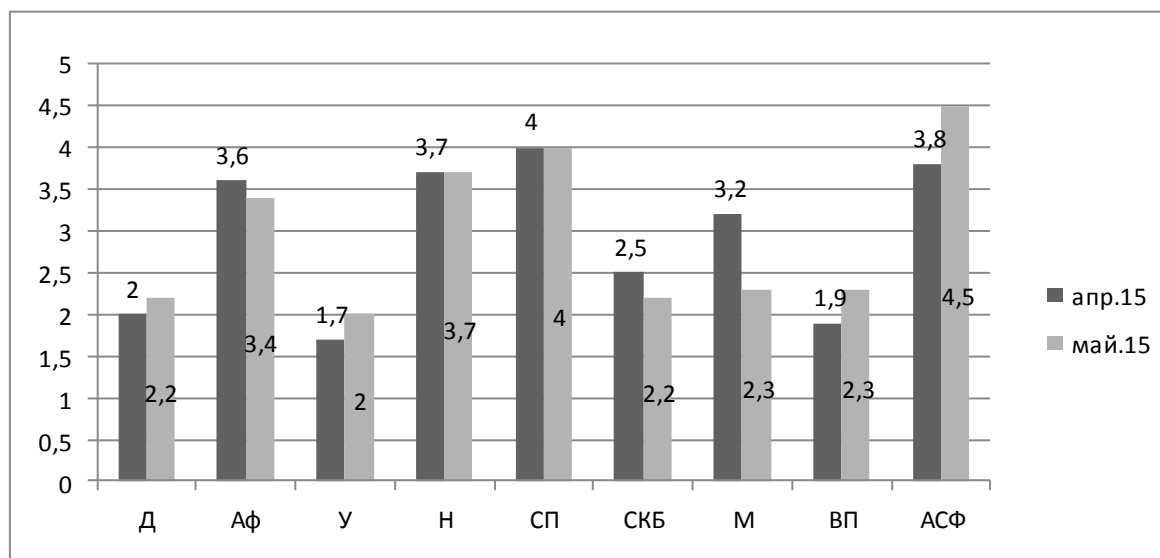

Рис. 5. Динамика суицидального риска (методика Т.Н. Разуваевой) у учащихся 11 класса за один учебный год

При оценке взаимных корреляций (коэффициент Спирмена) между показателями эмоционального состояния и СР значимых взаимосвязей обнаружено не было.

Для исследования значимости динамики показателей ЭД и СР проводилось попарное сравнение данных, относящихся к соседним диагностическим срезам (Т-критерий Вилкоксона). Показатели, обнаружившие динамику на уровне тенденции ($p \leq 0,05$), перечислены в табл. 2 в пунктирных стрелках. Были и шкалы, значения критерия по которым расположились в зоне значимости ($p \leq 0,01$); их наименования помещены в обычные стрелки. Символами «↑» и «↓» обозначены рост и снижение показателей.

Таблица 2

Динамика показателей ЭД и суицидального риска у старшеклассников по мере приближения итоговой аттестации

10 (11) класс				11 класс	
2014-2015 учебный год		2015-2016 учебный год		2014-2015 учебный год	
Апрель 2015	Май 2015	Октябрь 2015	Апрель 2016	Апрель 2015	Май 2015

Итак, зафиксированы изменения ряда эмоциональных характеристик и уровня СР по мере приближения ЕГЭ, частично подтверждающие нашу гипотезу.

Охарактеризуем психологическую специфику отдельных этапов подготовки к ЕГЭ.

Первый этап (апрель–май 10-го класса). Основной характеристикой этапа стало повышение направленности испытуемых на протестно-демонстративное, негативистичное поведение. Заострилось ощущение собственной несостоятельности и обособленности от окружающих, причем по всем шкалам, отражающим перечисленные характеристики, был зафиксирован рост индивидуальной варибельности показателей.

На уровне описательной статистики были выявлены тенденции к поляризации индивидуальных показателей. В целом, уровень как личностной, так и ситуативной тревожности возрос (возможно, в связи с актуализацией индивидуальной предрасположенности части обследованных к генерализованным, «фоновым» тревожным переживаниям). Наши предположения косвенно подтверждает тот факт, что разброс индивидуальных показателей личностной тревожности остался на прежнем уровне, тогда как дисперсия по шкале ситуативной тревожности, а также по методике Дж. Тейлор заметно возросла.

С другой стороны, общий уровень депрессивности несколько снизился, причем в целом по выборке преобладали испытуемые с отсутствием депрессивных симптомов. Показатель АСФ остался на прежнем, высоком, уровне; не изменилась и его индивидуальная варибельность. Эмоциональные реакции испытуемых стали менее острыми и импульсивными, поведение приобрело большую упорядоченность. Школьники начали более серьезно смотреть в будущее, оценивать свои перспективы, учитывая при этом собственные возможности.

Обращаясь к описанным выше представлениям о структуре ЭД, мы видим, что наиболее благоприятную динамику, характеризующуюся сглаживанием ситуативных

эмоциональных вспышек, мы видим на *уровне аффектов*. *Уровень эмоций* обладает менее благоприятными свойствами: у старшеклассников нарастают внутренняя напряженность в целом и реактивная тревожность – в частности, что в некоторой степени компенсируется повышением эмоционального фона. Что же касается *уровня чувств*, то здесь мы наблюдаем формирование более заинтересованного, активного, внимательного отношения к собственным перспективам, будущему. При этом не в лучшую сторону меняется отношение к социальному окружению и нормам, а также к собственной личности.

В совокупности описанные характеристики позволяют назвать данный временной промежуток *этапом alertности*, поскольку рост внутренней напряженности и неудовлетворенности сочетается здесь с укреплением способности управлять своим поведением в потенциально неблагоприятных ситуациях, вызывающих тревогу.

Второй этап (*май 10-го класса – октябрь 11-го класса*). Стала более заметной направленность старшеклассников в будущее, возрос уровень оптимизма, жизнестойкости, веры в свои жизненные перспективы и интереса к уникальному потенциалу своей личности. Соответствующие переживания были сопряжены, однако, с заострением максимализма, излишней категоричности. Некоторым испытуемым на данном этапе не доставало способности к нахождению компромиссов, учету позиции, ценностей и интересов окружающих.

Кроме того, произошло незначительное увеличение ситуативной тревожности при снижении личностной, общий же эмоциональный фон стал более благоприятным. Сгладились депрессивные проявления у тех школьников, у которых они присутствовали ранее. Учитывая статистически подтвержденные данные по динамике АСФ, незначительное усиление ситуативных тревожных переживаний можно рассматривать как проявление мобилизации. Снижение уровня аффективности, также выявленное на данном этапе, позволяет положительно охарактеризовать динамику состояния старшеклассников в части способности контролировать свои сиюминутные реакции. Резко заострились индивидуальные различия по степени выраженности чувства собственной несостоятельности и своеобразия. В практическом отношении важно, что на данном этапе могут быть дифференцированы группы старшеклассников, у которых названные особенности приобретают все большую значимость в психологическом портрете или, напротив, отступают на второй план.

Наметившиеся ранее благоприятные тенденции, касающиеся *уровней аффектов и чувств*, сохраняются. Возрастает степень сознательной контролируемости ситуативных поведенческих реакций, укрепляются позитивное самовосприятие и оптимистичная направленность в будущее, становится все более важной реализация своих возможностей. Благоприятную динамику мы наблюдаем и на *уровне собственно эмоций*, ведь в целом эмоциональный фон испытуемых улучшается (при крайне незначительном возрастании ситуативной тревожности). Этот отрезок времени можно обозначить как время *«накопления ресурсов»*, ведь единственным негативным его свойством стал незначительный рост ситуативной тревожности (обнаруженный лишь на уровне описательной статистики).

Третий этап (*октябрь–апрель 11-го класса*) характеризовался значимо дезадаптивными изменениями состояния 11-классников. Утрата ощущения жизненной перспективы, веры в себя и реализацию собственного потенциала на фоне выраженного

ослабления АСФ образуют весьма неблагоприятную картину. Наряду с этим, произошло снижение степени выраженности протестно-демонстративных тенденций.

Среди закономерностей, прослеженных лишь на уровне описательной статистики, можно выделить возрастание общего уровня личностной тревожности и, в меньшей степени, депрессивности. Разброс индивидуальных показателей всех видов тревожности возрос, несколько заострились и различия в уровне выраженности депрессивных симптомов.

Итак, можно увидеть негативную динамику на *уровнях чувств и собственно эмоций*, тогда как характер изменений *уровня аффектов* оценить сложно. Несмотря на то, что показатель аффективности обнаружил тенденцию к незначительному снижению, совокупный анализ прочих данных позволяет говорить о возрастании вероятности аутодеструктивного поведения, сопряженного с негативным восприятием себя и своего будущего. Налицо также значимое ослабление АСФ.

В целом данный период можно назвать *этапом дезадаптации*, ведь ему свойственны выраженные негативные изменения психоэмоциональной сферы 11-классников и, что особенно важно, достоверное снижение антисуицидальной направленности.

Четвертый этап (*апрель–май 11-го класса*) характеризовался достоверным повышением уровня АСФ и ощущения собственной уникальности, индивидуальности. Учитывая статистическую тенденцию к росту показателя «Временная перспектива», в целом можно говорить о формировании активной направленности на реализацию потенциала своей личности в будущем. Значения Т-критерия Вилкоксона дают основания и для других выводов: произошло сглаживание социально-протестных тенденций (при некотором возрастании индивидуальной вариабельности соответствующих показателей), укрепилась способность к контролированию аффективных реакций. К числу неблагоприятных характеристик этапа следует отнести возрастание уровней личностной тревожности и депрессивности (впрочем, лишь на уровне тенденции). Интересны и дополнительные характеристики этапа, которые не нашли статистического подтверждения (появление большей умеренности, компромиссности в оценке окружающего мира, готовности к критическому анализу своих убеждений).

В целом, наиболее благополучным здесь выглядит *уровень аффектов*. Действительно, психоэмоциональная мобилизация весной у учащихся 11-го класса способствует уравниванию эмоциональных реакций, снижая вероятность необдуманных, импульсивных поступков и бурных аффективных вспышек. И лишь эмоциональные реакции обладателей высокой ситуативной тревожности могут быть непредсказуемыми, ярко выделяющимися на общем фоне. Характеризуя уровень *собственно эмоций*, мы видим общее снижение фона настроения в сочетании с нарастанием внутренней напряженности, готовности к непредсказуемому развитию событий. Лишь на этом уровне можно увидеть элементы ЭД у некоторых старшеклассников. Наконец, *уровень чувств* следует охарактеризовать как достаточно благоприятный. Налицо более заинтересованное, осмысленное и позитивное отношение к себе, более активный и ответственный взгляд на собственное будущее и более открытая, партнерская установка по отношению к окружающим людям. Обобщая, назовем данный период «*Этапом мобилизации*».

Итак, период подготовки к ЕГЭ может быть описан как ряд психологически своеобразных этапов, лишь один из которых действительно характеризуется выраженной ЭД.

Выводы

1. Период подготовки к ЕГЭ характеризуется сложной динамикой психоэмоциональных показателей и уровня СР у старшеклассников.

2. *Этап alertности* характеризуется ростом внутренней напряженности и заострением противоречия между «бунтарскими» и «просоциальными» тенденциями при отсутствии изменений АСФ; наряду с этим укрепляется способность к самоконтролю в потенциально неблагоприятных ситуациях.

3. *Этап накопления ресурсов* отмечен возрастанием уровня жизнестойкости, веры в свои перспективы, интереса к уникальному потенциалу своей личности; при этом повышаются социальная адаптированность и антисуицидальная направленность, нормализуется эмоциональный фон.

4. *Этап дезадаптации* отличается неблагоприятными динамическими тенденциями. Жизненная позиция старшеклассников приобретает пассивный характер, они утрачивают веру в себя, ощущение жизненной перспективы и возможностей реализации собственного потенциала, что сочетается со снижением эмоционального фона.

5. *Этап мобилизации* отличается укреплением антисуицидальных тенденций на фоне интенсификации ощущения собственной уникальности, активной направленности на самореализацию; сглаживаются социально-протестные тенденции, становится более выраженной способность к контролю своих аффективных реакций. Между тем, наблюдается тенденция к общему возрастанию тревожности.

Заключение

Представленные данные могут найти применение в практике психологического сопровождения учащихся, переживающих ЕГЭ как психосоциальный стресс. Описанные закономерности следует учитывать при выявлении представителей группы риска по ЭД и СП, а также при разработке коррекционных и профилактических программ. Например, на первом и третьем этапах подготовки необходимы мероприятия по вторичной и третичной профилактике ЭД и СП, второй же и четвертый этапы предполагают, скорее, первичную и вторичную профилактику [10].

Литература

1. Агеева Л.Г. Социально-психологические факторы дезадаптации учащихся старших классов в общеобразовательном процессе школы [Электронный ресурс]. Самара, 2006. 203 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/sotsialno-psikhologicheskie-factory-dezadaptatsii-uchashchikhsya-starshikh-klassov-v-obshche#ixzz3OSYAH4Yh> (дата обращения: 29.11.2014).
2. Диагностика эмоционально-нравственного развития / Ред. и сост. И.Б. Дерманова. СПб.: Речь, 2002. С. 124–128.
3. Иовчук Н.М. Психопатологические механизмы школьной дезадаптации // Школьная дезадаптация: эмоциональные и стрессовые расстройства у детей и подростков. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 25–27 октября 1995 г. М., 1995. С. 23–25.
4. Кадашникова Н. Ю., Илларионова Т.Ф. Как подготовить ребёнка к экзамену. Волгоград: Учитель, 2010. 137 с.
5. Карелин А. Большая энциклопедия психологических тестов [Электронный ресурс]. М.: Эксмо, 2007. С. 22–24. URL: <http://www.twirpx.com/file/9007/> (дата обращения: 14.01.2015).
6. Ковалёва Н.И., Болли В.И. Взаимосвязь перфекционизма с состояниями эмоциональной дезадаптации старшеклассников [Электронный ресурс] // Сборники конференций научно-издательского центра «Социосфера». 2014. № 35. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-perfektsionizma-s-soctoyaniyami-emotsionalnoy-dezadaptatsii-starsheklassnikov> (дата обращения: 04.03.2015).
7. Лаптева Е.А., Любовцев В.Б., Мамалыга Л.М. Итоговая аттестация в формате ГИА и ЕГЭ: психофизиологические особенности состояния детей 9 и 11 классов при функциональной нагрузке, обусловленной сдачей экзаменов [Электронный ресурс] // Фундаментальные исследования. 2013. № 7–3. Научная библиотека КиберЛенинка. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/itogovaya-attestatsiya-v-formate-gia-i-ege-psihofiziologicheskie-osobennosti-sostoyaniya-detey-9-i-11-klassov-pri-funktsionalnoy-nagruzke> (дата обращения: 11.03.2015).
8. Леонова Е.В., Шатова С.С., Щербакова Е.В. Адаптация и дезадаптация школьников в контексте требований новых федеральных образовательных стандартов [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. Т. 6. № 4. С. 13–23. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2014/n4/73528.shtml (дата обращения: 11.03.2015).
9. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. // Психология эмоций. Тексты. / Под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во Московского университета, 1984. С. 162–171.
10. Летфуллина Х.Р. Профилактика эмоциональной дезадаптации старшеклассников в период итоговой аттестации. С. 327 // Молодые ученые – столичному образованию. Материалы XV Городской научно-практической конференции с

международным участием. Т. I. М.: ГБОУ ВПО МГППУ, 2016. 383 с.

11. Морозова Н.В. Психологические особенности школьной адаптации учащихся старших классов [Электронный ресурс] // М.: Изд-во Московского государственного педагогического университета. 1996 г. URL: <http://www.childpsy.ru/dissertations/id/19167.php> (дата обращения: 18.03.2015).
12. Прихожан А.М. Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст. СПб.: Питер, 2007. 192 с.
13. Симатова О.Б., Космакова И.Э. Взаимосвязь продуктивности копинг-стратегий и результатов ЕГЭ у старшеклассников [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. 2014. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-produktivnosti-koping-strategiy-i-rezultatov-ege-u-starsheklassnikov> (дата обращения: 04.03.2015).
14. Смагулов М.Н. Экзаменационный стресс и нервно-эмоциональное напряжение организма школьников, его оценка и прогноз [Электронный ресурс] // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата медицинских наук. Тюмень, 2006 год. С. 26. URL: <http://www.dissercat.com/content/ekzamenatsionnyi-stress-i-nervno-emotsionalnoe-napryazhenie-organizma-shkolnikov-ego-otsenka> (дата обращения: 25.12.2014).
15. Стрижиус Е.И. Динамика тревожности в старшем школьном возрасте [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2013. URL: http://dibase.ru/article/24022014_157331_strizhius/1 (дата обращения: 14.02.2015).
16. Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г., Горшкова Д.А., Мельник А.М. Суицидальное поведение в студенческой популяции [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2009. № 3. С. 101-110. URL: <http://psyjournals.ru/kip/2009/n3/24650.shtml> (дата обращения: 26.02.2015).
17. Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г., Евдокимова Я.Г., Москова М.В. Психологические факторы эмоциональной дезадаптации у студентов [Электронный ресурс] // Вопросы психологии. 2009. № 3. С. 16-25. URL: <http://psyabstracts.com/journals/Voprosy+Psychologii/2009/3/#.VtsVSH2LTDC> (дата обращения: 26.02.2015).
18. Чибисова М.Ю. Психологическая подготовка к ЕГЭ. Работа с учащимися, педагогами и родителями [Электронный ресурс]. М.: Генезис, 2009. 184 с. URL: <http://www.twirpx.com/file/384119/> (дата обращения: 16.01.2015).

Emotional maladjustment and suicide risk among high school students during the period of preparation for final exam

Letfullina Kh.R., master's degree student, department of clinical and forensic psychology, faculty of legal psychology, Moscow State University of Psychology and Education (yo-maestro@mail.ru)

Lukovtseva Z.V., PhD (Psychology), assistant professor, department of clinical and forensic psychology, faculty of legal psychology, Moscow State University of Psychology and Education (sverchokk@list.ru)

The article describes the present stage of studying the effect of final exam (USE) to the psycho-emotional state of high school students. The article presents the results of study structural and dynamic characteristics of emotional maladjustment and suicide risk among high school students during the period of preparation for final exam. The sample consisted of 27 boys and 33 girls aged 16-18 years studying in state budgetary educational institution city of Moscow "School №293 named after A. T. Tvardovskii". Status of the emotional sphere of the subjects and the level of suicide risk were assessed using Teilor's Manifest Anxiety Scale, State-Trait Anxiety Inventory, Beck Depression Inventory and Questionnaire suicide risk. The obtained data were subjected to mathematical and statistical analysis (T-test Wilcoxon, the rank correlation coefficient of Spearman). The research allowed to identify four specific psychological stages of preparation for final exam, described the dynamics of indicators of emotional maladjustment and suicidal risk at each stage.

Key words: emotional maladjustment, suicide risk, preparing high school students for final exam.

References

1. Ageeva L.G. Sotsial'no-psikhologicheskie faktory dezadaptatsii uhashchikhsya starshikh klassov v obshcheobrazovatel'nom protsesse shkoly [Elektronnyi resurs] [Socio-psychological factors of maladjustment high school students in educational process of school]. Samara, 2006, 203 p. URL: <http://www.dissercat.com/content/sotsialno-psikhologicheskie-factory-dezadaptatsii-uchashchikhsya-starshikh-klassov-v-obshche#ixzz3OSYAH4Yh> (Accessed 29.11.2014).
2. Dermanova I.B. Diagnostika emotsional'no-nravstvennogo razvitiya [Diagnosis of emotional and moral development]. Saint-Petersburg: Rech', 2002, pp. 124–128.
3. Iovchuk N.M. Psikhopatologicheskie mekhanizmy shkol'noi dezadaptatsii [Psychopathological mechanisms of school maladjustment]. *Shkol'naya dezadaptatsiya: emotsional'nye i stressovye rasstroistva u detei i podrostkov*. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 25-27 oktyabrya 1995 g. [The school maladjustment: the emotional and stress disorders in children and adolescents. Materials of All-Russian scientific-practical conference, 25–27 October 1995]. Moscow, 1995, pp. 23–25.

4. Kadashnikova N.Yu., Illarionova T.F. Kak podgotovit' rebenka k ekzamenu [How to prepare your child for the exam]. Volgograd: Publ. Uchitel', 2010, 137 p.
5. Karelin A. Bol'shaya entsiklopediya psikhologicheskikh testov [Elektronnyi resurs] [Great Encyclopedia of psychological tests]. Moscow: Publ. Eksmo, 2007, pp. 22–24. URL: <http://www.twirpx.com/file/9007/> (Accessed 14.01.2015).
6. Kovaleva N.I., Bolli V.I. Vzaimosvyaz' perfektsionizma s soctoyaniyami emotsional'noi dezadaptatsii starsheklassnikov [Elektronnyi resurs] [The relationship of perfectionism with emotional maladjustment of high school students]. *Sborniki konferentsii nauchno-izdatel'skogo tsentra "Sotsiosfera" [Conference proceedings of scientific and publishing center "Sociosphere"]*. 2014, no. 35. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-perfektsionizma-s-soctoyaniyami-emotsionalnoy-dezadaptatsii-starsheklassnikov> (Accessed 04.03.2015).
7. Lapteva E.A., Lyubovtsev V.B., Mamalyga L.M. Itogovaya attestatsiya v formate GIA i EGE: psikhofiziologicheskie osobennosti sostoyaniya detei 9 i 11 klassov pri funktsional'noi nagruzke, obuslovlennoi sdachei ekzamenov [Elektronnyi resurs] [The final examination in the format of the SFE and USE: psychophysiological characteristics of children of 9 and 11 classes under functional load due to exams]. *Fundamental'nye issledovaniya [Fundamental research]*. 2013, no. 7–3. *Nauchnaya biblioteka KiberLeninka [Scientific library Cyberleninka]*. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/itogovaya-attestatsiya-v-formate-gia-i-ege-psihofiziologicheskie-osobennosti-sostoyaniya-detey-9-i-11-klassov-pri-funktsionalnoy-nagruzke> (Accessed 11.03.2015).
8. Leonova E.V., Shatova S.S., Shcherbakova E.V. Adaptatsiya i dezadaptatsiya shkol'nikov v kontekste trebovaniy novykh federal'nykh obrazovatel'nykh standartov [Elektronnyi resurs] [Adaptation and maladjustment of high school students in the context of the requirements of the new Federal educational standards]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru [Psychological Science and Education www.psyedu.ru]*. 2014. Vol. 6, no. 4, pp. 13–23. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2014/n4/73528.shtml (Accessed 11.03.2015).
9. Leont'ev A.N. Potrebnosti, motivy i emotsii [Needs, motives and emotions]. *Psikhologiya emotsii. Teksty. / Pod red. V.K.Vilyunasa, Yu.B.Gippenreiter [Psychology of emotions. Texts. / Ed. V.K. Vilyunas, Y.B Gippenreiter]*. Moscow: Publ. of Moscow University, 1984, pp. 162–171.
10. Letfullina Kh.R. Profilaktika emotsional'noi dezadaptatsii starsheklassnikov v period itogovoi attestatsii [Prevention emotional maladjustment for high school students during the final exam]. P. 327. *Molodye uchenye – stolichnomu obrazovaniyu. Materialy XV Gorodskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem [Young scientists - the capital formation. Materials XV City scientific-practical conference with international participation]*. Vol. I. Moscow: Publ. State Educational Institution of Higher Professional Education "Moscow City Psychological and Pedagogical University", 2016, 383 p.
11. Morozova N.V. Psikhologicheskie osobennosti shkol'noi adaptatsii uchaschikhsya starshikh klassov [Elektronnyi resurs] [Psychological features of school adaptation of

- high school students]. Moscow: Publ. of Moscow State Pedagogical University, 1996. URL: <http://www.childpsy.ru/dissertations/id/19167.php> (Accessed 18.03.2015).
12. Prikhozhan A.M. *Psikhologiya trevozhnosti: doshkol'nyi i shkol'nyi vozrast* [The psychology of anxiety: pre-school and school age]. Saint-Petersburg: Publ. Piter, 2007, 192 p.
 13. Simatova O.B., Kosmakova I.E. *Vzaimosvyaz' produktivnosti koping-strategii i rezul'tatov EGE u starsheklassnikov* [Elektronnyi resurs] [The relationship of productive coping strategies and USE results from high school students]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. 2014, no. 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-produktivnosti-koping-strategiy-i-rezultatov-ege-u-starsheklassnikov> (Accessed 04.03.2015).
 14. Smagulov M.N. *Ekzamenatsionnyi stress i nervno-emotsional'noe napryazhenie organizma shkol'nikov, ego otsenka i prognoz* [Elektronnyi resurs] [Stress during the exam and neuro-emotional stress the body of high school students, its assessment and forecast]. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata meditsinskikh nauk [Abstract of dissertation for the degree of Candidate of Medical Sciences]. Tyumen, 2006, p. 26. URL: <http://www.dissercat.com/content/ekzamenatsionnyi-stress-i-nervno-emotsionalnoe-napryazhenie-organizma-shkolnikov-ego-otsenka> (Accessed 25.12.2014).
 15. Strizhius E.I. *Dinamika trevozhnosti v starshem shkol'nom vozraste* [Elektronnyi resurs] [Dynamics of anxiety in high school age]. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata psikhologicheskikh nauk [Abstract of dissertation for the degree of Candidate of Psychological Sciences]. Moscow, 2013. URL: http://dibase.ru/article/24022014_157331_strizhius/1 (Accessed 14.02.2015).
 16. Kholmogorova A.B., Garanyan N.G., Gorshkova D.A., Mel'nik A.M. *Suitsidal'noe povedenie v studencheskoi populyatsii* [Elektronnyi resurs] [Suicidal behavior in the student population]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology]. 2009, no. 3, pp. 101–110. URL: <http://psyjournals.ru/kip/2009/n3/24650.shtml> (Accessed 26.02.2015).
 17. Kholmogorova A.B., Garanyan N.G., Evdokimova Ya.G., Moskova M.V. *Psikhologicheskie faktory emotsional'noi dezadaptatsii u studentov* [Elektronnyi resurs] [Psychological factors of emotional maladjustment of students]. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology]. 2009, no. 3, pp. 16–25. URL: <http://psyabstracts.com/journals/Voprosy+Psikhologii/2009/3/#.VtsVSH2LTDC> (Accessed 26.02.2015).
 18. Chibisova M.Yu. *Psikhologicheskaya podgotovka k EGE. Rabota s uchashchimisya, pedagogami i roditelyami* [Elektronnyi resurs] [Psychological preparation for the exam. Working with the students, teachers and parents]. Moscow: Publ. Genezis, 2009, 184 p. URL: <http://www.twirpx.com/file/384119/> (Accessed 16.01.2015).

Реализация Смоленским государственным университетом положений национальной стратегии в области образования и воспитания подрастающего поколения

Морозикова И.В., кандидат психологических наук, доцент, Смоленский государственный университет (*irina_morozikova@mail.ru*)

Сенченков Н.П., доктор педагогических наук, профессор, Смоленский государственный университет

В статье описываются стратегии государственной политики в области образования и воспитания на современном этапе развития российского общества. Смоленский государственный университет выступает как научно-методический центр, активно реализующий положения нацстратегии в регионе. В СмолГУ используются различные формы работы для реализации госполитики в области воспитания подрастающего поколения: научно-образовательные проекты, конференции, профильные лагеря и т. д. В статье представлены результаты XI Международной научно-практической конференции «Социально-психологические проблемы ментальности/менталитета», проекты Смоленского областного педагогического отряда «Крылатый» (руководитель – доктор педагогических наук, профессор Н.П. Сенченков), Летней школы «Одаренные дети», обозначены перспективы организации научно-образовательных проектов для реализации стратегии госполитики в области воспитания. Показано, что особенностью данных проектов является ориентированность Смоленского государственного университета на социальное партнерство и практическую направленность, взаимодействие с РАО и образовательными организациями региона. Отмечено, что они способствуют формированию активной гражданской позиции, развитию потребности у подрастающего поколения в участии в жизни гражданского общества, помогают адаптации к социально-политическому окружению, выработке навыков сотрудничества с органами местного самоуправления и другими партнерами.

Ключевые слова: национальная стратегия, воспитание, образование, подрастающее поколение, Смоленский государственный университет.

Для цитаты:

Морозикова И.В., Сенченков Н.П. Реализация Смоленским государственным университетом положений национальной стратегии в области образования и воспитания подрастающего поколения. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 4. С.51-57.
doi: 10.17759/psylaw.2016060406

For citation:

Morozikova I.V., Senchenkov N.P. Smolensk State University's implementation of the provisions of the national strategy in the field of education and upbringing of the young generation. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no. 4. pp.51-57.
doi: 10.17759/psylaw.2016060406

Процессы всемирной экономической, политической, культурной интеграции и унификации неизменно ведут к переменам в современном российском обществе (изменению системы ценностей, традиций, эталонов и т. п.), что отражается на уровне и особенностях образования и воспитания подрастающего поколения [1; 2; 3]. Именно поэтому особое внимание уделяется стратегиям государственной политики в области воспитания, что отражается в основополагающих документах: *Госпрограмме «Развитие образования на 2013–2020 гг.»*, направленной на вовлечение молодежи в социальную практику; *«Национальной стратегии действий в интересах детей до 2017 года»*, целями которой являются обеспечение комфортной, дружелюбной и безопасной среды для жизни подрастающего поколения, обучение основам демократического общества и правам человека; *«Национальной доктрине образования в Российской Федерации на период до 2025 г.»*, направленной на обновление всех аспектов образования, отражающих изменения в сфере технологий экологического воспитания, формирующих бережное отношение к природе; *«Концепции модернизации российского образования на период до 2020 г.»*, нацеленной на обновление технологий для быстрой адаптации к запросам и требованиям динамично меняющегося мира; *«Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2016 г.»* имеющей своей целью развитие и поддержку молодежных инициатив, направленных на организацию добровольческого труда молодежи.

Смоленский государственный университет активно реализует основные направления госполитики в области образования и воспитания [4–6]. Используются различные формы работы: научно-образовательные проекты, конференции, профильные лагеря и т. д.

В 2014 г. в университете прошла XI Международная научно-практическая конференция «Социально-психологические проблемы ментальности/менталитета», в рамках которой были проведены мастер-классы и интерактивные лекции для директоров школ и их заместителей по воспитательной работе, учителей, психологов на тему: «Сущность и назначение современного воспитания». Они проходили на базе гимназии № 1 имени Н.М. Пржевальского г. Смоленска. В них раскрывались вопросы, касающиеся смысла современного воспитания, его назначения и специфики в новой социокультурной ситуации, а также принципов и закономерностей, на основе которых строится процесс воспитания.

Особое внимание было уделено стратегии госполитики в области воспитания, вопросам формирования идентичности личности учащегося как целевой установки школьного образования, задачам и целям современного воспитания.

В августе 2015 г. на базе туристического комплекса «Соколя гора» университетом была организована и проведена профильная смена – XXVI Смоленские областные сборы творческой молодежи «Равнение на Победу», посвященная 70-летию Победы в Великой отечественной войне. Данный проект уже в течение 26 лет реализует Смоленский областной педагогический отряд «Крылатый» (руководитель – Доктор педагогических наук, профессор Н.П. Сенченков), базирующийся в Смоленском госуниверситете.

В лагере отдыхали и учились 240 участников – старшеклассников Смоленска и Смоленской области, проявивших активность в творческой и общественной жизни своих школ.

С первого дня работы профильной смены были созданы условия для формирования у подрастающего поколения потребности в участии в общественной жизни. Так, уже в первый вечер комиссары – студенты СмолГУ – провели ролевою игру «Курс молодого бойца». Состоялась первая экклесия – общее собрание лагеря, на котором решаются основные вопросы его организации и текущей жизни. В течение 11 дней участники профильной смены вместе с комиссарами планировали и организовывали творческие мероприятия. 19 августа 2015 г. на Сборах творческой молодежи состоялся молодежный форум «Творчество и одаренность детей и молодежи как основа будущего Смоленщины», на котором обсуждались проблемы подрастающего поколения, возможности раскрытия творческого и интеллектуального потенциала смоленской молодежи. Участники форума поделились опытом и продемонстрировали свои таланты. Позитивным моментом форума стало общение детей с комиссарами прошлых лет – Алексеем Николаевичем Степановым, председателем избирательной комиссии Смоленской области; Артемом Викторовичем Туровым, депутатом Смоленской областной Думы.

Результатом активной деятельности всех участников профильной смены (детей, комиссаров, сотрудников) стала торжественная церемония закрытия XXVI Смоленских областных сборов творческой молодежи «Равнение на Победу», при подготовке и проведении которой участники и комиссары показали сплоченность, креативность, высокий творческий потенциал, реализовали принцип добровольности участия.

Журналисты ГТРК «Смоленск», газеты «Рабочий путь», которые брали интервью у организаторов, участников и гостей профильной смены лагеря, отметили огромное количество положительных отзывов об организации профильной смены и деятельности Смоленского государственного университета как научно-методического центра по организации воспитательной работы с детьми и молодежью.

Еще одним мероприятием, направленным на социальное партнерство, организацию взаимодействия в области образования и воспитания с образовательными организациями региона стала проведенная в июле–августе 2015 г. Летняя школа «Одаренные дети» на базе социально-оздоровительного центра «Голоевка» Рославльского района Смоленской области. Ее целью явилась не только подготовка детей к всероссийским предметным олимпиадам, но и творческое (креативное) развитие, которое осуществлялось в атмосфере

дружбы и сотрудничества. Торжественное открытие летней школы началось подписанием Хартии о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи всеми участниками заезда.

Текст подписанной Хартии был зачитан всем участникам открытия: «Мы, свободные граждане детского государства «Голоёвка», соединенные общими интересами, территорией, погодными условиями и возрастом, утверждая согласие, дружбу, единение и общее сотрудничество, заявляем о том, что мы должны уважать и ценить своих сограждан, поддерживать инициативы наших воспитателей, вожатых и комиссаров, ценить и беречь то, что оставили нам здесь наши предки – основатели социально-оздоровительного центра «Голоёвка». Мы принимаем данную Хартию о дружбе, единении и сотрудничестве и призываем всех, кто приедет сюда после нас сохранить заложенные здесь нами традиции Мира, Добра и Справедливости. И так будет всегда».

Ребята вместе с вожатыми и комиссарами отрядов подготовили танцевальную программу, включая музыкально-хореографическую композицию с полотнами «Страна моя Россия».

Завершилось открытие танцевальным флеш-мобом, в котором приняли участие более 250 человек.

С целью гражданско-патриотического, духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения была организована акция «Молодежь против преступности и террора».

Для программы студентами и преподавателями университета были подготовлены специальные видео- и фотоматериалы, короткие театральные постановки и концертные номера, посвященные таким событиям в истории государства, как Великая отечественная война, захват школы в Беслане, трагедия «Норд-Оста».

Подобные мероприятия способствуют формированию активной гражданской позиции, развитию у подрастающего поколения потребности в участии в жизни гражданского общества, помогают адаптации к социально-экономическим условиям современной жизни.

В перспективе и Смоленском государственном университете планируется организация научно-образовательных проектов по теме «Воспитательные технологии и их функционально-целевое назначение в практике современного образования», которые будут включать проведение лекций и мастер-классов для педагогов города и области.

Данные мастер-классы доктора педагогических наук, профессора Н.А. Савотиной (Российская академия образования, г. Москва) предусматривают знакомство с общей технологией программно-целевого проектирования воспитания и включение слушателей в разработку коллективной технологии (согласно запросу участников) по решению актуальных проблем воспитания.

Особенностью данных проектов является ориентированность на социальное партнерство и практическую направленность, взаимодействие РАО, Смоленского государственного университета и других образовательных организаций региона.

Необходимо отметить, что Смоленский государственный университет выступает лидером, активно реализующим положения национальной стратегии в регионе. Реализуемые СмолГУ проекты способствуют формированию у детей и молодежи активной гражданской позиции, развитию у подрастающего поколения потребности в участии в жизни гражданского общества, помогают адаптации к социально-политическому окружению, выработке навыков сотрудничества с органами местного самоуправления и другими партнерами.

Литература

1. *Дворянчиков Н.В., Будыкин С.В., Авдеев Е.С., Бовина И.Б.* Профессионализм в деятельности директора школы: особенности обыденных представлений в группах директоров, учителей и родителей [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2016. Том 6. № 3. С. 1–13. doi:10.17759/psylaw.2016060301(дата обращения: 10.10.2016).
2. *Морозикова И.В.* Духовный потенциал личности будущего преподавателя изобразительного искусства как составляющая воспитательного компонента образования. Социальный институт воспитания в современной России: модернизация, динамика и стратегия развития. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Т.1. М.: Институт семьи и воспитания РАО, 2012. С. 219–222.
3. *Савотина Н.А.* Проблемы и перспективы технологического подхода в сфере воспитания // Социально-психологические проблемы ментальности/менталитета. Материалы 11 международной научно-практической конференции. Вып. 11. Смоленск: Смол ГУ, 2014. С. 206–212.

Smolensk State University`s implementation of the provisions of the national strategy in the field of education and upbringing of the young generation

*Morozikova I.V., PhD in psychology, associate professor, Smolensk State University
(irina_morozikova@mail.ru)*

Senchenkov N.P., Doctor (Education), professor, Smolensk State University

The article describes the strategies of state policy in the field of education and upbringing at the modern stage of the development of Russian society. Smolensk State University acts as a scientific and methodological center, which is actively implementing the provisions of the national strategy in the region. At Smolensk State University various forms of work for the implementation of the state policy in the field of young generation upbringing are used: research and educational projects, conferences, camps, etc. The article presents the results of the IX International Scientific-Practical Conference "Social and practical problems of mentality", the projects of the Smolensk regional pedagogical unit "Winged" (the head – doctor of pedagogical Sciences, Prof. N.P. Senchenkov), the Summer school "Gifted children" and the prospects of research and educational projects for implementation of the strategy of the state policy in the field of education. It is shown that the main characteristic of these projects at Smolensk State University is the focusing on social partnership and practical orientation, cooperation with the Russian Academy of Education and educational organizations of the region. It is noted that they contribute to the formation of active civil position, to the development of needs of the young generation to participate in civic life, help to adapt to the social and political environment and to develop skills of cooperation with local authorities and other partners.

Key words: national strategy, upbringing, education, young generation, Smolensk State University.

References

1. Dvoryanchikov N.V., Budykin S.V., Avdeev E.S., Bovina I.B. Professionalism in the work of the Director of the school: features of ordinary representations of groups of principals, teachers and parents [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2016. Vol. 6, no. 3, pp. 1–13. doi:10.17759/psylaw.2016060301. (In Russ., abstr. in Engl.).

2. Morozikova I.V. Duhovnyj potencial lichnosti budushhego prepodavatelja izobrazitel'nogo iskusstva kak sostavljajushhaja vospitatel'nogo komponenta obrazovanija [Spiritual potential of personality of a future teacher of fine arts as a part of the educational component of education]. *Social'nyj institut vospitanija v sovremennoj Rossii: modernizacija, dinamika i strategija razvitija. Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. T.1. Moscow: Institut sem'i i vospitanija RAO, 2012. pp. 219–222.*
3. Savotina N.A. Problemy i perspektivy tehnologicheskogo podhoda v sfere vospitanija [Problems and prospects of technological approach in the field of education] // *Social'no-psihologicheskie problemy mental'nosti/mentaliteta. Materialy 11 mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Vyp. 11. Smolensk: Smol GU, 2014. pp. 206–212.*

Смысловая сфера несовершеннолетних осужденных

Ошевский Д.С., кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник, ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России; доцент кафедры юридической психологии и права, Московский государственный психолого-педагогический университет (*oshevsky@serbsky.ru*)

Назарова Н.Г., аспирантка кафедры психологии и права факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (*natabanaz@mail.ru*)

В статье представлены результаты предварительного эмпирического исследования, направленного на выявление особенностей смысловой сферы подростков, совершивших противоправные, в том числе агрессивные, деяния. Обследовано 50 несовершеннолетних мужского пола в возрасте 16–17 лет. Первую группу составили подростки, осужденные за совершение агрессивно-насильственных деликтов; вторую группу – осужденные за совершение имущественных общественно опасных деяний (ООД). Показано, что оценки таких подростков, как правило, категоричны и полярны, смысловая сфера отличается слабодифференцированной, малоиерархизированной, недостаточно реалистичной структурой смыслов. Развитая структура мотивов и смыслов является основой произвольной регуляции социально значимого поведения. Тем самым, оценивая смысловую сферу несовершеннолетних правонарушителей можно выделить ее особенности в качестве факторов риска противоправного поведения, а также ресурсные стороны, что будет способствовать решению вопросов профилактики и коррекции противоправного поведения.

Ключевые слова: несовершеннолетние правонарушители, смысловая сфера несовершеннолетних осужденных, противоправное поведение.

Для цитаты:

Ошевский Д.С., Назарова Н.Г. Смысловая сфера несовершеннолетних осужденных. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 4. С.58-71. doi: 10.17759/psylaw.2016060407

For citation:

Oshevsky D.S., Nazarova N.G. The semantic sphere of juvenile offenders. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no. 4. pp.58-71. doi: 10.17759/psylaw.2016060407

За последние 10 лет в России наблюдается значительное снижение количества осужденных несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательных колониях (ВК) страны. По данным ФСИН России, в 2006 г. в ВК содержалось 11917 подростков мужского пола, в 2011 г. – 2596 осужденных, а в 2015 г. 1590 человек [9]. Однако обеспокоенность вызывает тот факт, что больше половины правонарушений носят агрессивно-насильственный характер [9]. Устойчивые агрессивные паттерны могут усложнить процесс адаптации несовершеннолетних в местах лишения свободы, приводить к возникновению конфликтных ситуаций как среди самих осужденных, так и с сотрудниками ВК. Прогнозирование и оценка риска подобного поведения у несовершеннолетних правонарушителей в колонии и, после освобождения, является актуальной задачей. Это позволит снизить уровень нарушения установленного порядка во время отбывания наказания в ВК, осуществлять более эффективно индивидуальный подход в воспитательной работе и уменьшить уровень повторных деликтов [3; 4].

Факторы риска агрессивного противоправного поведения условно делят на статические и динамические. К статическим относят криминологические характеристики, например, количество совершенных ранее правонарушений, их характер и т.п. [3; 11]. Однако наибольший интерес представляют те факторы, которые способны изменяться во времени [1]. Их оценка существенно повышает точность прогнозирования. К динамическим факторам можно отнести установки, убеждения, ценностные ориентации, смысловые конструкторы [3].

Смысловая сфера является высшим уровнем регуляции социально значимого поведения, системообразующим основанием личности. Нарушения ее развития нередко влекут за собой потерю интереса к жизни, приводят к ощущению бесцельности существования. Это может спровоцировать активный поиск новых стимулов и сделать несовершеннолетних более уязвимыми и незащищенными перед негативным влиянием групп антисоциальной направленности [6]. В условиях пенитенциарной системы у незрелых подростков такой риск существенно усиливается [2]. Перечисленными обстоятельствами обусловлена актуальность настоящего исследования. Его целью стало выявление особенностей смысловой сферы несовершеннолетних осужденных мужского пола, совершивших агрессивно-насильственные и имущественные деликты.

Материал, методы и дизайн исследования

Обследованы подростки мужского пола (n=50) в возрасте 16–17 лет, отбывающие наказание в Можайской воспитательной колонии. Средний возраст испытуемых составил $16,9 \pm 0,9$ лет.

Исследование проводилось в индивидуальной форме с каждым испытуемым. В качестве исследовательского инструментария были выбраны следующие диагностические методики:

- тест «Руки» Вагнера [8] – для оценки склонности к открытому проявлению агрессии;
- цветовой тест отношений (ЦТО) [10] в психосемантической модификации [5;7] – для определения эмоциональных элементов отношений личности и ее смысловых конструкторов.

Для верификации полученных данных применялись математико-статистические методы, реализованные в программной среде STATISTICA 10.0. Сравнительный анализ независимых выборок проводился с помощью t-tests (критерий Стьюдента) с предварительной проверкой на нормальность распределения, а также с использованием критерия Mann-Whitney (U). Кластерный анализ проводился с помощью методов Single Linkage («Метод одиночной связи») с определением расстояния между переменными и кластерами в Евклидовом пространстве. Наряду с количественным, применялся качественный анализ индивидуальных протоколов испытуемых.

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе сравнивались группы в зависимости от характера деликта: «АГ» – подростки мужского пола (n=25), отбывающие наказание в Можайской воспитательной колонии за совершенные агрессивно-насильственные правонарушения по ст.ст. УК РФ: 105 («убийство»), 111 («умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»), 114 («причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны»), 161 («грабеж»), 162 («разбой») и группа «ИМ» – несовершеннолетние (n=25), отбывающие наказание за имущественные правонарушения по ст.ст. УК РФ: 158 («кража»), 166 («неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения»). С помощью кластерного анализа проводилась диагностика их смысловой сферы.

На втором этапе группы выделялись методически. В зависимости от уровня проактивной агрессии, исследованной с помощью теста «Руки» было сформировано две группы: «Высокая агрессивность» – подростки, показавшие высокий уровень проактивной агрессии и плохо развитые механизмы сдерживания агрессивных побуждений, вне зависимости от характера деликта; «Низкая агрессивность» – несовершеннолетние осужденные, имеющие более низкий уровень проактивной агрессии и лучше развитые механизмы сдерживания агрессии. В этих группах с помощью кластерного анализа также проводилась диагностика смысловой сферы осужденных подростков.

Результаты исследования

Сравнительное исследование по обобщенным показателям теста «Руки» Э. Вагнера, характеризующим уровень агрессивных побуждений (показатель $I = \frac{Ag + Dir}{n}$) и сформированность механизмов сдерживания агрессии (показатель $I2 = \frac{(Ag + Dir) - (Com + Fear + Dep + Af)}{n}$) (рис. 1), показало, что несовершеннолетние, отбывающие наказание в ВК, имеют высокий уровень проактивной агрессии и обладают плохо сформированными механизмами сдерживания агрессивных побуждений. Обнаружены значимые различия между группами «АГ» и «ИМ» ($p < 0,01$). Так, у подростков, совершивших агрессивно-насильственные деликты уровень проактивной агрессии достоверно выше, чем у несовершеннолетних, отбывающих наказание за имущественные правонарушения, а механизмы сдерживания агрессии сформированы слабее.

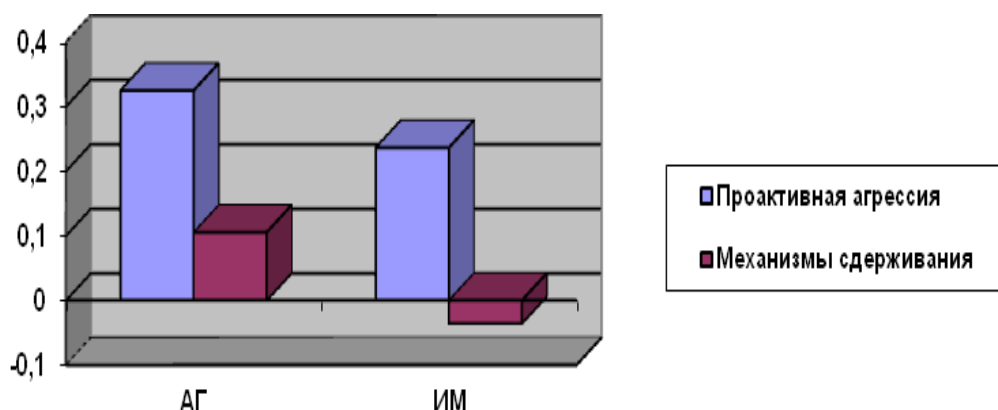

Рис. 1. Показатели уровня агрессивности и сформированности механизмов сдерживания агрессивных побуждений по тесту «Руки» Э. Вагнера у несовершеннолетних осужденных

Анализируя отдельные показатели теста «Руки» (рис. 2), следует отметить, что по результатам по шкале «Агрессия» («Ag») в обеих группах находятся на высоком уровне, однако, не имеют значимых различий. Из этого следует, что несовершеннолетние осужденные вне зависимости от характера совершенного ими деяния (группы «АГ» и «ИМ»), имеют тенденцию к открытому проявлению агрессии в поведении. Вместе с тем показатели по шкале «Директивность» («Dir») имеют достоверно более высокие значения в группе «АГ», а показатели по шкале «Зависимость» («Dep»), относящейся к механизмам сдерживания агрессии – более низкие значения ($p < 0,01$). Вероятно, подростки, совершившие агрессивно-насильственные правонарушения, в меньшей степени приспособлены к социальному окружению, не готовы учитывать чувства, права и намерения других людей в своем поведении, имеют более низкий уровень социальной кооперации, недоразвитие установок социального сотрудничества, что может рассматриваться в качестве фактора риска агрессивного противоправного поведения.

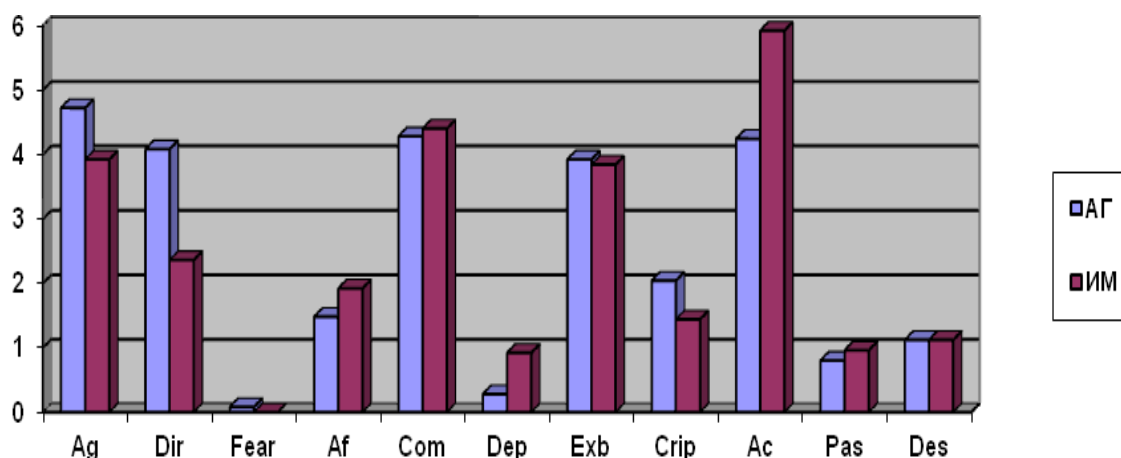

Рис. 2. Частные показатели по тесту «Руки» Э. Вагнера у несовершеннолетних осужденных

Развитая структура мотивов и смыслов является основой произвольной регуляции социально значимого поведения. Для ее исследования была использована методика ЦТО.

Проведенный кластерный анализ позволил выявить у подростков, отбывающих наказание в ВК, ряд специфических особенностей смысловой сферы, которые можно рассматривать в качестве факторов риска противоправного поведения и ресурсных сторон личности.

«Кластерное дерево» несовершеннолетних, осужденных за агрессивно-насильственные деяния (группа «АГ»), разделено на две большие кластерные плеяды (I, II), несвязанные между собой (рис. 3). Такая структура может свидетельствовать о категоричности и полярности оценок.

Первая кластерная плеяда (I) включает в себя исключительно положительно окрашенные понятия, а также отражает самоидентификацию несовершеннолетних. Прослеживается тесная связь между такими самоидентификационными категориями, как «я сам», «я идеал» и «я в будущем», что может свидетельствовать о недостаточной критичности самооценки и идеализировании себя. При этом следует отметить, что самооценочные категории у таких подростков имеют близкие связи с понятиями, характеризующими их представление о счастье, такими как «добро», «семья», «мой дом», и тесно связаны с реальными средствами его достижения («учеба», «работа»). Наличие подобных смысловых образований следует рассматривать в качестве ресурса при проведении коррекционной работы с данной группой осужденных. Близкая связь между такими понятиями, как «раскаяние», «жизнь», «будущее» и самоидентификационными понятиями, вероятно, свидетельствует о некоторой переоценке своего поведения и совершенного правонарушения, которая могла произойти в связи с получением наказания в виде реального лишения свободы и его отбыванием в закрытом учреждении.

Обращает на себя внимание тот факт, что несовершеннолетние осужденные (группа «АГ») прежде всего идентифицируют себя с матерью. Фигура отца, которая в норме должна выступать ориентиром для подростков при формировании полоролевых стереотипов, хотя и включена в кластерную плеяду позитивно оцениваемых понятий, имеет слабые связи с понятием «я сам» и не наполняется каким-либо конкретным содержанием. Это может быть связано с тем, что большинство несовершеннолетних осужденных воспитывались в неполных семьях, где отсутствовал необходимый образец для формирования адекватного представления о своей гендерной роли.

Во вторую большую изолированную эмоциональную плеяду (II) вошли негативно окрашенные понятия («горе», «гнев», «ненависть», «насилие», «мечь», «страх» и т. п.). Сюда также относятся стимулы, которые при формировании представлений об образе собственного «я» отвергаются подростками («не я», «не мой идеал», «каким я не буду», «каким меня не видят другие»). Обращает на себя внимание наличие тесной связи между такими понятиями, как «смерть», «преступление» и «спиртное». Из бесед с несовершеннолетними, осужденными за агрессивно-насильственные деликты, известно, что многие совершили правонарушения, в частности убийства и нанесение тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего, в состоянии алкогольного опьянения. Таким образом, употребление алкоголя можно рассматривать в качестве одного из факторов риска, существенно повышающего вероятность совершения агрессивных противоправных деяний. Также в кластерной структуре стимулов, входящих в плеяду II,

прослеживается связь между субкластером, включающим вышеназванные понятия, и такими стимулами, как «обида», «гнев», «месть», «страх», которые, в свою очередь, тесно связаны с понятиями «ненависть», «одиночество» и «насилие». Вероятно, подростки группы «АГ» испытывали дефицит в общении, в близких контактах, не получали должной поддержки и понимания, в результате чего у них сформировалось резко негативное отношение к обществу, а обида, гнев, месть и страх явились пусковым механизмом совершенных противоправных действий. Вместе с тем, в смысловой системе подростков, совершивших агрессивно-насильственные деликты, прослеживается разрыв между прошлым и настоящим, а представления о будущем идеализируются, что может указывать на недостаточную преемственность во временной перспективе и о недостаточной реалистичности их взглядов. «Кластерное дерево» несовершеннолетних, осужденных за имущественные преступления (группа «ИМ»), имеет схожую структуру с «кластерным деревом» подростков группы «АГ», включающую две большие кластерные плеяды (I, II), одна из которых содержит преимущественно положительно окрашенные понятия, другая – отрицательно окрашенные (рис. 4).

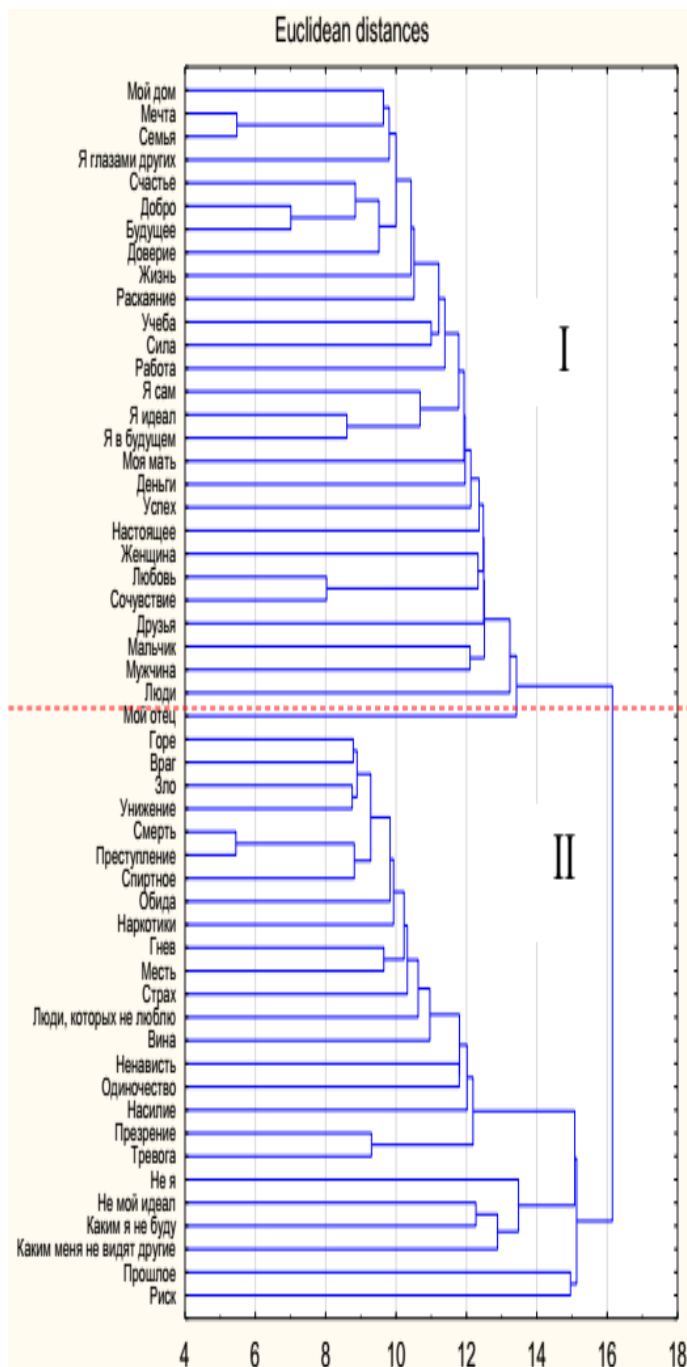

Рис.3. Кластерная структура смыслов у несовершеннолетних осужденных, совершивших агрессивно-насильственные правонарушения (группа «АГ»)

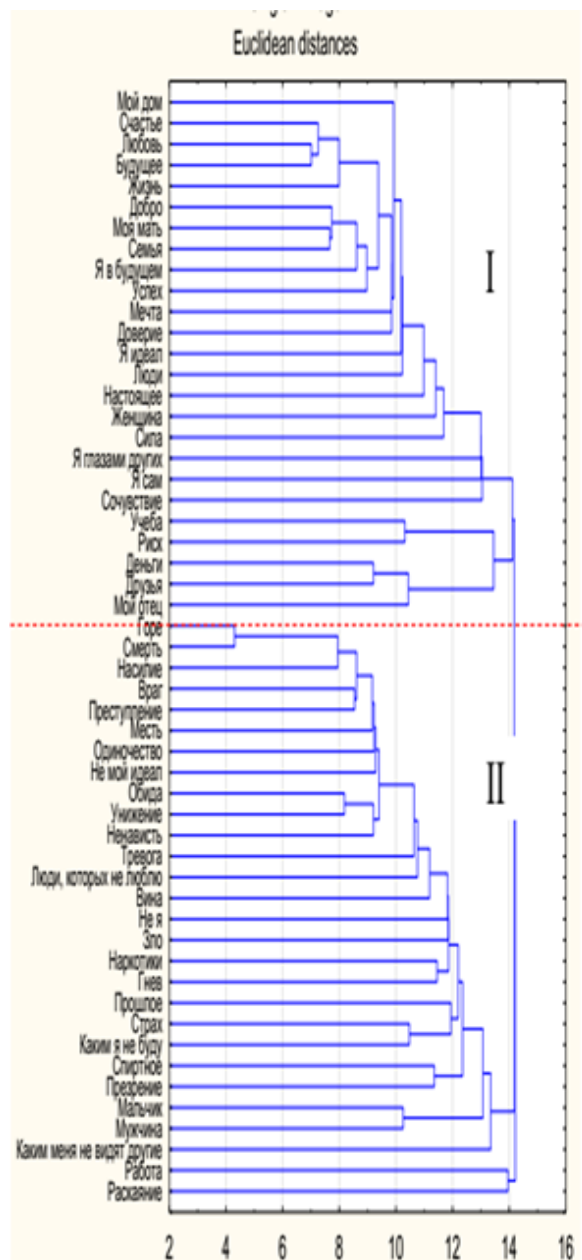

Рис. 4. Кластерная структура смыслов у несовершеннолетних осужденных, совершивших имущественные правонарушения (группа «ИМ»)

Первая кластерная плеяда (I) включает в себя самооценочные понятия. Так, категория «я сам» имеет наиболее тесную связь со стимулом «сочувствие». Возможно, несовершеннолетние, совершившие имущественные деликты, испытывают чувство жалости к себе в связи со сложившейся ситуацией (привлечением к уголовной ответственности и отбыванием наказания в ВК). Также категория «я сам» тесно связана с

понятием «я глазами других». Вероятно, несовершеннолетние ожидают от других аналогичного отношения к себе. Тесная связь прослеживается между понятиями «деньги» и «друзья» и самоидентификационной категорией «я сам», что может указывать на значимость для данной группы подростков общения со сверстниками и принадлежности к определенной референтной группе, а также на высокую ценность материального благополучия. Следует отметить, что имущественные правонарушения совершались в основном группой лиц, соответственно, для несовершеннолетних осужденных (группа «ИМ») друзья являлись в том числе подельниками и компаньонами в достижении материального благосостояния. Таким образом, принадлежность к диссоциальной группе сверстников может рассматриваться в качестве фактора риска противоправного поведения.

При анализе связей, указывающих на характер эмоциональной самоидентификации подростков, обращает на себя внимание тот факт, что, в отличие от несовершеннолетних группы «АГ», они идентифицируют себя с фигурой отца, а не матери, что в норме является положительным моментом. Однако часто такие подростки если и воспитываются в полной семье, то имеют негативный пример для подражания, поскольку их отцы склонны к антисоциальному поведению. Из истории жизни осужденных известно, что отцы несовершеннолетних, воспитывающихся в полных семьях, имели склонность к употреблению алкоголя, криминальный опыт.

Представления подростков группы «ИМ» о себе в будущем связаны с образом матери и семьи в целом, что может свидетельствовать об эмоциональной идентификации с родными. Представления о счастье обращены исключительно в будущее («будущее», «мечта»). При этом следует отметить, что, в отличие от подростков группы «АГ», у несовершеннолетних, совершивших имущественные правонарушения, существует либо совсем слабая связь с реальными средствами его достижения («учеба»), либо такие средства вообще отвергаются («работа»). Наличие подобных смысловых конструктов может рассматриваться в качестве фактора риска противоправного поведения.

Во вторую большую кластерную плеяду (II) в группе «ИМ» вошли понятия, которые при формировании представлений об образе собственного «я» отвергаются подростками («не я», «не мой идеал», «каким я не буду», «каким меня не видят другие») аналогично группе «АГ». В нее наряду с временными категориями «прошлое» и отрицательно окрашенными понятиями («ненависть», «тревога», «месть») включаются такие стимулы, как «враг», «люди, которых не люблю», «преступление», «вина», «обида». Подобное недифференцированное, конфликтное отношение к совершенному деликту может рассматриваться в качестве фактора риска совершения повторных правонарушений.

Анализируя кластерную структуру стимулов, можно предположить, что обследованные несовершеннолетние испытывали трудности в общении и сложности в установлении доверительных контактов, подвергались нападкам со стороны окружения и непринятию просоциальными сверстниками. Из представленных данных следует, что понятие «люди, которых не люблю» у испытуемых ассоциируется с такими стимулами, как «ненависть», «унижение», «обида», а они, в свою очередь, тесно связаны с понятиями «месть» и «одиночество». Обращает на себя внимание тот факт, что такие гендерные категории, как «мальчик», с которой, нередко, отождествляют себя подростки с просоциальным поведением [5; 7], и «мужчина» тесно связаны с отвергаемым понятием «каким меня не видят другие» и имеют недифференцированный характер. Вместе с тем, они

включены в плеяду негативно оцениваемых стимулов: «презрение», «спиртное», «страх». Вероятно, это связано с формированием собственной негативной идентичности.

Следует отметить, что у несовершеннолетних группы «ИМ», в отличие от подростков группы «АГ» понятие «раскаяние» включено в кластерную плеяду отрицательно оцениваемых стимулов. Сюда же входит понятие «вина», имеющее тесную связь с отвергаемой самоидентификационной категорией «не я». Вероятно, подростки, совершившие имущественные правонарушения, не испытывают чувство вины за совершенные деяния или отрицают свою виновность. Из истории жизни подростков, осужденных за имущественные деликты, известно, что до попадания в места лишения свободы они уже совершали подобные правонарушения (в основном в группе) и имели условные судимости. Можно предположить, что отсутствие чувства вины и раскаяния связано с включенностью несовершеннолетних в криминальную субкультуру и принятием ее норм. Наличие подобной особенности смысловой сферы осужденных за имущественные деликты может рассматриваться в качестве фактора риска, существенно повышающего вероятность рецидива. В смысловой системе подростков, совершивших имущественные правонарушения, так же, как и у несовершеннолетних, осужденных за агрессивно-насильственные деликты, прослеживается разрыв между прошлым и настоящим, а представления о будущем идеализируются.

Следует отметить, что характер совершенного деяния не всегда определяет реальный уровень проактивной агрессии. В условиях пенитенциарной системы даже осужденные, совершившие имущественные деликты, адаптируются к сложившимся обстоятельствам и впитывают криминальные нормы. Исходя из данного положения, на втором этапе анализ особенностей смысловой сферы несовершеннолетних проводился в зависимости от степени выраженности проактивной агрессии. Было выделено две группы: «Высокая агрессия» и «Низкая агрессия», в каждую из них вошли несовершеннолетние, совершившие как имущественные, так и агрессивно-насильственные правонарушения. Структура «кластерных деревьев» в обеих группах также указывает на категоричность и полярность оценок, конфликтность и недифференцированность смыслов. В группу «Высокая агрессивность» вошли семь несовершеннолетних, совершивших имущественные деликты, при этом смысловые конструкты в данной группе схожи со смысловыми конструктами в группе «АГ» (рис. 5). В группу «Низкая агрессивность» вошли восемь подростков, осужденных за агрессивно-насильственные правонарушения. Их смысловая сфера имеет схожую структуру со смысловой сферой группы «ИМ» (рис. 6).

Таким образом, проведенное исследование позволяет наметить ряд тенденций, касающихся особенностей смысловой сферы несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательной колонии за совершенные агрессивно-насильственные и имущественные правонарушения. Оценки таких подростков независимо от характера совершенного деликта, как правило, отличаются категоричностью и полярностью, а смысловая сфера обладает слабодифференцированной, малоиерархизированной и недостаточно реалистичной структурой смыслов. Подростки обеих групп испытывали трудности в налаживании доверительных отношений, не принимались просоциальными сверстниками. Вместе с тем, у них плохо сформированы представления о своей гендерной и психосоциальной роли.

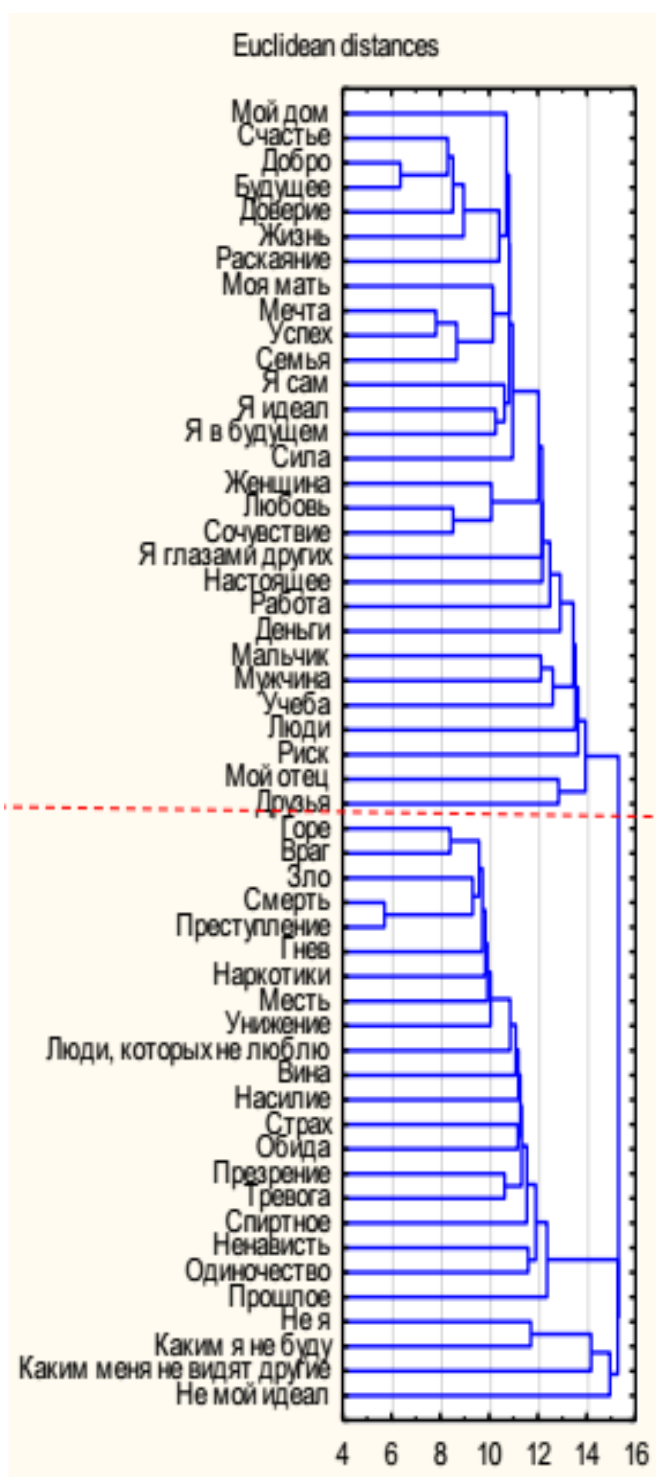

Рис.5. Кластерная структура смыслов у несовершеннолетних осужденных (группа «Высокая агрессия»)

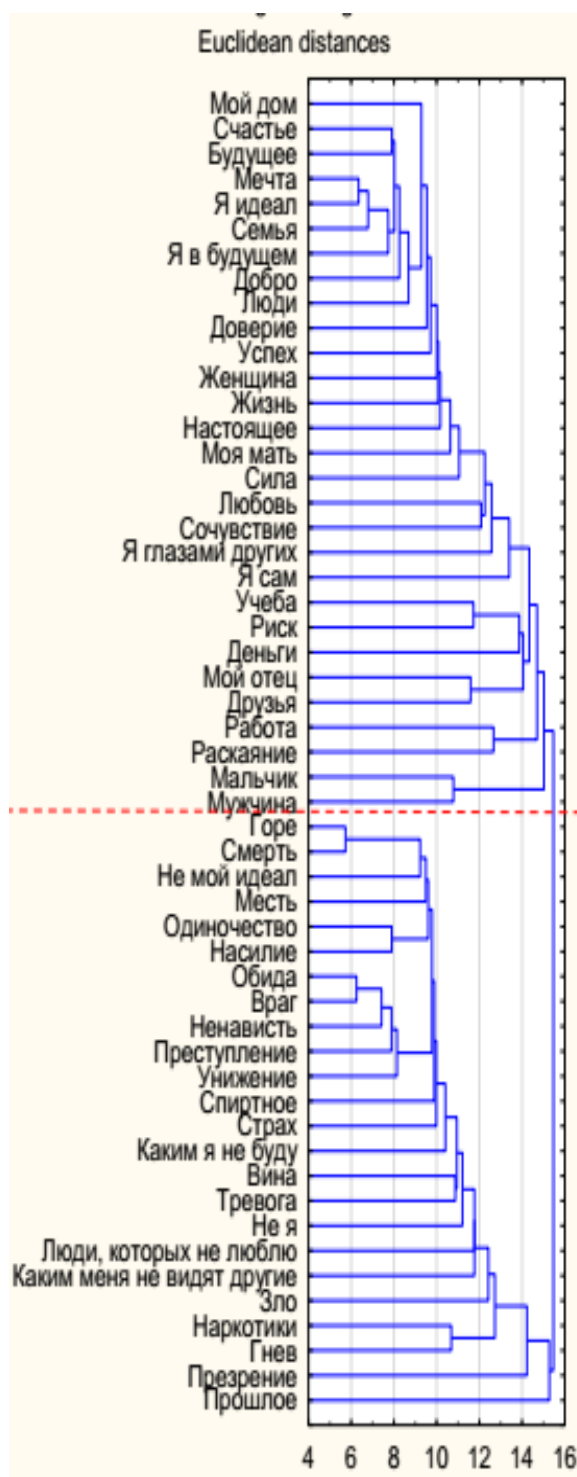

Рис.6. Кластерная структура смыслов у несовершеннолетних осужденных (группа «Низкая агрессия»)

При этом подростки, совершившие агрессивно-насильственные деликты, и подростки, имеющие высокие показатели проактивной агрессии, склонны осознавать негативный характер и общественную опасность совершенных деяний, что может рассматриваться в качестве ресурса при проведении с ними коррекционной работы.

Понимание важности получения образования и устройства на работу как необходимых средств для возвращения в просоциальное общество и налаживания позитивного будущего также можно рассматривать в качестве существенного ресурса.

Среди несовершеннолетних, осужденных за имущественные правонарушения, особую настороженность вызывает отсутствие раскаяния, недифференцированное и конфликтное отношение к совершенному деликту, а также эмоциональная привязанность к криминальной референтной группе, в которой культивируются идеи, связанные с получением материальных благ противозаконными методами. Указанные особенности могут рассматриваться в качестве фактора, существенно повышающего риск совершения повторных правонарушений.

Литература

1. Бартол К. Психология криминального поведения. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. 352 с.
2. Бобылева Л.А. Деформация смысловых конструктов несовершеннолетних осужденных: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Рязань, 2013. 25 с.
3. Дебольский М.Г. Проблемы риска рецидива при условно-досрочном освобождении осужденных [Электронный ресурс] // Психология и право. 2014. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n1/68316.shtml> (дата обращения: 26.12.2016).
4. Дебольский М.Г., Кротова Д.Н. Профилактика факторов риска пенитенциарной преступности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. № 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63792.shtml> (дата обращения: 26.12.2016).
5. Дозорцева Е.Г. Аномальное развитие личности у подростков с противоправным поведением. М.: ГНЦ ССП им. В.П. Сербского, 2004. 352 с.
6. Залящев Г.С. Особенности ценностной сферы несовершеннолетних правонарушителей [Электронный ресурс] // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. № 2–6. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-tsennostnoy-sfery-nesovershennoletnih-pravonarushiteley> (дата обращения: 26.12.2016).
7. Ошевский Д.С. Психическое развитие у подростков с психическими расстройствами, совершивших агрессивно-насильственные правонарушения (психологический аспект): автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2006. 24 с.
8. Ратинова Н.А. Тест Руки Вагнера // Практикум по психодиагностике. М.: Издательство МГУ, 1989. С. 83–90.
9. Характеристика лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних. [Электронный ресурс] // Федеральная служба исполнения наказания. URL: <http://фсин.пф/structure/inspector/iao/statistika/Hар-ка%20v%20VK/> (дата обращения: 26.12.2016).

10. *Эткинд А.М.* Цветовой тест отношений // Практикум по психодиагностике: психодиагностические материалы. М.: Из-во МГУ, 1988. С. 119–122.
11. *Borum R., Bartel P., Forth A.* Manual for the structured assessment of violence risk in youth (SAVRY). Consultation Edition. 2000.

The semantic sphere of juvenile offenders

Oshevsky D.S., Associate Professor, Chair of Legal Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Senior Research Associate, V.P. Serbskiy State Research Center of Social and Forensic Psychiatry (oshevsky@serbsky.ru)

Nazarova N.G., Postgraduate student of Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (nata6anaz@mail.ru)

The article presents the results of a preliminary empirical study aimed to identify features of the semantic sphere of adolescents who have committed illegal, including aggressive acts. The study included 50 male juveniles aged of 16 - 17 years. The first group consisted of adolescents convicted of aggressive and violent crimes; the second – of property socially dangerous acts (SDA). It is shown that evaluation of such adolescents is generally categorical and polar, the semantic field is subdifferentiable, less hierarchic, and has not enough realistic structure of meanings. Developed structure of motives and meanings is the basis of voluntary regulation of socially significant behavior. Thus, assessing the semantic sphere of juvenile offenders we can highlight its characteristics as risk factors of unlawful behavior, as well as the resource side, that will contribute to addressing issues of prevention and correction of unlawful behavior. Key words: juvenile offenders, semantic field of juvenile offenders, unlawful behavior.

Key words: juvenile offenders, the semantic field of juvenile offenders, unlawful conduct.

References

1. Bartol K. Psihologija kriminal'nogo povedenija. SPb.: prajm-EVROZNAK, 2004. 352 p.
2. Bobyleva L.A. Deformacija smyslovyh konstruktov nesovershennoletnih osuzhdennyh. Avtoref. diss. kand. psihol. nauk. [The deformation of semantic constructs of juvenile offenders. Ph.D. (Psychology) Thesis]. Rjazan', 2013. 25 p.
3. Debol'skij M.G. Problemy riska recidiva pri uslovno-dosrochnom osvobozhdenii osuzhdennyh [The problem of crime repetition risk after early release on parole] [Elektronnyj resurs]. *Psihologija i pravo [Psychology and Law]*, 2014. no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n1/68316.shtml> (Accessed: 26.12.2016). (In Russ., abstr. in Engl.).
4. Debol'skij M.G., Krotova D.N. Profilaktika faktorov riska penitenciarnoj prestupnosti [Prevention of risk factors of crime prison] [Elektronnyj resurs]. *Psihologija i pravo [Psychology and Law]*, 2013. no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63792.shtml> (Accessed: 26.12.2016). (In Russ., Abstr. in Engl.).

5. Dozorceva E.G. Anomal'noe razvitie lichnosti u podrostkov s protivopravnym povedeniem [Abnormal development of the personality of adolescents with unlawful conduct]. Moscow: Publ. RIO «GNCSSP im. V.P.Serbskogo Roszdrava». 2004, 352p.
6. Zaljashhev G.S. Osobennosti cennostnoj sfery nesovershennoletnih pravonarushitelej [Peculiarities of the value systems of delinquent adolescents] [Elektronnyj resurs]. *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra RAN [Proceedings of the Samara scientific center, Russian Academy of sciences]*, 2011. no. 2-6. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-tsennostnoy-sfery-nesovershennoletnih-pravonarushiteley> (Accessed: 26.12.2016).
7. Oshevskij D.S. Psihicheskoe razvitie u podrostkov s psihicheskimi rasstrojstvami, sovershivshih agressivno-nasil'stvennye pravonarushenija (psihologicheskij aspekt). Avtoref. diss. kand. psihol. nauk. [Mental development in adolescents with mental disorders who have committed aggressive and violent offense (psychological aspect). Ph.D. (Psychology) Thesis]. M., 2006. 24 p.
8. Ratinova N.A. Test Ruki Vagnera // Praktikum po psihodiagnostike. M.: Izdatel'stvo MGU. 1989. pp. 83-90.
9. Harakteristika lic, sodержashhihsja v vospitatel'nyh kolonijah dlja nesovershennoletnih. [Elektronnyj resurs] // Federal'naja sluzhba ispolnenija nakazanija Available at: <http://фсин.пф/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20VK/> (Accessed: 26.12.2016).
10. Jetkind A.M. Cvetovoj test otnoshenij // Praktikum po psihodiagnostike: psihodiagnosticheskie materialy. M.: Izdatel'stvo MGU. 1988. pp. 119-122.
11. Borum R., Bartel P., Forth A. Manual for the structured assessment of violence risk in youth (SAVRY). Consultation Edition. 2000.

Технологизация как подход к реализации Концепции дружественного к ребенку правосудия на примере восстановительно-медиативных технологий: вопросы теории и практики

Садовникова М.Н., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Юридический институт ИГУ, руководитель фонда «Ювента» (uventa2001@mail.ru)

Авторы статьи описывают технологизацию и рассказывают о ее роли в урегулировании конфликтов, возникающих при работе с детьми. Статья рассказывает о социальных технологиях, которые способны повлиять на проблему правонарушений несовершеннолетних и предотвратить проявление девиаций у детей. Автор указывает на роль восстановительного подхода и медиативных технологий в деятельности специалистов, занимающихся профилактикой правонарушений детей. В статье рассматриваются проблемы работы сотрудников субъектов системы профилактики в аспекте отсутствия навыков применения эффективных технологий. Автор подчеркивает особую роль технологизации основных направлений Концепции дружественного к ребенку правосудия как наиболее эффективного в настоящих условиях подхода. На примере использования восстановительно-медиативных технологий обосновывается алгоритм технологизации и возможности его применения на практике. Особое внимание обращено к технологии «Шире круг!», способной повлиять на проблему правонарушений несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетний; медиация; медиативные технологии; конфликт; восстановительный подход; преступность несовершеннолетних; девиантное поведение; субъекты системы профилактики; профилактика правонарушений несовершеннолетних; Концепция дружественного правосудия, технологизация.

Для цитаты:

Садовникова М.Н. Технологизация как подход к реализации Концепции дружественного к ребенку правосудия на примере восстановительно-медиативных технологий: вопросы теории и практики. [Электронный ресурс] // Психология и

право. 2016(6). № 4. С. 72-85.
doi: 10.17759/psylaw.2016060408

For citation:

Sadovnikova M.N. Technification as an approach to realization of The child-friendly justice concept in terms of technologies of mediation and restorative justice: theory and practice questions. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2016(6), no. 4. pp.72-85.
doi: 10.17759/psylaw.2016060408

Одним из показателей оценки эффективности деятельности субъектов системы профилактики, является показатель повторной преступности несовершеннолетних, который стабильно растет на протяжении вот уже более десяти лет. Такая тенденция имеет место на фоне снижения демографических показателей лиц от 14 до 18 лет. Таким образом, можно сделать вывод о том, что, к сожалению, система профилактики преступности несовершеннолетних не справляется даже с той, значительно сократившейся группой несовершеннолетних уголовно наказуемого возраста, в отношении которой им предписано осуществлять индивидуальную профилактическую работу и которая не может быть обделена их вниманием в силу правовых условий (речь идет, о несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности). Показатели и тенденции преступности несовершеннолетних значительно ухудшаются, если охватить так называемых «несубъектов», то есть несовершеннолетних, совершивших уголовно наказуемые деяния еще до достижения возраста уголовной ответственности.

Эффективность системы профилактики преступности несовершеннолетних зависит от множества условий, среди которых, по нашему мнению, одно из важнейших мест занимает возможность использования сотрудниками субъектов системы профилактики действительно эффективных технологий, применение которых позволяло бы превосходить негативные девиантные тенденции в подростковой среде, работать на их «опережение», что действительно говорило бы о профилактике.

Отметим лишь две, из множества проблем в этой сфере.

Перечень субъектов системы профилактики дан в ФЗ № 120¹, где их насчитывается десять: комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав; органы управления социальной защитой населения; федеральные органы государственной власти и органы государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие государственное управление в сфере образования, и органы местного самоуправления, осуществляющие управление в сфере образования; органы опеки и попечительства; органы по делам молодежи; органы управления здравоохранением; органы службы занятости; органы внутренних дел; органы по контролю оборота наркотических средств и психотропных веществ; учреждения уголовно-исполнительной системы. Представителей субъектов системы профилактики можно условно подразделить на две категории: непосредственно работающие с детьми и организующие такую деятельность. Большинство

¹ Ст. 4 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (в ред. от 14 октября 2014 г.).

работающих сотрудников – педагоги; остальные – юристы, специалисты по социальной работе, психологи. Вместе с тем, повсеместно имеется тенденция перевода более опытных, инициативных и заинтересованных работников в разряд руководителей. Зачастую непосредственно с детьми работают те, кто не имеет еще достаточного опыта работы; многие руководители учреждений для детей, особенно из отдаленных территорий, отмечают, с одной стороны, «кадровый голод» и недостаточный уровень практических навыков у молодых специалистов, а с другой стороны, – их неспособность к разработке собственных эффективных программ работы с несовершеннолетними правонарушителями.

Проведенный мониторинг показал, что большинство сотрудников субъектов системы профилактики обладают достаточно высоким уровнем знаний в сфере правового обеспечения своей деятельности (иными словами, знают нормативно-правовую базу своей деятельности), обладают достаточным интеллектуальным уровнем [4]. Вместе с тем, вопросы непосредственной (так называемой контактной) работы с несовершеннолетним правонарушителем, его семьей и окружением зачастую сводятся к диагностике ситуации (провели обследование по месту проживания; собрали характеристики; провели тестирование), заполнению необходимых документов, а также проведению профилактических бесед. Многие проводимые мероприятия (по трудоустройству, организации досуга и др.) сводятся к формальным действиям (для отчетности, а не для достижения результата).

Современная система профилактики преступности несовершеннолетних отличается крайней инертностью.

Центральным звеном всей системы профилактики остается Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – КДНиЗП), которая представляет собой постоянно сменяемый коллектив представителей разных структур. На постоянной основе в КДНиЗП работает ответственный секретарь, а в некоторых комиссиях еще один специалист. Возложенная функция координации всей системы профилактики на соответствующей территории институционально не может осуществляться при такой ее организации в виду невозможности требовать от кого-либо выполнения каких-то определенных действий/мероприятий. Скоординированно и эффективно работают те КДНиЗП, в которых при авторитете председателя каждый член относится к своей деятельности ответственно и стремится к позитивному результату. Однако это происходит не благодаря сложившейся форме деятельности КДНиЗП, а зачастую вопреки ей.

По нашему мнению, сложившаяся практика работы КДНиЗП – это выполнение того, что НЕ делать нельзя. На сегодняшний день – это составление протоколов по административным правонарушениям. Остальные функции, несмотря на их действительную значимость, требующуюся оперативность реагирования, становятся второстепенными, в том числе и вопросы работы с несовершеннолетними правонарушителями. Загруженность КДНиЗП работой по составлению протоколов по административным правонарушениям лишь отчасти можно отнести к профилактической деятельности. На практике ее цель состоит не в том, чтобы ребенок сделал определенные выводы и в дальнейшем не повторял подобных действий, а зачастую в том, чтобы как можно быстрее оформить протокол.

Вместе с тем, практика более десяти лет доказывает, что, несмотря на объединение в КДНиЗП представителей разных структур (образование, социальная защита, полиция и др.), сами они не готовы к реализации регламентированной ФЗ № 120 функции «социально-педагогической реабилитации» несовершеннолетнего, находящегося в трудной жизненной ситуации (в том числе и правонарушителя). Осуществление такой деятельности требует определенного алгоритма. При его отсутствии большинство КДНиЗП ссылаются на то, что если бы в их составе были психологи, они смогли бы более эффективно осуществлять свою деятельность². В настоящее время с изучением опыта работы профессиональных медиаторов с несовершеннолетними правонарушителями по урегулированию конфликтов, отмечается необходимость введения профессиональных медиаторов в состав КДНиЗП. Однако, по нашему мнению, работа одного специалиста, только в одном направлении не может изменить ситуации. Введение психологов (которые имеются в штате уголовно-исполнительных инспекций) в некоторые КДНиЗП также не решает проблемы, только одной психологической помощи подчас недостаточно несовершеннолетнему правонарушителю для преодоления ситуации неблагополучия.

По нашему мнению, основная сложность и, как следствие, пассивность в профилактической деятельности КДНиЗП, а также всех структур по отдельности заключается в том, что деятельность КДНиЗП по профилактике правонарушений несовершеннолетних не представляется эффективной самим специалистам. Индивидуальная профилактическая работа с несовершеннолетними правонарушителями воспринимается как еще большая сложность. Изучение документов КДНиЗП, ПДН и УИИ по проведению индивидуальной профилактической работы показывает, что осуществляется лишь диагностика ситуации неблагополучия (характеристики, изучение ситуации бытового окружения), проводятся профилактические беседы и некоторые отдельные мероприятия.

Отсутствие видения результативности индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетним правонарушителем, ее эффективности, понимания основных методик, технологий, ориентированных на устранение причин и условий низкой результативности этой работы и достижение четко видимых результатов, делают ее бесперспективной.

Суть проблемы кроется не в отсутствии специалистов, а в отсутствии необходимых технологий, которые могли бы применять специалисты (независимо от их профессии), работающие с детьми. Универсальность технологий, которые можно применять в работе с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации (в том числе и правонарушителями), гарантирует возможность их применения и юристом, и педагогом, и психологом. Наличие универсальных технологий не умаляет значимости той же психологической или социальной работы, а служит лишь общей оболочкой для применения более узких направлений деятельности. Бесспорно, что применение технологии требует профессионализма, а значит обучения ее применению.

Процесс технологизации основных направлений государственной политики в сфере профилактики преступности несовершеннолетних, по нашему мнению, делает возможным переход к действительно эффективной работе с несовершеннолетним, его семьей и окружением каждого специалиста системы профилактики.

² По результатам мониторинга деятельности, проводимого в 2010–2015 гг. в Иркутской области., Республике Бурятия, Забайкальском крае и др.

Проблемами технологизации социальных процессов занимаются исследователи различных отраслей научного знания.

Понятие «социальная технология» используется в таких науках, как социология, экономика, менеджмент, социальная работа, психология, педагогика, юриспруденция и др.

Важно, что понятие «социальная технология» на сегодняшний день концептуализировано и практически у всех авторов используется в одном значении. Поэтому можно говорить об эпистемической целостности этого термина.

Чтобы понять, что такое социальная технология и какую роль она выполняет в современных социальных практиках и уяснить возможности технологизации в сфере профилактики преступности несовершеннолетних в целом и при формировании дружественного к ребенку правосудия, в частности, необходимо обратиться к вопросу о сущности технологии и технологизации.

Понятие «технология» рассматривалось, прежде всего, в связи с промышленным производством, техническим прогрессом, техническими конструкциям и с системами производственного процесса. Обусловлено данное представление влиянием того факта, что исторически технология возникла и начала развиваться главным образом в сфере материального производства [6]. Карл Маркс определил направления дальнейшей технологизации производства и социальных процессов. Он связывал технологию с разложением производственного процесса на соответствующие операции и элементы и при этом не ограничивал ее только сферой техники, материального производства [5]. Большой вклад в разработку проблемы технологизации внесли болгарские философы Н. Стефанов и М. Марков [10]. Рассматривая социальную технологию многоаспектно, Н. Стефанов приходит к следующим выводам: «В самом общем виде можно принять: социальная технология – это деятельность, в результате которой достигается поставленная цель и изменяется объект *деятельности* ... Социальная технология – это предварительно определенный ряд операций, направленный на достижение некоторой цели или задачи». Он также отмечает: «...чтобы *деятельность* получила право называться *технологией*, необходимо, чтобы она была сознательно и планомерно расчленена на элементы, реализующиеся в определенной последовательности». Автор определяет место социальных технологий: «Там, где человек активно и целенаправленно относится к окружающим его процессам, где он стремится сознательно и планомерно изменять природную и социальную среду, там в принципе возможна технология» [10].

Выводы автора позволяют утверждать, что социальные процессы, связанные с реализацией государственной политики в сфере профилактики преступности несовершеннолетних, можно отнести к разновидностям социальной деятельности, сознательно и планомерно расчлененной на элементы, реализующиеся в определенной последовательности, в результате которой достигается поставленная цель (в самом общем виде – исправление несовершеннолетних и предупреждение совершения ими повторных преступлений) и изменяется объект деятельности.

Дятченко Л.Я. анализирует предложенные различными авторами определения термина «социальная технология» и приходит к выводу, что социальная технология как общественный феномен имеет две составные части: с одной стороны, – это

целенаправленная деятельность человека по совершенствованию социальных отношений, с другой, – это область теории, особым образом организованные знания. В соответствии с этим она выделяет две группы подходов к определению понятия и выяснению сущности социальной технологии: а) представление, рассматривающее социальную технологию как комплекс социальных действий; б) представление о социальной технологии как науке, области знаний. Такой контекст вполне отражает и наше представление о системе профилактики как источнике и акторе социальных технологий, реализующем комплекс социальных действий, направленных на профилактику правонарушений несовершеннолетних и основанных на научном подходе [1].

Иванов В.Н. и Пахрушев В.И. выделяют три основных концепта, в которых можно рассматривать социальную технологию.

Социальная технология это:

1) специально организованная область знания о способах и процедурах оптимизации жизнедеятельности человека в условиях нарастающей взаимозависимости, динамики и обновления общественных процессов;

2) способ осуществления деятельности на основе ее рационального расчленения на процедуры и операции с их последующей координацией и синхронизацией и выбора оптимальных средств, методов их выполнения;

3) метод управления социальными процессами, обеспечивающий систему их воспроизводства в определенных параметрах – качества, свойства, объема, целостности деятельности и т. п.

Обобщив приведенные выше определения, скажем, что если говорить о социальной технологии, как о некоей деятельности или методе управления социальными процессами, мы можем утверждать, что эта деятельность должна иметь под собой научную основу, отражая связь науки и практики.

Вместе с тем, не претендуя на однозначность, попробуем в упрощенном варианте представить сущность технологизации, затем уже определив ее дефиницию.

Доктор наук Глазычев В.Л., по нашему мнению, наиболее четко определяет сущность технологизации: «...технологическая культура складывается вместе с цивилизацией. Это происходило синхронно, и между этими словами можно установить полную корреляцию. Цивилизация – это культура, трансформированная отрефлексированной технологией...». Серьезная отстройка технологической картины производится на решении гигантской и сложной задачи путем ее предельного упрощения – расчленения на человеческие механизмы и связанности между ними; «...в этом смысле утверждение календаря, перевод астрономических наблюдений в инструмент социальной организации времени выступают точным моментом, с которого мы можем говорить о технологии управления временем и пространством; утверждение меры весов, а потом денег – перевод абстрагированного сопоставления в инструмент социальной организации транзакций» [3].

Технологизация – продукт развития человечества, цивилизации, когда на фоне существующих социальных проблем, зачастую в отрыве от них вырабатываются

глобальные и масштабные модели, программы, подходы, которые не могут быть реализованы на практике без их превращения в инструмент социальной организации транзакций посредством технологизации. Так, инженерное сознание игнорирует первичность социального целеполагания и акцентирует внимание на изобретении. Науковедение акцентирует внимание на открытии и создании теории. Методология – на мыследеятельности [3]. Ни одно, ни другое, ни третье не может быть реализовано в практической деятельности при отсутствии абсолютно ясного и четкого алгоритма социальной деятельности для достижения ясного результата.

Многолетний опыт работы в сфере профилактики преступности несовершеннолетних и с практической, и с теоретической позиций позволяет говорить о полном разрыве между теоретическими разработками (самыми глобальными и эффективными) и тем «скудным» и неэффективным набором мероприятий, которые реализуются в практической деятельности.

Сущность технологизации в том, что она мыслима и осуществима только тогда, когда целеполагание (в нашем контексте – снижение показателей преступности несовершеннолетних и высокая степень эффективности профилактической работы с несовершеннолетними разных возрастов) и проблематизация (рост повторной преступности несовершеннолетних; недостаточный уровень практических навыков и эффективных технологий работы с несовершеннолетним, его семьей и окружением у сотрудников системы профилактики) выявлены, когда имеет место быть определенный концепт, который должен быть реализован в практической деятельности.

По нашему мнению, в работе с несовершеннолетними правонарушителями должны внедряться универсальные (с точки зрения субъектной деятельности) социальные технологии профилактической деятельности (индивидуальной и общей), которые разрабатываются, исходя из определяемой государством политики в сфере профилактики преступности несовершеннолетних.

Государственная политика в сфере профилактики преступности несовершеннолетних определяет ее основные составляющие – направления, являющиеся основами для деятельности субъектов системы профилактики.

Реализацию Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг., утвержденной Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761, предусмотрено осуществлять по основным направлениям, среди которых – создание системы защиты и обеспечения прав и интересов детей и дружественного к ребенку правосудия.

В целях развития дружественного к ребенку правосудия предусматривается:

- законодательное установление поэтапного введения дружественного к ребенку правосудия, определение его форм, принципов и механизмов осуществления;
- принятие мер по обеспечению доступа детей к международному правосудию для защиты их прав и интересов;
- обеспечение выполнения Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила 1985 г.),

Руководящих принципов ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы 1990 г.), рекомендаций Комитета министров Совета Европы о европейских правилах для несовершеннолетних правонарушителей, подвергаемых наказанию и мерам воздействия;

- проведение научных, социологических исследований в целях выработки эффективной политики в отношении детей, совершивших правонарушения, планирования ее реализации и оценки достигнутых результатов;
- проведение научных исследований в области психологии девиантного поведения и разработка методов воздействия, не связанных с применением наказания;
- создание сети психолого-педагогических учреждений для работы с детьми, находящимися в конфликте с законом, и их социальным окружением;
- развитие сети служб примирения в целях реализации восстановительного правосудия;
- организация школьных служб примирения, нацеленных на разрешение конфликтов в образовательных учреждениях, профилактику правонарушений детей и подростков, улучшение отношений в образовательном учреждении.

Таким образом, государственная политика в сфере профилактики преступности несовершеннолетних до 2017 г. среди своих основных направлений закрепляет внедрение Концепции дружественного к ребенку правосудия.

Планы реализации важнейших положений Национальной стратегии раскрывают посредством мероприятий реализацию основных направлений, в том числе и дружественного к ребенку правосудия. Так, Распоряжением правительства РФ от 5 февраля 2015 года № 167-р утвержден План на 2015–2017 годы, который содержит мероприятия, направленные: а) на разработку нормативно-правовых актов (в частности, п. 58 о системе пробации); б) проведение мониторинга (в частности, п. 66 по проведению мониторинга правоприменения в Российской Федерации в сфере противодействия насилию и жестокому обращению с детьми); в) проведение национальных информационных кампаний (в частности, п. 57 по проведению общенациональной информационной кампании по противодействию жестокому обращению с детьми). Важно отметить, что обозначенные мероприятия не являются технологиями. Вместе с тем, именно процесс технологизации и их трансформации в технологию, позволит эффективно применять их на практике.

Наряду с этим План содержит пункт 65 «Внедрение новых технологий и методов работы по профилактике правонарушений несовершеннолетних, в том числе повторных, обеспечению досудебного и судебного сопровождения несовершеннолетних, вступивших в конфликт с законом, а также несовершеннолетних, отбывающих или отбывших наказание в местах лишения и ограничения свободы», в рамках которого предполагается разработка методических рекомендаций. Данные методические рекомендации еще не разработаны, но мы полагаем, что они будут представлены именно в виде технологий.

Возвращаясь к вопросу о внедрении восстановительно-медиативных технологий в рамках формирования дружественного к ребенку правосудия, важно изначально определить правовые рамки данного концепта.

Под дружественным к ребенку правосудием подразумевается система судопроизводства в отношении детей, гарантирующая уважение прав ребенка и их эффективное обеспечение. Национальная стратегия раскрывает основные принципы и элементы дружественного к ребенку правосудия. Вместе с тем, практическая их реализация зависит именно от «дружественного» подхода к ребенку, оказавшемуся в системе правосудия, к его семье и окружению.

«Дружественный» подход обеспечивает возможность вовлечения ребенка и его семьи в решение их собственных проблем, активизацию их собственных ресурсов, их заинтересованность, что может гарантировать результат и возвращение ребенка в позитивную социализацию.

«Дружественный» подход, равно как и любая деятельность в сфере работы с детьми, не терпит непрофессионализма, а, соответственно, требует научного и практического осмысления, правовой регламентации и, самое важное, разработанных и апробированных технологий применения.

Использование медиативных технологий специалистами системы профилактики в работе с несовершеннолетними правонарушителями имеет основополагающее значение в реализации «дружественного» подхода к ребенку.

Под медиативными технологиями в работе с несовершеннолетними правонарушителями понимается использование совокупности методов (инструментов) профессиональной медиации в работе с несовершеннолетними для предупреждения и разрешения конфликтов, выработки взаимоприемлемого и взаимовыгодного, отражающего интересы обеих сторон решения, а также с целью сохранения/восстановления отношений с окружающими.

Использование восстановительных медиативных технологий в работе с несовершеннолетними регламентировано **«Концепцией развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей»** (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации 30 июля 2014 г.) и планом по реализации **«Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы»** (утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации 5 февраля 2015 г.)

Согласно **Концепции, «восстановительного правосудия»** – это подход, направленный прежде всего *не на наказание* виновного путем изоляции его от общества, а на *восстановление материального, эмоционально-психологического (морального) и иного ущерба, ... восстановление отношений, содействие реабилитации и ресоциализации правонарушителя.*

«Восстановительный подход» – это использование в практической деятельности, в частности, в профилактической и коррекционной работе с детьми и подростками, в том числе при разрешении споров и конфликтов и после совершения правонарушений, *умений и*

навыков, направленных на всестороннее восстановление отношений, доверия, материального и морального ущерба и др.

Согласно Концепции, использование медиативно-восстановительных способов и механизмов предупреждения и разрешения конфликтов в работе с несовершеннолетними позволяют:

- вести эффективную **профилактическую работу** по предупреждению асоциальных проявлений, правонарушений в детско-юношеской среде в целом;
- обеспечить реальную **социализацию правонарушителя** за счет активной коррекционной работы, направленной на предоставление ему возможности оставаться полезным членом общества, которое не отождествляет его с совершенным им проступком;
- оказать действенную **помощь семье** как важнейшему институту, определяющему развитие личности;
- содействовать образовательной системе в **создании безопасного пространства**, необходимого для формирования физически и психологически здоровой личности.

Необходимо отметить, что совершение ребенком правонарушения *всегда связано с конфликтом*. Поругался с родителями, поссорился с подругой, поконфликтовал с учителем. Возникшие в результате *негативные эмоции (в том числе агрессия) требуют своего «выплеска»* и, к сожалению, нередко – в виде совершения правонарушения. Ссоры, ругань и возникшие в результате конфликтов переживания, неудовлетворенность, агрессия, видение оппонента в виде «кровного врага», настрой на победу любыми средствами – все это является результатом *неумения подростков конструктивно вести себя в конфликтах и неумения конструктивно разрешать их*.

Исследование, проведенное Фондом «ЮВЕНТА» в Ангарской воспитательной колонии в 2006–2012 гг., подтверждает, что *большинство воспитанников во время либо до совершения преступлений были участниками конфликтов*. Практически все они (98%) отметили конфликтные ситуации в образовательных учреждениях, причем более 70% отметили, что *конфликтные отношения с учителями у них сложились еще в младшей школе*. *Внутрисемейные конфликты* отметили более 80% осужденных. Интересным представляется тот факт, что около 70% осужденных несовершеннолетних имели отчимов (чаще находящихся в гражданском браке с их матерью), и практически все отмечают конфликтные отношения с ними [9].

Работа с несовершеннолетними в Ангарской воспитательной колонии доказывает, что в большинстве ситуаций совершенные осужденными подростками преступления связаны с конфликтами. И большинству из осужденных подростков присущ деструктивный вариант поведения в конфликтах. Поэтому обучение детей-правонарушителей конструктивному взаимодействию с окружающими способно предупредить их дальнейшее противоправное поведение.

Для эффективного предотвращения повторного правонарушения *необходимо*, чтобы несовершеннолетнему удалось успешно *разрешить уже имеющиеся конфликты с окружающими его людьми (родителями, бабушками, дедушками, друзьями,*

одноклассниками, учителями и т. д.), иначе он вернется в не изменившуюся «конфликтную» среду, которая снова будет «подталкивать» его на совершение правонарушения.

Важно, чтобы и окружающие несовершеннолетнего взрослые по мере возможности использовали конструктивный подход (см. ссылку на книгу «Шире круг...» далее), когда и семья, и педагоги образовательного учреждения, и сотрудники субъектов системы профилактики, осознанно применяют навыки использования медиативных технологий, изменяя тем самым и стратегии поведения несовершеннолетнего.

Медиативные технологии могут быть использованы специалистами, работающими с несовершеннолетними с целью предупреждения конфликтных ситуаций, возникающих между специалистом и подростком; снижения агрессивности (психической, речевой и др.) подростка; выстраивания конструктивных отношений с несовершеннолетним и его семьей; улучшения взаимопонимания между несовершеннолетним и специалистом; урегулирования конфликтов, возникающих с участием несовершеннолетнего (в школе, в группе сверстников, в семье и т. д.). Кроме того, специалисты могут осуществлять процедуры «квазимедиации», когда при использовании медиативных технологий проводится процедура примирения, которая отличается от медиации рядом характеристик.

Вместе с тем, именно подход к реализации данных положений с точки зрения технологии, может дать эффективный результат. Фондом «ЮВЕНТА» разработана и апробирована технология «Шире круг: Несовершеннолетний правонарушитель и его окружение: навыки конструктивного взаимодействия» [8]. Программа была разработана сотрудниками Фонда «Ювента», исходя из опыта реализации различных программ, направленных на ресоциализацию несовершеннолетних правонарушителей, с 2001 г. В рамках программы были обучены дети-правонарушители, их родители и специалисты, работающие с ними, конструктивному общению друг с другом.

Изменение институтов, внесение изменений в нормативно правовые акты, регламентация и декларация самых важных принципов, не может изменить ситуацию детского неблагополучия, если специалисты, непосредственно работающие с детьми, не будут обладать навыками реализации «дружественного подхода к ребенку». Технологизация дружественного подхода к ребенку позволяет его эффективно реализовывать различными специалистами субъектов системы профилактики.

Литература

1. *Дятченко Л.Я.* Социальные технологии в управлении социальными процессами: монография. Белгород: Центр социальных технологий, 1993. 343 с.
2. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления: энциклопедия / В.Н. Иванов, В.И. Патрушев. 2-е изд., перераб. и доп.: М.: ЗАО «Издательство "Экономика"», 2001. 327 с.
3. Лекция «Технология и технологизация», прочитана на школе методологии [электронный ресурс]. Болгария, Албена, 2002 г. URL: [http://www.glazychev.ru/courses/2002-09-02_lecture_tech\\$technologizatsiya.htm](http://www.glazychev.ru/courses/2002-09-02_lecture_tech$technologizatsiya.htm) (дата обращения: 10.08.2015).

4. Мониторинг процесса апробации модели службы медиации 2-го уровня в соответствии с Концепцией развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации, утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2014 г. № 1430-р: отчет / М.Н. Садовникова, Э.Л. Раднаева, Е.С. Проскурина, М.В. Климова. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. 107 с.
5. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 23. 2 изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1982. 332 с.
6. *Насимова Г. О.* Сущность и принципы социальных технологий / Г.О. Насимова, М.О. Насимов // Материалы междунар. науч. конф. «История и археология» (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2012 г.). СПб.: Реноме, 2012. С. 42–45.
7. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 13.07.2015). М.: собрание законодательства, 1999 г.
8. *Садовникова М.Н.* Несовершеннолетний правонарушитель и его окружение: навыки конструктивного взаимодействия (внедрение технологии «Шире круг!» в социальных и образовательных учреждениях): метод. пособие. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2014. 211 с.
9. *Садовникова М.Н.* Ресоциализация несовершеннолетних осужденных (по материалам Восточно-Сибирского региона): монография. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2010. 415 с.
10. *Стефанов Н.* Общественные науки и социальная технология / Пер. Л. Хитрова. М.: Прогресс, 1976. 400 с.

Technification as an approach to realization of The child-friendly justice concept in terms of technologies of mediation and restorative justice: theory and practice questions

Sadovnikova M. N., PhD in law, associate professor, Department of criminal law, The Law Institute of Irkutsk state university, The head of the Fund "Uventa", (uventa2001@mail.ru)

Author of the article describes the "Technification", and report about its role in resolving the conflicts that appears in a process of working with children. The article reports about social Technologies that can effect the problem of juvenile delinquency and prevent manifestation of deviation in children's behavior. Author focuses on the special role of restorative approach and technology of mediation in process of working of specialists involved in prevention of delinquency of children. The article is devoted to the working problems of specialists involved in prevention of delinquency of children. The Author highlights the special role of "Technification" of key branches of the child-friendly justice concept as more effective approach. On the example of using restorative-mediation technologies the author proves the algorithm of technification and possibilities of its realization in practice. The author draws attention to the "Shire krug" technology as a way for correcting of juvenile delinquency problem.

Keywords: juvenile, mediation, mediation technologies, conflict, restorative approach, juvenile crime, deviant behavior, subjects of prevention system, prevention of delinquency of children, The child-friendly justice concept, "Technification".

References

1. Dyatchenko L. Ya. Sotsial'nye tekhnologii u upravlenii sotsial'nymi protsessami: monografiya [Social technologies from the management of social processes: monography]. Belgorod: Center social'nih technology, 1993. 343 p.
2. Ivanov V. N., Patrushev V. I. Innovatsionnye sotsial'nye tekhnologii gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya [Innovative social technologies state and municipal management]. 2-e izd., pererab. i dop.: Moscow: ZAO Publishing house "Economy", 2001. 327 p.
3. Lektsiya "Tekhnologiya i tekhnologizatsiya" pročitana na shkole metodologii [Elektronnyi resurs] [Lecture on "Technology and technologization", read at school methodology]. Albena, Bulgaria, 2002. URL: [http://www.glazychev.ru/courses/2002-09-02_lecture_tech\\$technologizatsiya.htm](http://www.glazychev.ru/courses/2002-09-02_lecture_tech$technologizatsiya.htm) (Accessed 10.08.2015).

4. Sadovnikova M.N., Radnaeva E.L., Proskurina E.S., Klimova M.V. Monitoring protsessy aprotatsii modeli sluzhby mediatsii 2-go urovnya v sootvetstvii s Kontseptsiey razvitiya do 2017 goda seti sluzhb mediatsii v tselyakh realizatsii vosstanovitel'nogo pravosudiya v otnoshenii detey, v tom chisle sovershivshikh obshchestvenno opasnye deyaniya, no ne dostigshikh vozrasta, s kotorogo nastupaet ugolovnaya otvetstvennost' v Rossiyskoy Federatsii, utverzhdennoy Rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 30 iyulya 2014 g. № 1430-r : otchet [Monitoring of the process of testing the model of mediation services Level 2 to implement The child-friendly justice concept – 2017 in the Russian Federation by the Decree of the Government of the Russian Federation of July 30, 2014 № 1430-p: Report]. Irkutsk: Publishing house "Irkutsk State University", 2015. 107 p.
5. Marx K. and F. Engels. Sochineniya: T. 23. 2-e izd. [Writings: T. 23. Ver. 2]. Moscow: State Publishing House political literature, 1982. 332 p. (In Russ.).
6. Nasimova G.O. Sushchnost' i printsipy sotsial'nykh tekhnologiy [The essence and principles of social technologies]. Materialy mezhdunar. nauch. konf. "Istoriya i arkhologiya" (g. Sankt-Peterburg, noyabr' 2012 g.) [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "History and archeology"]. Sankt-Peterburg: Publ. Renome, 2012, pp. 42-45.
7. Ob osnovakh sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarusheniy nesovershennoletnikh : Federal'nyy zakon ot 24 iyunya 1999 g. № 120-FZ [Federal Law №120-FL of June 24, 1999 "On the Principles of child neglect and juvenile delinquency"]. Moscow: Sobranie zakonodatel'stva, 1999.
8. Sadovnikova M.N. Nesovershennoletnii pravonarushitel' i ego okruzhenie : navyki konstruktivnogo vzaimodeistviya (vnedrenie tekhnologii «Shire krug!» v sotsial'nykh i obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh) : metod. posobie [Juvenile offenders and its environment: constructive interaction skills (introduction of technology "Wider range!"): Toolkit]. Irkutsk: Publ. Irkutsk State University, 2014. 211 p.
9. Sadovnikova M.N. Resotsializatsiya nesovershennoletnikh osuzhdennykh (po materialam Vostochno-Sibirskogo regiona): monografiya [Re-socialization of juvenile offenders (on materials East-Siberian region): monograph]. Irkutsk: publ. Irkutsk State University, 2010. 415 p.
10. Stefanov N. Obshchestvennye nauki i sotsial'naya tekhnologiya [Sciences and Social Technologies]. Moscow: Progress, 1976. 400 p.

Информационная безопасность в контексте защиты прав детей в Российской Федерации

Шпагина Е. М., кандидат психологических наук, начальник кафедры информационной безопасности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (*shpaginaelena@yandex.ru*)

Статья посвящена проблеме информационной безопасности детей и подростков в нашей стране. В ней приводятся организационно-правовые основы информационной безопасности детей и подростков в современном российском обществе. Отражено основное противоречие взаимодействия детей и подростков с информационными ресурсами, которое выражается в том, что, с одной стороны, медиакомпетентность, цифровая компетентность ребенка – это залог его развития и процветания в будущем, с другой стороны, интернет несет угрозы психическому здоровью и благополучию. В статье приведены примеры решения проблемы безопасности интернета в России и других странах на основе обзора публикаций, посвященных данной проблеме, а также нормативно-законодательных актов Российской Федерации.

Ключевые слова: информационная безопасность детей; защита детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию; медиакомпетентность; экспертиза информации.

Для цитаты:

Шпагина Е.М. Информационная безопасность в контексте защиты прав детей в Российской Федерации. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 4. С. 86-94.
doi: 10.17759/psylaw.2016060409

For citation:

Shpagina E.M. Information security in the context of the protection of children's rights in the Russian Federation. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2016(6), no. 4. pp.86-94.
doi: 10.17759/psylaw.2016060409

Информационная безопасность детей и подростков, является неотъемлемой составляющей информационной безопасности в Российской Федерации. Согласно действующей по сей день Доктрине информационной безопасности, принятой в России, под информационной безопасностью понимают состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и

свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства [1]. Принимая постулат, что ребенок – это личность, член общества и гражданин, обладающий определенными правами и обязанностями (хотя и неполными до достижения возраста дееспособности), мы принимаем и интересы ребенка в информационной сфере как объект защиты. Кроме того, никто не станет спорить с истиной, что дети – наше будущее. Закладывая основы информационной безопасности на уровне информационных интересов детей, мы формируем стратегию информационной безопасности России.

Интересы ребенка в информационной сфере определены в документе, который был принят еще в Советском Союзе в 1989 г.: Конвенции о правах ребенка [2]. Так, в статье 17 Конвенции говорится, что, «...государства-участники признают важную роль средств массовой информации и обеспечивают, чтобы ребенок имел доступ к информации и материалам из различных национальных и международных источников, особенно к такой информации и материалам, которые направлены на содействие социальному, духовному и моральному благополучию, а также здоровому физическому и психическому развитию ребенка».

Информация и материалы продолжают существовать в виде детской художественной и образовательной литературы, развивающих игр, детских передач, видео-, аудио- и мультипродукции. В современных научных работах исследователи выделяют такое понятие, как медиапродукция и медиаобразование. Медиаобразование рассматривается как процесс развития личности с помощью и на материале средств массовой коммуникации (медиа) с целью формирования культуры общения с медиа, творческих, коммуникативных способностей, критического мышления, умений полноценного восприятия, интерпретации, анализа и оценки медиатекстов [8]. В то же время, следует отметить, что с развитием информационных технологий информационная сфера постепенно смещается в область компьютерной техники.

Многие исследователи отмечают несомненный прогресс в том, что современное поколение имеет возможность получать информацию и образование посредством информационных технологий, и в особенности, с помощью Интернета. Представляют интерес результаты анализа представлений и установок в отношении интернета, которые сложились у взрослых и подростков, полученные в ходе масштабного (всероссийского) эмпирического исследования, проведенного на Факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова при содействии Фонда развития Интернет [6], которые позволяют сделать ряд выводов: Интернет является одним из основных инструментов социализации в молодежной среде, формирования собственной идентичности, ответа на вопрос «кто Я?». Повышение личного престижа среди сверстников – это важный стимул к развитию цифровой компетентности. Кроме того, авторы говорят в выводах о таком понятии, как цифровое гражданство: «Цифровая компетентность включает в себя не только знания и умения, но и другие важные компоненты: мотивацию человека на развитие и его ответственность как гражданина цифрового мира. Диагностика ответственности позволит понять отношение человека к технологиям, его ценности и готовность занимать гражданскую позицию в цифровом мире. Мотивация же определяет развитие его цифровой компетентности в будущем».

На сайте Фонда развития Интернет можно увидеть определение цифровой компетентности: «Под цифровой компетентностью мы понимаем основанную на непрерывном овладении компетенциями (системой соответствующих знаний, умений, мотивации и ответственности) способность индивида уверенно, эффективно, критично и безопасно выбирать и применять инфокоммуникационные технологии в разных сферах жизнедеятельности (информационная среда, коммуникации, потребление, техносфера), а также его готовность к такой деятельности» [9].

Вместе с тем, в той же Конвенции о правах ребенка в пункте е) ст.17 отмечается, что государства-участники поощряют разработку надлежащих принципов защиты ребенка от информации и материалов, наносящих вред его благополучию.

С тех пор прошло уже много лет, информационные технологии шагнули далеко вперед, так же как и технологии обеспечения информационной безопасности детей в информационном пространстве во всем мире.

Толоконникова А.В. в своей работе [7] приводит позитивный опыт Канады, США и Великобритании в обеспечении безопасного интернета для детей, курс на который взяла и Европа. Автор статьи описывает важные решения по саморегулированию рынка, принятые лидерами производства медиапродукции и интернет-провайдерами, связанные с формированием безопасной интернет-среды для детей.

В декабре 2011 г. крупнейшие интернет-компании, лидеры глобального рынка, такие хорошо известные в России гиганты, как: Apple, Blackberry, Facebook, Google, LG Electronics, Microsoft, Nintendo, Nokia, Opera Software, Samsung и др. (31 компания), объединились в Коалицию по созданию лучшего Интернета для детей (CEO Coalition to make a Better Internet for Kids), что послужило стимулом к выработке ключевых решений в области формирования безопасной интернет-среды для детей по всему миру.

Члены коалиции в январе 2013 г. обсудили свои предложения с представителями некоммерческих организаций, защищающих интересы детей; юристами и научным сообществом. В результате, были определены пять основных направлений для работы.

Создание простых, но надежных инструментов, позволяющих пользователям жаловаться на опасный для детей контент: простая и заметная для пользователя функция подачи жалоб на любых устройствах позволит быстро выявлять опасные для детей материалы (или связи) и принимать соответствующие меры.

- Настройки безопасности, соответствующие возрасту пользователя: настройки, которые по умолчанию подстраивают аккаунт под нужды различных возрастных групп, например, настройки, определяющие, будет ли информация о данном пользователе, его контакты и фотографии доступны любому желающему или лишь узкому кругу лиц.
- Внедрение классификации интернет-контента: проработка возрастной маркировки контента, которая бы соответствовала различным видам информационной продукции, размещенной в Сети, и, вместе с тем, была понятна родителям.
- Интеграция функции родительского контроля, расширение ее возможностей: чем удобнее и понятнее инструмент, тем скорее его начнут осваивать пользователи.

- Удаление материалов сексуального посягательства на детей: добиваться устранения материалов сексуального насилия над детьми из Интернета, активно сотрудничать с правоохранительными органами и горячими линиями по этим вопросам.

Европейская стратегия по формированию лучшего Интернета для детей (European Strategy for a Better Internet for Children), представленная в мае 2012 г., принятая операторами мобильной связи, производителями мобильных телефонов и провайдерами социальных сетей, предлагала направить усилия всех заинтересованных лиц на решение следующих вопросов:

- создание позитивного контента в Интернете (речь идет, прежде всего, о творческих и образовательных ресурсах, которые позволили бы детям сформировать положительное представление о работе в Сети);
- повышение интернет-грамотности населения: обучение граждан основам онлайн-безопасности, проведение соответствующих уроков во всех европейских школах;
- формирование безопасной интернет-среды путем внедрения маркировки контента и возрастных настроек; расширение возможностей родительского контроля;
- борьба с материалами, содержащими сцены сексуального насилия над детьми и их сексуальной эксплуатации.

В Российском законодательстве большим шагом по обеспечению информационной безопасности детей было принятие Федерального закона Российской Федерации от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», где дается определение информационной безопасности детей как «...состояние защищенности детей, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда их здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию».

Данный закон определил два основных вида информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей: запрещенной для распространения среди детей и информации, распространение которой среди детей определенных возрастных категорий ограничено.

По закону РФ запрещена к распространению информация:

- 1) побуждающая детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью, в том числе к причинению вреда своему здоровью, самоубийству;

- 2) способная вызвать у детей желание употребить наркотические средства, психотропные и (или) одурманивающие вещества, табачные изделия, алкогольную и спиртосодержащую продукцию, принять участие в азартных играх, заниматься проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством;

- 3) обосновывающая или оправдывающая допустимость насилия и (или) жестокости либо побуждающая осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Федеральным законом;

4) отрицающая семейные ценности, пропагандирующая нетрадиционные сексуальные отношения и формирующая неуважение к родителям и (или) другим членам семьи;

5) оправдывающая противоправное поведение;

6) содержащая нецензурную брань;

7) содержащая информацию порнографического характера;

8) содержащая информацию о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий (бездействия), включая фамилии, имена, отчества, фото- и видеоизображения такого несовершеннолетнего, его родителей и иных законных представителей, дату рождения такого несовершеннолетнего, аудиозапись его голоса, место его жительства или место временного пребывания, место его учебы или работы, иную информацию, позволяющую прямо или косвенно установить личность такого несовершеннолетнего.

Ограничено распространение информации среди детей определенных возрастных категорий следующего характера:

1) представляемой в виде изображения или описания жестокости, физического и (или) психического насилия, преступления или иного антиобщественного действия;

2) вызывающей у детей страх, ужас или панику, в том числе представляемой в виде изображения или описания в унижающей человеческое достоинство форме ненасильственной смерти, заболевания, самоубийства, несчастного случая, аварии или катастрофы и (или) их последствий;

3) представляемой в виде изображения или описания половых отношений между мужчиной и женщиной;

4) содержащей бранные слова и выражения, не относящиеся к нецензурной брани.

В этом Законе также рассматриваются требования к обороту информационной продукции, предназначенной для детей и градации ее в зависимости от возраста. Для введения в оборот информационной продукции данный закон обязывает проводить экспертизу информационной продукции. Проведение такой экспертизы требует подготовки соответствующих специалистов-экспертов в этой области.

Закон определяет государственный надзор и общественный контроль за соблюдением законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию, а также ответственность за правонарушения в сфере защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию, предусмотренные положениями Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (КоАП РФ) (с изменениями и дополнениями). Необходимо отметить, что уголовная ответственность за правонарушения в сфере защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию, отсутствует.

В настоящее время на сайте Роскомнадзора представлен проект Концепции информационной безопасности детей (Форум для обсуждения) [3], состоящей из двадцати разделов и дополненной пятью приложениями. Необходимо сказать, что Концепция информационной безопасности детей продолжает идеи, заложенные в Федеральном законе Российской Федерации от 29 декабря 2010 г. N 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию...», многие ее разделы раскрывают механизмы, критерии оценки и классификации информационной продукции, вреда, который можно нанести информацией. В Концепции определены стратегия, цели, задачи и методы информационного образования детей и подростков.

Несомненно, принятие данной Концепции будет определенным шагом, хотя и запоздалым, в обеспечении информационной безопасности детей и подростков в нашей стране. Данные меры созвучны действиям мирового сообщества в этом направлении, а также направлены на реализацию положений Национальной стратегии действий в интересах детей [4].

Информационное образование детей, их так называемая «цифровая компетентность», является необходимым компонентом их развития в современном обществе. Владение информационными технологиями – залог получения хорошего образования и высокооплачиваемой работы в будущем для ребенка. Многие ученые, занимающиеся проблемами информации в системе общественного развития отмечают, что, в конечном счете, от этого зависит и экономическое, и политическое положение страны в мире. Курс на доступность информационного образования, медиаобразования для детей, его направленность на развитие и благополучие детей должен стать для нашей страны стратегическим направлением.

Вместе с тем, в условиях информационного противостояния различных сил в мире (в том числе и криминальных сообществ, экстремистских и террористических организаций), стремящихся получить власть и превосходство, когда в Интернете разворачиваются битвы за массовое сознание, идет воздействие на морально-психологические ценности противоборствующих сторон [5], информационная безопасность детей и подростков становится также стратегической задачей для государства, так как дети являются его будущим.

Создание информационной среды, которая будет способствовать благополучию, безопасности и развитию детей возможно только при комплексном подходе к этой проблеме со стороны общественных и государственных институтов.

Основными направлениями в этой области должны стать:

- дальнейшее развитие института правового обеспечения информационной безопасности детей и подростков в Российской Федерации;
- развитие института экспертной оценки информации, доступ к которой может получить ребенок; совершенствование подготовки экспертов в этой области;
- формирование общественного мнения о необходимости соблюдения мер по обеспечению информационной безопасности детей и подростков, просвещение и пропаганда в этой области;

- просвещение, развитие медиаобразования и цифровой компетентности населения нашей страны, в том числе области информационной безопасности; передача этих знаний от компетентных родителей к детям, развитие данного вида образования в школах; использование технологий медиации, в том числе школьной медиации;
- вовлечение поставщиков информационных услуг (общественностью, механизмами государственной власти и права) в деятельность по разработке мер по обеспечению информационной безопасности детей при работе с информационными технологиями и ресурсами.

Литература

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. №646) URL: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (дата обращения 07.12.2016)
2. Конвенции о правах ребенка (принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года.)
3. Концепция информационной безопасности детей (Форум для обсуждения) // Федеральная служба по надзору в сфере связи, и информационных технологий массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР). Официальный сайт. URL: <http://rkn.gov.ru/mass-communications/p700/p701/...>(дата обращения 05.12.2016)
4. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы (утв. Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761). URL: <http://base.garant.ru/70183566/> (дата обращения 5.12.2016)
5. Манойло А.В. Информационно-психологическая безопасность современного информационного общества / А.В. Манойло, А.И. Петренко // Стратегическая стабильность. 2003. № 3. С. 59–64.
6. Солдатова Г.У., Нестик Т.А., Рассказова Е.И., Зотова Е.Ю. Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования. М., 2013.
7. Толоконникова А.В. Дети и интернет: проблемы и гарантии информационной безопасности // Медиаскоп. 2015. № 2. С. 22.
8. Файзулина А.Р. Роль медиаобразования в сфере обеспечения информационной безопасности детей // Региональное образование XXI века: проблемы и перспективы. 2011. № 1. С. 68.
9. Цифровая компетентность российских подростков и родителей. Официальный сайт проектов Фонда развития интернет. URL:<http://detionline.com/internet-project/competence>. (дата обращения 05.12.2016)

Information security in the context of the protection of children's rights in the Russian Federation

Veselova E.S., forensic psychologist NP «South Expert Center» (clausfree@mail.ru)

The article is devoted to the problem of information security of children and adolescents in our country. It gives organizational and legal basis of information security of children and teenagers in modern Russian society. Reflected the basic contradiction of the interaction between children and adolescents with information resources. The article gives examples of solutions to security problems of the Internet in Russia and other countries on the basis of a review of publications dealing with the problem.

Keywords: information security of children; the protection of children from information harmful to their health and development; media competence, examination information.

References

1. Doktrina informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii [The information security doctrine of the Russian Federation] (utv. Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 5 dekabrya 2016 g. №646) URL: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (Accessed 07.12.2016)
2. Konvencii o pravah rebenka [The Convention on the rights of the child] (prinjata rezoljuciej 44/25 General'noj Assamblei ot 20 nojabrja 1989 goda.)
3. Koncepcija informacionnoj bezopasnosti detej [The concept of information security of children](Forum dlja obsuzhdenija) // Federal'naja sluzhba po nadzoru v sfere svjazi, i informacionnyh tehnologij massovyh kommunikacij (ROSKOMNADZOR). Oficial'nyj sajt. URL: <http://rkn.gov.ru/mass-communications/p700/p701/>.(Accessed 05.12.2016)
4. O Nacional'noj strategii dejstvij v interesah detej na 2012–2017 gody [About National strategy of actions in interests of children](utv. Ukazom Prezidenta RF ot 1 ijunja 2012 g. № 761). URL: <http://base.garant.ru/70183566/> (Accessed 5.12.2016)
5. Manojlo A.V. Informacionno-psihologicheskaja bezopasnost' sovremennogo informacionnogo obshhestva [nformation-psychological security of the modern information society]/ A.V. Manojlo, A.I. Petrenko // Strategicheskaja stabil'nost'. 2003. no. 3. pp. 59–64.
6. Soldatova G.U., Nestik T.A., Rasskazova E.I., Zotova E.Ju. Cifrovaja kompetentnost' podrostkov i roditel'ej. Rezul'taty vserossijskogo issledovanija [Digital competence in adolescents and parents. The results of the national study]. Moscow, 2013.

7. Tolokonnikova A.V. *Deti i internet: problemy i garantii informacionnoj bezopasnosti* [Children and the Internet: problems and safeguards of information security]// *Mediaskop*. 2015. no. 2. pp. 22.
8. Fajzulina A.R. *Rol' mediaobrazovanija v sfere obespechenija informacionnoj bezopasnosti detej* [the Role of media education in the sphere of ensuring information security of children]// *Regional'noe obrazovanie XXI veka: problemy i perspektivy*. 2011. no. 1. P. 68.
9. *Cifrovaja kompetentnost' rossijskih podrostkov i roditelej*. *Oficial'nyj sajt proektov Fonda razvitija internet* [Digital competence of Russian adolescents and parents. Official site of the projects of the Foundation for Internet development]. URL:<http://detionline.com/internet-project/competence>. (Accessed 05.12.2016)

Психологическое сопровождение расследования преступлений с участием несовершеннолетних в Следственном комитете Российской Федерации

Михайлова Ю.А., кандидат психологических наук, лейтенант юстиции, Главное управление криминалистики Следственного комитета Российской Федерации (*tku-psy@yandex.ru*)

В статье раскрываются цели, задачи и основные принципы психологического сопровождения расследования преступлений с участием несовершеннолетних как одного из направлений криминалистического сопровождения предварительного следствия в Следственном комитете Российской Федерации. Рассматриваются следующие направления психологического сопровождения расследования уголовных дел с участием несовершеннолетних: участие психолога в следственных действиях, предварительная беседа с целью подготовки несовершеннолетнего к следственным действиям, консультирование следователя при выборе тактики следственных действий и по другим вопросам, психологическое обследование несовершеннолетнего, получение дополнительной информации от несовершеннолетних с использованием методов прикладной психологии, составление субъективного портрета предполагаемого преступника со слов несовершеннолетних, психологический анализ показаний несовершеннолетних и другие.

Также в данной статье рассматриваются базовые принципы и современные технологии опроса несовершеннолетних жертв преступлений сексуальной направленности, в частности «протокол NICHD», разработанный в Национальном институте здоровья ребенка и развития человека (National Institute of Child Health & Human Development, NICHD).

Ключевые слова: психологическое сопровождение расследования преступлений; несовершеннолетние участники уголовного судопроизводства; участие психолога в следственных действиях с несовершеннолетними; «протоколы» опроса несовершеннолетних жертв сексуального насилия.

Для цитаты:

Михайлова Ю.А. Психологическое сопровождение расследования преступлений с участием несовершеннолетних в Следственном комитете Российской Федерации. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 4. С. 95-104.

doi: 10.17759/psylaw.2016060410

For citation:

Mikhaylova Yu.A. Psychological support of crime investigation with the involvement of minors in the Investigative Committee of the Russian Federation. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2016(6), no. 4. pp.95-104. doi: 10.17759/psylaw.2016060410

В деятельности Следственного комитета Российской Федерации особое внимание уделяется качеству расследования уголовных дел о преступлениях, совершаемых в отношении несовершеннолетних. Одним из важнейших условий защиты прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства является развитие психологического сопровождения следственных действий с несовершеннолетними. С 1 января 2015 года вступили в силу изменения уголовно-процессуального законодательства, закрепляющие участие психолога наравне с педагогом в производстве следственных действий с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, не достигших 16 лет, а также обязательное участие психолога по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности.

В данной статье будут рассмотрены цели, задачи и формы участия специалиста-психолога в следственных действиях, базовые техники допроса несовершеннолетних жертв сексуального насилия, а также другие возможности психологического сопровождения расследования преступлений с участием несовершеннолетних.

Психологическое сопровождение следственных действий с несовершеннолетними имеет две равнозначные цели: защиту прав, интересов и психического здоровья ребенка и получение от него как можно более полной и точной информации, имеющей значение для уголовного дела. Эти цели не противоречат друг другу, а, напротив, во многом совпадают. Чем меньший стресс и внутреннее напряжение будет испытывать ребенок во время следственного действия, тем выше вероятность того, что он даст содержательные, подробные и достоверные показания. Получение максимально полной и точной информации от несовершеннолетнего о преступлении может быть достигнуто за счет правильного построения процедуры и содержательной стороны допроса. Хороший психологический контакт, адекватно поставленные вопросы, не содержащие элемента давления или внушения, использование специальных техник допроса позволяют в большинстве случаев выяснить необходимую для расследования дела информацию.

Психологическое сопровождение расследования преступлений с участием несовершеннолетних может реализовываться в следующих видах деятельности специалиста-психолога:

1. *Участие в следственных действиях в соответствии со ст.191 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.* Принимая участие в следственном действии, с разрешения следователя психолог может задавать несовершеннолетнему вопросы, модифицировать формулировку вопроса следователя с учетом возрастных и индивидуальных особенностей несовершеннолетнего. При необходимости в наиболее сложных случаях по предварительной договоренности со следователем специалист-психолог берет на себя ведущую роль в ведении допроса. В ходе следственного действия

психолог отслеживает эмоциональное состояние несовершеннолетнего, вносит предложения о перерывах или прекращении следственного действия.

2. *Консультирование следователя.* Психолог может оказать следователю консультативную помощь в вопросах детской психологии, при анализе индивидуальных и возрастных особенностей несовершеннолетнего, а также при определении тактики и стратегии следственных действий.

3. *Предварительная беседа с целью подготовки несовершеннолетнего к следственным действиям.* Подготовительная стадия следственного действия не предполагает обращения к обстоятельствам преступления. Если несовершеннолетний сам начинает говорить об этом, рекомендуется его выслушать, не задавая вопросов и сказать, что эта тема будет обсуждаться позже. В рамках предварительной беседы с несовершеннолетним психолог решает следующие задачи:

- оценка актуального психологического статуса несовершеннолетнего и целесообразности проведения следственного действия в настоящий момент;
- оценка уровня развития и индивидуальных особенностей несовершеннолетнего с использованием методов психологической экспресс-диагностики;
- установление личностного контакта;
- нормализация эмоционального состояния несовершеннолетнего, преодоление негативного отношения (страх, стеснение и т.д.), формирование мотивации к сотрудничеству;
- разъяснение несовершеннолетнему порядка, целей и задач следственного действия, знакомство с помещением и следователем, который будет проводить следственное действие.

4. *Психологическое обследование несовершеннолетнего.* При необходимости психолог может провести психологическое обследование с применением различных психодиагностических методик с целью получения более точной оценки уровня развития несовершеннолетнего, выраженности тех или иных нарушений и отдельных психологических характеристик (например, склонность к фантазированию или манипуляции, внушаемость, уровень психосексуального развития и т.д.). Это может быть необходимо как для построения эффективной тактики дальнейшего взаимодействия с несовершеннолетним, так и для оценки его показаний.

5. *Получение информации от несовершеннолетних с использованием методов прикладной психологии.* С использованием специальных методик, техник и приемов (методов активизации памяти, когнитивного интервью, использования кукол, рисования и т.д.) в рамках дополнительного непроцессуального опроса психолог может получить дополнительную криминалистически значимую информацию об обстоятельствах преступления, которая впоследствии должна быть процессуально закреплена. С несовершеннолетними не используются гипнотические и трансовые техники активизации памяти, но существует целый ряд техник, применимых для работы с несовершеннолетними, способствующих активизации зрительных образов памяти. Одним из таких методов

является метод когнитивного интервью, разработанный в США в середине 80-х годов прошлого века Р. Фишером и Э. Гейзелеманом и широко используемый во многих зарубежных странах.

Также познания в области аномального развития позволяют психологу подобрать адекватные приемы получения информации от несовершеннолетних с нарушениями психического развития, а также правильно ее интерпретировать.

6. *Составление субъективного портрета предполагаемого преступника со слов несовершеннолетних.* Работая в паре со специалистом-художником, психолог может оказать существенную помощь в составлении субъективного портрета, разъясняя задачу, организуя и направляя процесс описания внешности с учетом возрастных особенностей несовершеннолетнего.

7. *Консультирование законных представителей несовершеннолетнего.* Проводимая психологом работа с эмоциональными реакциями и установками законных представителей несовершеннолетнего позволяет снизить риск дополнительного психотравматического воздействия на несовершеннолетнего потерпевшего, избежать препятствования расследованию и других негативных реакций с их стороны, а также получить ценную информацию о личности и поведении несовершеннолетнего. Систематическая работа психолога с семьей потерпевшего совершенно необходима в случаях выявления сексуального насилия в семье. Грамотная организация такой работы может снизить риск оказания давления на несовершеннолетнего, изменения показаний и других нежелательных для следствия реакций семьи.

8. *Психологический анализ показаний несовершеннолетних.* На основании изучения материалов уголовного дела, дополнительно полученной информации, анализа целостной картины поведения несовершеннолетнего в ходе следственных действий психолог может осуществить предварительную оценку достоверности показаний несовершеннолетнего, оценить вероятность искажения информации и привнесения отдельных элементов, выявить признаки установочного поведения. Такая оценка совершенно необходима в тех случаях, когда показания несовершеннолетнего потерпевшего являются основным или единственным доказательством по уголовному делу, если есть основания подозревать оговор со стороны потерпевшего, в случаях изменения или запутанности показаний, а также при наличии противоречащих друг другу показаний нескольких несовершеннолетних. Также правильная интерпретация и оценка надежности показаний очень важна в случае, если у несовершеннолетнего имеются те или иные нарушения психического развития.

9. *Составление психологического портрета несовершеннолетнего, пропавшего без вести.* На основании материалов уголовного дела и дополнительно собранной информации (от родственников, друзей и других свидетелей) психолог может представить следствию описание личности и типичного реагирования пропавшего несовершеннолетнего. Данные сведения будут полезны для реконструкции событий, предшествовавших безвестному исчезновению.

10. *Психологический анализ материалов уголовного дела по факту суицида несовершеннолетних.* В случае суицида несовершеннолетних психолог может дать предварительную оценку случившегося, оказать консультативную и практическую помощь следствию при сборе необходимых материалов для посмертной судебно-психологической

экспертизы, а также провести профилактическую работу с родителями суицидента, направленную на предотвращение неадекватных реакций и обвинений с их стороны.

11. *Оценка особенностей криминального поведения лица, совершившего преступление сексуального характера в отношении несовершеннолетнего.* На основании материалов уголовного дела и при необходимости дополнительного опроса потерпевших психолог может провести анализ особенностей криминального поведения неизвестного преступника, сделать предположения об особенностях его личности, социального статуса, пред- и посткриминального поведения.

12. *Кризисная интервенция.* Если несовершеннолетний потерпевший находится в остром кризисном состоянии, возникает необходимость краткосрочного психокоррекционного вмешательства (кризисная интервенция). В данном случае речь не идет о полноценной длительной психологической реабилитации, которую должны осуществлять учреждения соответствующего профиля. Кризисная интервенция – это первая помощь, основная цель которой – помочь ребенку и его близким осмыслить травматическое событие, справиться с первыми эмоциональными реакциями и сформировать поведенческие модели, позволяющие преодолеть кризис.

Для решения наиболее сложных задач психологического сопровождения требуется участие квалифицированного специалиста-психолога, желательно штатного сотрудника Следственного комитета Российской Федерации. В случае привлечения психологов из сторонних организаций должен быть заключен договор, подкрепленный межведомственными организационно-распорядительными документами, регламентирующими содержательные аспекты сотрудничества, необходимо проводить рабочие встречи и обучающие семинары для сотрудников психологических центров, в рамках которых специалистам-психологам будут разъясняться специфические цели, задачи и методы их участия в работе с детьми в рамках уголовного процесса. Нежелательно привлекать психолога из учебного учреждения, где обучается несовершеннолетний, поскольку школьные психологи в большинстве случаев не обладают необходимой квалификацией, а также в определенной мере являются заинтересованными лицами и могут нарушить конфиденциальность, что будет грубейшим нарушением прав ребенка. В целом, во всех случаях, когда несовершеннолетний потерпевший, свидетель, подозреваемый (обвиняемый) испытывает трудности при даче показаний, вынужден говорить о неприятных или вызывающих стыд событиях и своих действиях, целесообразно пригласить квалифицированного психолога, не связанного с несовершеннолетним какими-либо взаимоотношениями.

В законодательстве обязательное участие психолога закреплено только в отношении свидетелей и потерпевших по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних, в остальных случаях право выбора специалиста (педагог или психолог) принадлежит следователю. Представляется целесообразным также приглашать психолога в следующих случаях, когда: несовершеннолетний имеет нарушения психического развития; несовершеннолетний стал свидетелем насильственного преступления против личности; несовершеннолетний совершил насильственное преступление против личности; показания несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего имеют ключевое значение для расследования, противоречивы, вызывают сомнения; в любом случае, когда возникли трудности с получением от несовершеннолетнего информации значимой для расследования.

Приглашая специалиста-психолога для сопровождения расследования преступления с участием несовершеннолетнего, следователь должен учитывать следующее: психолог должен быть мотивирован на работу и иметь опыт работы по сопровождению следствия; один психолог должен сопровождать расследование, начиная с доследственной проверки до судебного заседания; перед психологом должны быть поставлены четкие задачи, разъяснены цели расследования и конкретного следственного действия; психолог должен участвовать в планировании следственного действия, а также иметь возможность заранее ознакомиться с материалами уголовного дела и время для проведения подготовительной работы с несовершеннолетним и его законными представителями; при разъяснении психологу его задач особое внимание должно быть уделено вопросу конфиденциальности.

Огромное значение имеет видеофиксация следственных действий с несовершеннолетними. Применение видеозаписи позволяет сократить количество повторных допросов несовершеннолетнего, а также избавить его от участия в травматичном для детской психики судебном заседании. Кроме того, в тех случаях, когда законные представители отказываются от проведения повторных следственных действий с их ребенком, имеющаяся видеозапись становится важнейшим источником информации и доказательством по уголовному делу. Наличие видеозаписи позволяет ретроспективно оценить показания несовершеннолетнего, провести оценку их достоверности. Это особенно важно, если несовершеннолетний впоследствии по каким-либо причинам меняет свои показания, либо отказывается от них. Процедуру подготовки несовершеннолетнего к следственным действиям и другим не процессуальным действиям, проводимым специалистом-психологом, также желательно фиксировать в режиме видеозаписи. Это необходимо для последующего анализа эмоционального состояния несовершеннолетнего и его реакций, а также для подтверждения отсутствия суггестивного влияния со стороны психолога.

Во многих странах количество следственных действий с несовершеннолетними потерпевшими законодательно ограничено одной или двумя встречами, что связано с необходимостью защитить несовершеннолетнего от повторной травматизации, а также с тем, что при повторных опросах значительно снижается степень надежности получаемой информации (при повторном опросе ребенок рассказывает о том, что он говорил в первый раз). При этом к качеству опроса несовершеннолетнего предъявляются серьезные требования, направленные на исключение факторов, способствующих проявлению внушаемости и фантазирования свойственных несовершеннолетнему. В связи с этим за рубежом специалистами по детской и юридической психологии проведено большое количество исследований, посвященных проблематике опроса несовершеннолетних потерпевших. В результате этих исследований были сформулированы базовые принципы и разработаны стандартные процедуры и методы опроса несовершеннолетних потерпевших.

В 1989 г. в США был разработан алгоритм опроса несовершеннолетнего, отражающий так называемый «принцип воронки»: начало опроса всегда должно быть открытым с постепенным переходом к вопросам более закрытого характера. Опрос начинается с введения и построения контакта с несовершеннолетним, далее идет свободный рассказ без какого-либо вмешательства опрашивающего, и только после этого начинается фаза вопросов. Сначала ставятся максимально открытые вопросы, далее – специфические (уточняющие) вопросы и уже после этого уточнение деталей и устранения противоречий, если они возникали в процессе опроса. Важнейшее значение имеет языковая форма вопросов, которые ставятся перед несовершеннолетним. Прежде всего, она должна

соответствовать уровню психического и речевого развития ребенка. При опросе несовершеннолетнего рекомендуется избегать длинных сложных предложений, пассивного залога, не следует употреблять отрицательных предложений, а также двойного отрицания и условных предложений.

В настоящее время за рубежом наиболее распространенным и признанным является алгоритм опроса, разработанный в США в 2000 г. группой под руководством М. Lamb в Национальном институте здоровья ребенка и развития человека (National Institute of Child Health & Human Development, NICHD) и получивший название «протокол NICHD». Опрос включает в себя 6 основных стадий и 5 дополнительных, ориентирован на максимальное использование открытых вопросов и свободное воспоминание при работе с несовершеннолетними всех возрастных групп, включая дошкольников. Протокол NICHD включает ряд специальных процедур, повышающих надежность показаний несовершеннолетнего: объяснение целей и основных правил, получение обещания говорить правду; тренинг эпизодической памяти; алгоритм использования открытых не суггестивных вербальных побуждений, техники для получения детализации рассказа и т.д. Подчеркивается важность исследования каждого преступного эпизода по отдельности и необходимость получения информации о ситуации раскрытия факта сексуального злоупотребления.

Использование *вспомогательных средств* (куклы, рисование) должно быть сведено к минимуму. Не рекомендуется использовать анатомические куклы и рисунки с изображением половых органов. Обычные куклы можно использовать для прояснения отдельных неясных деталей в рассказе несовершеннолетнего. Для получения наиболее полной и точной информации от детей дошкольного возраста лучше использовать проверку показаний на месте и показ на собственном теле. Использование вспомогательных средств и проведение проверки показаний на месте может быть полезным, если есть сомнения в достоверности показаний несовершеннолетнего.

При работе с несовершеннолетними потерпевшими от преступлений сексуальной направленности следователю и психологу необходимо соблюдать *базовые принципы работы с жертвами сексуального насилия*: доступно разъяснить потерпевшему смысл и задачи следственного действия, обосновать его необходимость; предоставить потерпевшему возможность частично контролировать ситуацию допроса; проявлять уважительное отношение к чувствам потерпевшего, признавая серьезность происшедшего; сохранять спокойную безоценочную объективную позицию; избегать какого-либо давления; разъяснять, что многие жертвы насилия могут испытывать сходные чувства (стыд, вина, беспомощность и т.д.); не давать углубляться в переживания; демонстрировать убежденность, что переживший насилие не может быть виноват в том, что оказался жертвой; демонстрировать убежденность, что насилие не наносит непоправимого вреда; оказывать содействие в получении ребенком необходимой медицинской, психологической и социальной помощи.

Таким образом, качественное психологическое сопровождение расследования преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, осуществляемое квалифицированным специалистом-психологом, позволяет решить целый ряд проблем, традиционно возникающих при расследовании преступлений данной категории.

Литература

1. *Васкэ Е.В.* Психология допроса несовершеннолетних правонарушителей и жертв сексуального насилия. М.: Генезис, 2014. 310 с.
2. *Догадина М.А., Пережогин Л.О.* Сексуальное насилие над детьми. Выявление, профилактика, реабилитация потерпевших. М.: «Сам себе адвокат», 2000. 81 с.
3. *Зерин С.Н.* Психологические методы активизации памяти свидетелей и потерпевших. Методическое пособие. Следственный комитет Российской Федерации. М., 2013. 95 с.
4. *Зиновьева Н.О., Михайлова Н.Ф.* Психология и психотерапия насилия. Ребенок в кризисной ситуации. СПб: Речь, 2003. 248 с.
5. *Коченов М.М., Осипова Н.Р.* Психология допроса малолетних свидетелей: методическое пособие. М., 1984. 20 с.
6. Методические рекомендации по организации и ведению допроса несовершеннолетних в специализированном помещении на этапе следствия. – СПб: Санкт-Петербургская общественная организация «Врачи Детям», 2014. 66 с.
7. *Райкус Дж.С., Хьюз Р.С.* Социально-психологическая помощь семьям и детям групп риска. Т.1. Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения, М., 2010. 289 с.
8. *Скичко О.Ю.* Тактико-психологические основы допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших на предварительном следствии. М.: «Юрлитинформ», 2010. 183 с.
9. *Davies G.M., Westcott H.L., Horan N.* The impact of questioning style on the content of investigative interviews with suspected child sexual abuse victims. - *Psychology, Crime & Law*. 2000. Vol. 16. P. 81 - 97.
10. Interviewing children about sexual abuse: controversies and best practice / K.C. Faller (Ed.). Oxford University Press, 2007. 308 p.
11. *Lamb M.E., Herschkowitz I., Orbach Y., Esplin P.W.* Tell Me What Happened: Structured Investigative Interviews of Child Victims and Witnesses. – Hoboken, N.J.: Wiley, 2008. 372 p.
12. *Lamb M.E., Orbach Y., Herschkowitz I., Esplin P.W., Horowitz D.* Structured forensic interview protocols improve the quality and informativeness of investigative interviews with children: A review of research using the NICHD Investigative Interview Protocol // *Child Abuse & Neglect*. 2007. № 31 (11 – 12). P. 1201 – 1231.
13. *Otgaar H., Candel I.* Children's false Memories: different false memory paradigms reveal different results. - *Psychology, Crime & Law*. 2011. Vol. 17. No. 6. P. 513 – 528.
14. *Teoh Y.S., Lamb M.* Interviewer demeanor in forensic interviews of children // *Psychology, Crime & Law*. 2013. Vol. 19. No. 2. P. 145 – 159.

Psychological support of crime investigation with the involvement of minors in the Investigative Committee of the Russian Federation

Mikhaylova Yu.A., Main Directorate of criminalistics of the Investigative Committee of the Russian Federation (tku-psy@yandex.ru)

The article describes the aims, tasks and fundamental principles of psychological support of crime investigation with the involvement of minors as a one of the aspects of criminalistical support of the preliminary investigation in the Investigative Committee of the Russian Federation are revealed. Discusses the following areas of psychological support of investigation of criminal cases with participation of minors: participation of a psychologist in the investigative actions, the preliminary interviews with the aim of preparing minors for investigation, the business of the investigator in the choice of tactics of investigative actions and other issues, psychological examination of the minor, the receipt of additional information from minors using methods of applied psychology, compiling a subjective portrait of the alleged offender, psychological analysis of testimonies of minors and others.

Also this article discusses the basic principles and actual techniques of interview of minor sexual abuse victims are examined including NICHD Protocol developed by the National Institute of Child Health & Human Development, NICHD.

Keywords: psychological support of criminal investigation; minor participants of a criminal procedure; involvement of psychologist in investigative action with minors; child sexual abuse victims interview protocols.

References

1. Vaske E.V. Psikhologiya doprosa nesovershennoletnikh pravonarushitelei i zhertv seksual'nogo nasiliya [Psychology of interrogation of juvenile offenders and victims of sexual violence]. M.: Genezis, 2014. 310 p.
2. Dogadina M.A., Perezhogin L.O. Seksual'noe nasilie nad det'mi. Vyyavlenie, profilaktika, reabilitatsiya poterpevshikh [Sexual abuse of children. Identification, prevention, rehabilitation of victims]. M.: «Sam sebe advokat», 2000. 81 p.
3. Zerin S.N. Psikhologicheskie metody aktivizatsii pamyati svidetelei i poterpevshikh. Metodicheskoe posobie. Sledstvennyi komitet Rossiiskoi Federatsii. M., 2013. – 95 s.
4. Zinov'eva N.O., Mikhailova N.F. Psikhologiya i psikhoterapiya nasiliya. Rebenok v krizisnoi situatsii. SPb: Rech', 2003 – 248 s.

5. Kochenov M.M., Osipova N.R. *Psikhologiya doprosa maloletnikh svidetelei: metodicheskoe posobie.* – М., 1984 – 20 s.
6. *Metodicheskie rekomendatsii po organizatsii i vedeniyu doprosa nesovershennoletnikh v spetsializirovannom pomeshchenii na etape sledstviya.* – SPb: Sankt-Peterburgskaya obshchestvennaya organizatsiya «Vrachi Detyam», 2014. – 66 s.
7. Raikus Dzh.S., Kh'yuz R.S. *Sotsial'no-psikhologicheskaya pomoshch' sem'yam i detyam grupp riska. T.1. Natsional'nyi fond zashchity detei ot zhestokogo obrashcheniya,* М., 2010 – 289 s.
8. Skichko O.Yu. *Taktiko-psikhologicheskie osnovy doprosa nesovershennoletnikh svidetelei i poterpevshikh na predvaritel'nom sledstvii.* М.: «Yurlitinform», 2010 – 183 s.

Взаимосвязь индивидуально-психологических и индивидуально-типологических характеристик у лиц с расстройствами личности, совершившими общественно опасные деяния

Дубинский А.А., младший научный сотрудник лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (aleksandr-dubinskij@yandex.ru)

Токарева Г.М., медицинский психолог – судебный эксперт, Государственное бюджетное учреждение здравоохранения Московской области «Центральная клиническая психиатрическая больница» (galatgala@gmail.com)

Васильченко А.С., младший научный сотрудник лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (vasilchenko.alesya@gmail.com)

Лысенко Н.Е., медицинский психолог, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (nlisenko@yandex.ru)

Были изучены взаимосвязи индивидуально-психологических и индивидуально-типологических характеристик у лиц с расстройствами личности, совершивших общественно опасные деяния, с учетом выраженности органического фактора и степени их общественной опасности. Были обследованы 121 человек мужского пола, 70 из них был поставлен диагноз «органическое расстройство личности» и 33 – расстройство личности. Диагностировались типы личностных расстройств. Анализировались индивидуально-типологические и индивидуальные переменные, соотношение процессов систем активации поведения и его торможения, защитные стили, особенности совладающего поведения, составляющие агрессии, стили саморегуляции.

Было обнаружено, что низкие параметры системы активации поведения, обнаруживаемые в группе лиц с высокой степенью общественной опасности, обуславливают формирование индивидуально-психологических особенностей, связанных с ригидностью в поведении, неустойчивостью мотивов, импульсивностью, негативной эмоциональностью, расторможенностью. При сравнении выборок лиц со средней и высокой степенью общественной опасности было обнаружено, что эгоцентризм, как составляющая самоконтроля, высокие показатели аффективной компоненты агрессии – гнева, а также незрелые защитные механизмы значимо отличают лиц с высокой степенью общественной опасности.

Ключевые слова: расстройства личности, копинг-стратегии, саморегуляция, самоконтроль, агрессия, общественная опасность.

Для цитаты:

Дубинский А.А., Токарева Г.М., Васильченко А.С., Лысенко Н.Е. Взаимосвязь индивидуально-психологических и индивидуально-типологических характеристик у лиц с расстройствами личности, совершившими общественно опасные деяния. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 4. С.105-125. doi: 10.17759/psylaw.2016060411

For citation:

Dubinsky A.A., Tokareva G.M., Vasilchenko A.S., Lisenko N.E. The relationship of individual psychological and individual-typological characteristics in individuals with personality disorders, committed socially dangerous acts. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no. 4. pp.105-125. doi: 10.17759/psylaw.2016060411

Актуальность проблемы

Разработка проблемы роли и соотношения психологических, биологических и социально-средовых факторов в этиологии и патогенезе различных психических расстройств в генезе отклоняющегося поведения является одним из ведущих направлений медицинской специальности. А дифференциально-диагностическое и экспертное значение патопсихологического исследования – одним из наиболее востребованных ее научно-практических направлений. Крайне актуальны эти проблемы в отношении как здоровых, так и психически больных, совершивших правонарушения. Общая динамика преступности за последние 7 лет характеризуется ежегодным ростом количества повторных преступлений: с 29,8% в 2006 г. до 49,6% в 2013 [7]. За 2013 год абсолютное число лиц, привлеченных к уголовной ответственности, составило 1 млн 12,6 тыс. человек. Психические расстройства были выявлены почти у 65,1%, и это на 12,8% больше, чем в 2005 г. Отмечено, что за период 2003–2013 гг. количество лиц с расстройствами личности, совершивших различные правонарушения, значительно возросло (с 12683 человек – в 2003 г, до 16500 – в 2013 г.). Абсолютный рост составил 23,1%, относительный – 2,3% [15].

По характеру совершенных правонарушений у вменяемых лиц с личностными расстройствами преобладают имущественные преступления, в том числе связанные с насилием (кражи, грабеж, разбой, вымогательства) – в 66,7% случаев. У ограниченно вменяемых лиц преобладают агрессивные преступления против личности. Процент данных правонарушений у ограниченно вменяемых лиц на 2001 г. составил 71% [17]. В целом же, количество лиц с расстройствами личности, совершающих агрессивно-насильственные правонарушения, достаточно высоко. На сегодняшний день отмечается ранняя криминализация (ранее 25 лет) и высокая рецидивность (правонарушения в основном средней степени тяжести и особой тяжести) у лиц с расстройствами личности. Эту категорию больных характеризует минимальный интервал рецидивности. Удельный вес лиц с расстройствами личности среди рецидивистов составляет 75–90%, в то время как показатель среди всех преступников варьируется от 16 до 65% [16].

Разнообразие клинических проявлений у лиц с личностными расстройствами, зачастую сочетающихся с органическими нарушениями и низким когнитивным функционированием, злоупотреблением алкоголя и ПАВ, значительно ухудшает прогноз относительно их реадaptации. Высокая резистентность к фармако- и психотерапии, стойкость антисоциальных установок указывают на более тяжелый личностный дефект и высокую общественную опасность лиц с расстройствами личности [8; 10]. Вышесказанное обуславливает актуальность возвращения к исследованию лиц с личностными расстройствами с учетом современных достижений различных дисциплин психологии.

Степень разработанности проблемы

Отрасли психологии, исследующие базовые, биологические механизмы поведения, эмоций и высших психических функций человека, могут внести большой вклад в понимание причин нарушений регуляторных функций, обуславливающих формирование специфической структуры личности и приводящих к явлениям дезадаптации, включая криминальное поведение [4; 8].

Представление об иерархической организации системы индивидуальных признаков подразумевает понимание их как устойчивых во времени и обнаруживающих кросситуационную стабильность индивидуальных параметров. К ним относятся среди прочих индивидуальные (конституциональные) характеристики психобиологического уровня (темперамента), включающие в себя проявления саморегуляции, экстравертированность/интровертированность, произвольный контроль, стилевые особенности сознания – устойчивые различия между людьми в способах организации своего внутреннего мира [13].

В советской, а затем и в российской судебной и медицинской психологии, традиционно большая часть исследований была сосредоточено на изучении влияния личностных особенностей на противоправное поведение [8; 10; 20]. В судебной психиатрии экспертный подход ориентирован на оценку вклада нарушенных звеньев регуляции поведения в повышение риска совершения повторных правонарушений [2; 3; 5], в связи с чем основное внимание было направлено на исследование высшего, регулятивного звена психики, а именно: нарушений мотивации; нарушений опосредованности деятельности; нарушений контроля [11]. Несмотря на признание того, что «можно рассматривать организацию личности и более широко, как структурно-динамическую организацию

познавательных, аффективных, волевых, физиологических и морфологических особенностей индивида» [19], в судебно-психологической практике роли индивидуально-типологических характеристик в генезе криминального поведения значения почти не придается.

В отношении лиц с расстройствами личности проблема определения вклада индивидуально-типологических и индивидуально-психологических факторов в риск криминализации последние 15 лет в отечественной судебной психиатрии и судебной психологии не подвергалась эмпирическому изучению. Зарубежные авторы исследовали данную проблему в рамках конструкта «психопатия», соответствующего только диссоциальному личностному расстройству по МКБ-10 [21–26].

В связи с этим целью настоящего исследования было изучение взаимосвязи индивидуально-психологических и индивидуально-типологических характеристик у лиц с расстройствами личности, совершивших общественно опасные деяния, с учетом выраженности органического фактора и степени их общественной опасности.

Дизайн и методы исследования

Критериями включения испытуемых в исследование являлись: решение судебно-психиатрической экспертной комиссии о невменяемости пациента на момент совершения ООД в связи с наличием расстройства личности, вменяемости при наличии факта установления диагноза расстройства личности, а также решение об отсутствии психического заболевания на момент совершения правонарушения; направление судом на принудительное лечение в психиатрический стационар (с различным режимом содержания) или на амбулаторное принудительное лечение; возраст, начиная от 20 лет. Критериями исключения являлись: начало заболевания после совершенного ООД; подростковый возраст; острая психотическая симптоматика на момент обследования; глубокие дементные состояния.

Выборка состояла из 121 лиц мужского пола. Было обследовано 18 человек без установленных психических заболеваний с наличием криминальной активности в прошлом. 103 обследуемых совершили различные по характеру и тяжести общественно опасные действия (ООД). Из них 70 был поставлен диагноз «органическое расстройство личности» (F07) и 33 – «расстройство личности» (F60–69) (МКБ-10). При этом 29 лиц с наличием психических расстройств были признаны по решению амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы (АСПЭ), проводимой в ФГБУ «ФМИЦПН имени В.П. Сербского» Минздрава России вменяемыми. 74 обследованных были признаны судом невменяемыми и направлены на принудительное лечение (ПЛ). 34 обследуемых проходили ПЛ в психиатрической больнице специализированного типа (ПБСТ) № 5 ДЗМ, 20 человек – в Смоленской психиатрической больнице специализированного типа с интенсивным наблюдением (ПБСТИН). Еще 20 испытуемых проходили амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра (АПНЛ) в филиалах ГБУЗ ПКБ №4 имени П.Б. Ганнушкина ДЗМ «ПНД № 4, 5, 17» и ГБУЗ МО «Центральная клиническая психиатрическая больница».

Диагностический комплекс включал следующие методики.

1. Опросник Грасмика (Grasmick Н. с соавт., 1993; адаптация Булыгиной В.Г., Абдраязковой А.М., 2008). Направлен на исследование многомерного конструкта, образующего устойчивую характеристику самоконтроля, которая является латентной чертой. Данный конструкт имеет 6-факторную структуру, которой соответствуют шкалы опросника: импульсивность, предпочтение простых задач, стремление к риску, физическая активность, эгоцентризм, раздражительность [18].

2. Опросник «Интернациональная оценка личностных расстройств» – International Personality Disorder Examination (IPDE) (Loranger A.W., Janca A., Sartorius N., 2007). Направлен на диагностику следующих типов личностных расстройств: параноидный, шизоидный, диссоциальный, эмоционально-неустойчивый (импульсивный), эмоционально-неустойчивый (пограничный), истерический, ананкастный, тревожный и зависимый [1].

3. Опросник «Защитные стили» – Defense style questionnaire (DSQ-40) (Andrews с соавт., 1993), содержащий три основные шкалы: зрелые защитные механизмы, незрелые защитные механизмы, невротические защитные механизмы, а также 20 дополнительных параметров: вытеснение, сублимация юмор, предвосхищение, рационализация, проекция, отрицание, диссоциация, обесценивание, отыгрывание, соматизация, аутистическое фантазирование, расщепление Эго, пассивная агрессия, вымещение, изоляция, псевдоальтруизм, реактивное образование, идеализация, аннулирование.

4. Опросник Басса–Пери (Buss–Perry Aggression Questionnaire – BPAQ, 1992; адаптация Ениколопова С.Н., Цибульского Н.П., 2007), диагностирующий склонность к физической агрессии, враждебности и гневу [9].

5. Опросник BIS/BAS (БИС-БАС) (Carver C.S., White T.L, 1994, стандартизированный Князевым Г.Г. и Слободской Е.Р., 2007). Опросник позволяет оценить соотношения процессов систем активации поведения (BAS, Behavioral Approach System) и его торможения (BIS, Behavioral Inhibition System), которые имеют различную психофизиологическую основу. BIS обеспечивает реакции на неопределенность, новую обстановку, угрозу наказания. BAS обеспечивает реакции на стимулы награды и избавления от наказания, проявляется в повышении импульсивности, агрессивности и снижении сосредоточенности. Опросник включает в себя следующие шкалы: торможение поведения (BIS); развлекательная активация (BASf); неспецифическая активация (BASDr); активация, связанная с поощрением (BASR) [12].

6. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой (1989), диагностирующий степень развитости осознанной саморегуляции поведения и ее индивидуальные профили, компонентами которых являются частные регуляторные процессы: планирование, моделирование, программирование, оценивание результатов, гибкость, самостоятельность [14].

7. Опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса (адаптация Васермана Л.И., Иовлева Б.В., Исаева Е.Р. с соавт, 2009). Предназначен для определения копинг-механизмов, способов преодоления трудностей в различных сферах психической деятельности. Опросник включает следующие шкалы: конфронтационный копинг,

дистанцирование, самоконтроль, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, бегство-избегание, планирование решения проблемы, положительная переоценка [4].

Статистическая обработка данных проводилась с расчетом средних значений переменных для лиц с криминальной активностью с наличием и отсутствием расстройств личности. Использовались t-критерий Стьюдента для независимых выборок, корреляционный анализ (коэффициент корреляции Пирсона), а также процедура множественного регрессионного анализа. Критерием статистической достоверности получаемых выводов мы считали общепринятую в психологии величину $p \leq 0,05$. Анализ данных проводился с помощью статистических пакетов SPSS 20.0, Excel 15.0.

Результаты

Сравнительный анализ лиц со средней и высокой степенью общественной опасности выявил следующее. Средние значения переменных в методике BIS-BAS: «BIS, BASFun, BASDr, BASRw» ниже в группе лиц с высокой степенью общественной опасности (рис. 1).

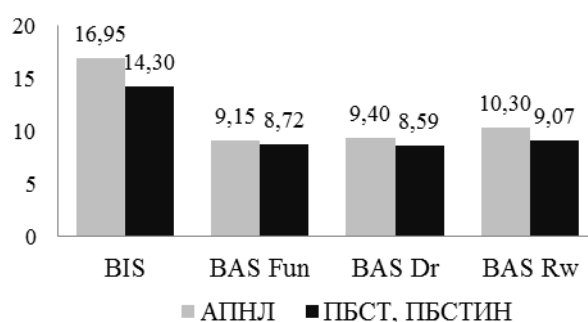

Рис 1. Средние значения по шкалам BIS-BAS в группе лиц со средней (АПНЛ) и высокой (ПБСТ, ПБСТИН) степенью общественной опасности

Средние значения параметров «стремление к риску», «несдержанность», «предпочтение простых задач», «эгоцентризм», «импульсивность» выше в группе лиц с высокой степенью общественной опасности, значение параметра «физическая активность» ниже в данной группе (рис. 2).

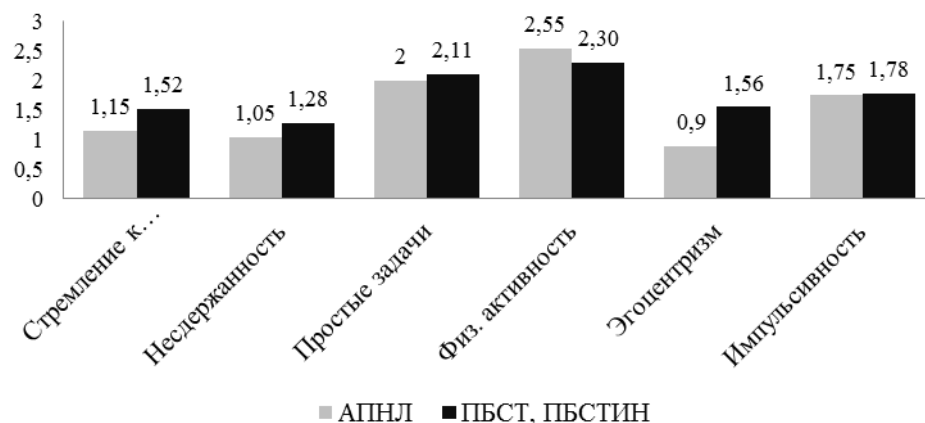

Рис 2. Средние значения по шкалам методики «опросник самоконтроля» в группе лиц со средней (АПНЛ) и высокой (ПБСТ, ПБСТИН) степенью общественной опасности

Средние значения параметров «физическая агрессия», «гнев», «враждебность», «общий балл агрессии» выше в группе лиц с высокой степенью общественной опасности (рис. 3).

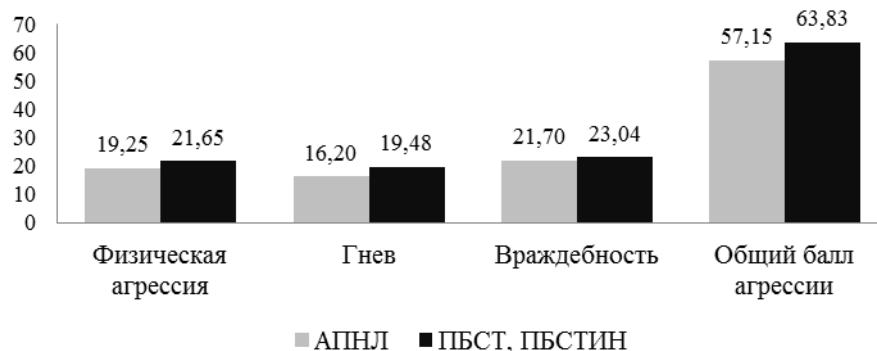

Рис 3. Средние значения по шкалам методики «Уровень агрессивности Басса-Перри» в группе лиц со средней (АПНЛ) и высокой (ПБСТ, ПБСТИН) степенью общественной опасности

Средние значения параметров саморегуляции «планирование», «моделирование» выше в группе лиц с высокой степенью общественной опасности. Значения переменных «программирование», «оценивание результатов», «гибкость», «самостоятельность» и «общий уровень саморегуляции» ниже в данной группе (рис. 4).

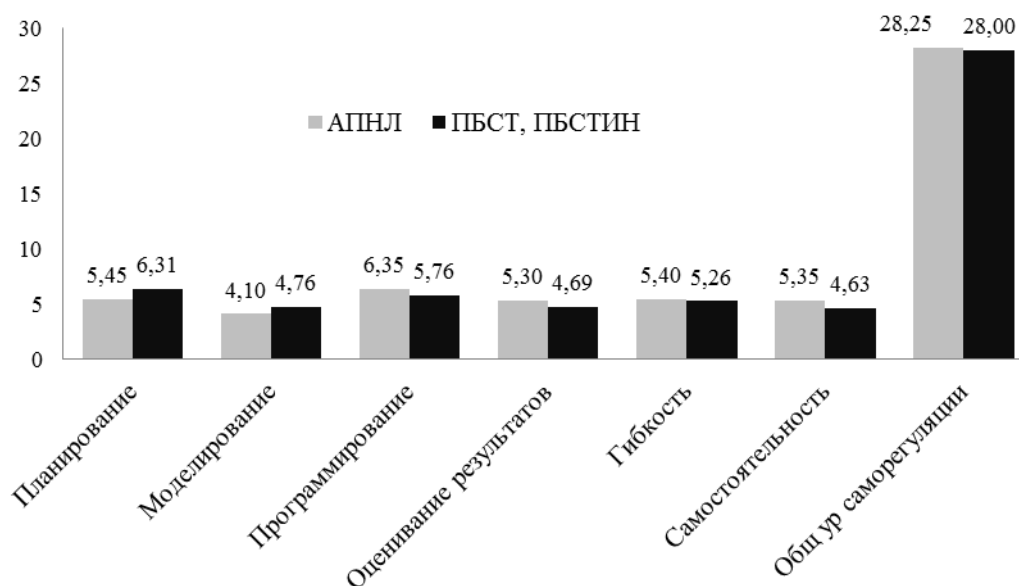

Рис 4. Средние значения по шкалам опросника «Стиль саморегуляции поведения» в группе лиц со средней (АПНЛ) и высокой (ПБСТ, ПБСТИН) степенью общественной опасности

Средние значения параметров расстройства личности – «диссоциальное», эмоционально-неустойчивое (импульсивный и пограничный типы)», «истерическое», «ананкастное», «тревожное», «зависимое» выше в группе лиц с высокой степенью общественной опасности. Значения переменной «шизоидное расстройство личности» ниже в данной группе (рис. 5).

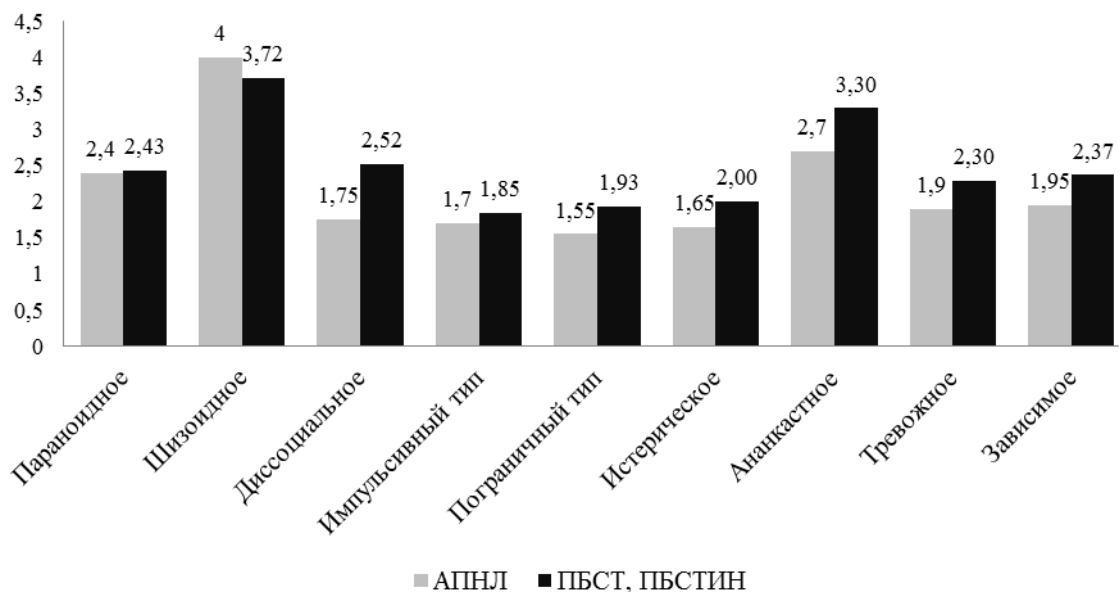

Рис 5. Средние значения по шкалам опросника «Интернациональная оценка личностных расстройств» в группе лиц со средней (АПНЛ) и высокой (ПБСТ, ПБСТИН) степенью общественной опасности

Средние значения параметров «зрелые защитные механизмы», «незрелые защитные механизмы», «невротические защитные механизмы», «вытеснение», «сублимация», «юмор», «проекция», «отрицание», «диссоциация», «обесценивание», «отыгрывание», «соматизация», «аутистическое фантазирование», «расщепление Эго», «пассивная агрессия», «вымещение», «изоляция», «псевдоальтруизм», «реактивное образование», «идеализация», «аннулирование» выше в группе лиц с высокой степенью общественной опасности. Значения переменных «рационализация» и «идеализация» ниже в данной группе (рис. 6).

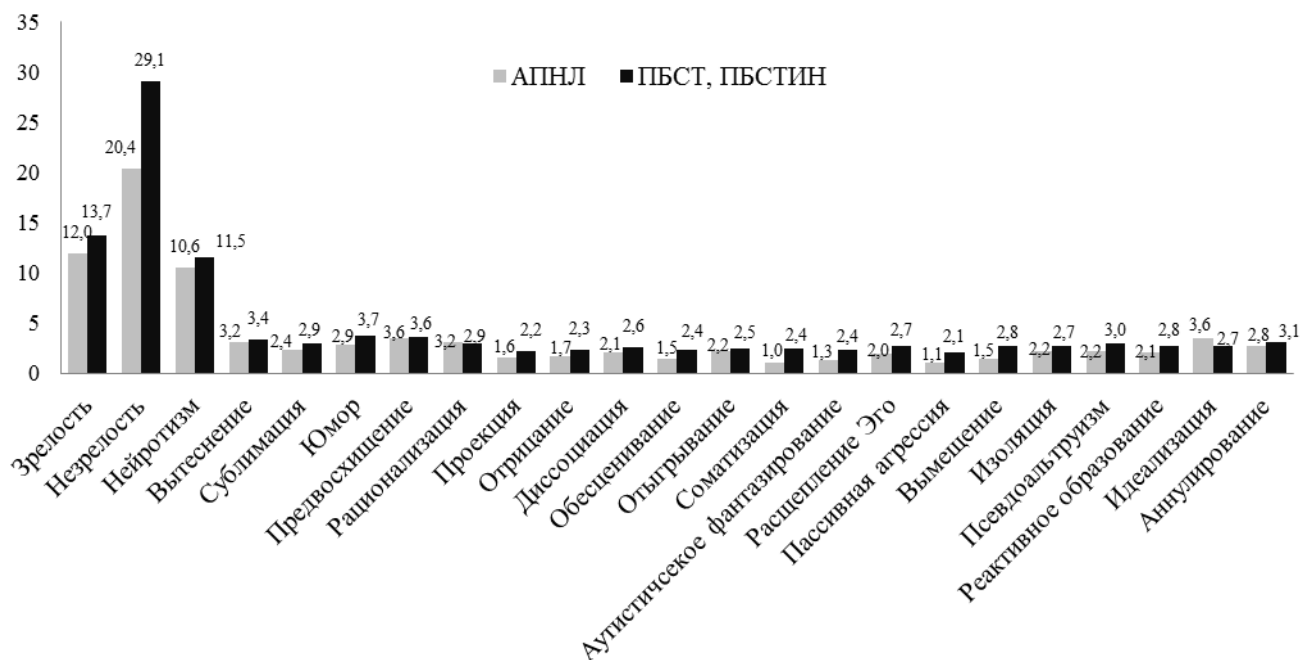

Рис 6. Средние значения по шкалам опросника «Защитные стили» в группе лиц со средней (АПНЛ) и высокой (ПБСТ, ПБСТИН) степенью общественной опасности

Средние значения параметров «конфронтационный копинг», «дистанцирование», «самоконтроль», «поиск социальной поддержки», «принятие ответственности», «бегство-избегание», «планирование решения проблемы», «положительная переоценка» выше в группе лиц с высокой степенью общественной опасности (рис. 7).

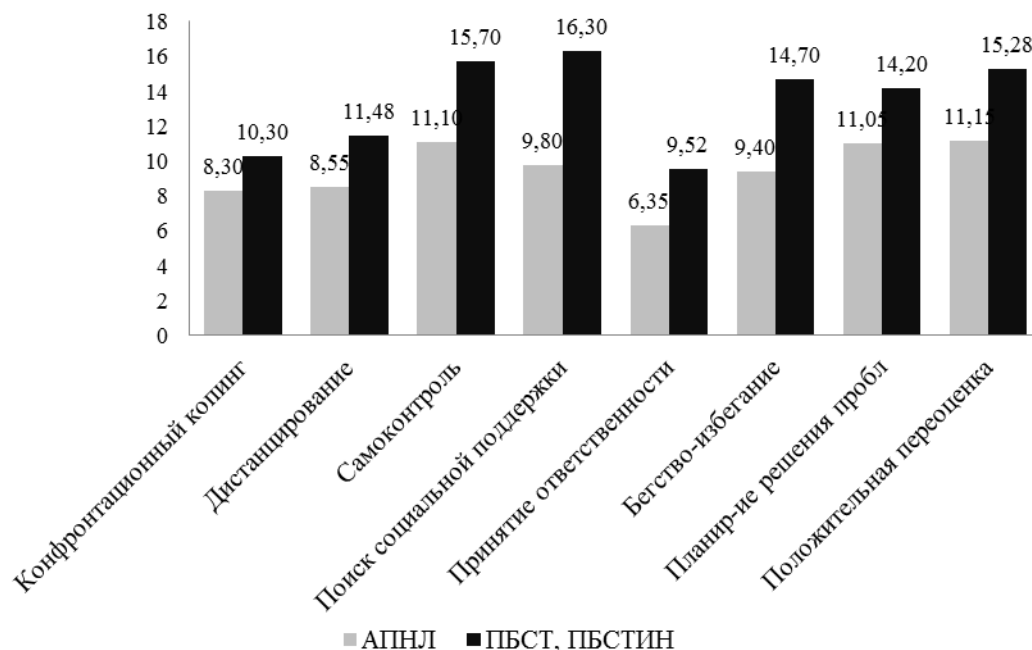

Рис 7. Средние значения по шкалам опросника «Способы совладающего поведения» в группе лиц со средней (АПНЛ) и высокой (ПБСТ, ПБСТИН) степенью общественной опасности

При выделении значимых различий средних значений исследуемых переменных у лиц с криминальным поведением психически здоровых и больных было обнаружено, что обследуемых с расстройствами личности (РЛ), отличаются более высокие значения параметра «эгоцентризм» (0,014) и более низкие значения переменной «расщепление Эго» (0,049).

Были определены значимые различия между исследуемыми переменными у лиц с РЛ, совершивших имущественные и агрессивно-насильственные ООД. Так, лиц, совершивших ООД агрессивной направленности, отличали более высокие средние значения параметров «эмоционально неустойчивое РЛ, импульсивный тип» (0,014) и «эмоционально неустойчивое РЛ, пограничный тип» (0,032).

Также были выделены значимые различия между средними значениями изученных переменных у лиц с РЛ со средней степенью общественной опасности (ОО), проходящих амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра (АПНЛ), и с высокой степенью общественной опасности, находящихся на стационарном принудительном лечении в психиатрических больницах специализированного типа (ПБСТ, ПБСТИН). Обнаружено, что группу лиц с высокой степенью ОО отличали более высокие показатели следующих параметров: «эгоцентризм» (0,051) в структуре самоконтроля; «гнев» (0,056); «диссоциальное РЛ» (0,030); такие механизмы психологической защиты, как «аутистическое фантазирование» (0,042), «юмор» (0,061), «незрелость» (0,019), «обесценивание» (0,064), «пассивная агрессия» (0,021), «вымещение» (0,010). А также «копинг самоконтроль» (0,036); «копинг бегство-избегание» (0,027) и более низкие показатели переменной «БИС» (0,007).

Дополнительно в группе лиц с высокой степенью общественной опасности был проведен корреляционный анализ (коэффициент корреляции Пирсона). Обнаружены следующие связи между исследуемыми переменными.

Параметр, относящийся к системе активации поведения (BAS) – «развлекательная активация» (BASf), положительно связан с параметром «программирование» ($r=0,517$; $p=0,000$), отрицательно – с переменными «эгоцентризм» ($r=-0,492$; $p=0,000$); «самостоятельность» ($r=-0,574$; $p=0,000$); «диссоциальное РЛ» ($r=-0,552$; $p=0,000$); «эмоционально неустойчивое РЛ, импульсивный тип» ($r=-0,510$; $p=0,000$) и «ананкастное РЛ» ($r=-0,509$; $p=0,000$). Переменная «неспецифическая активация» (BASDr) была отрицательно связана с параметрами: «эгоцентризм» ($r=-0,519$; $p=0,000$); «самостоятельность» ($r=-0,534$; $p=0,000$); «эмоционально неустойчивое РЛ, импульсивный тип» ($r=-0,668$; $p=0,000$).

Параметр «активация, связанная с поощрением» (BASr), отрицательно связан с переменными «эгоцентризм» ($r=-0,476$; $p=0,000$) и «эмоционально неустойчивое РЛ, импульсивный тип» ($r=-0,477$; $p=0,000$). Переменная «торможение поведения» (BIS) отрицательно коррелирует с параметром «тревожное РЛ» ($r=-0,534$; $p=0,000$).

Параметр «стремление к риску» положительно связан с переменной «гнев» ($r=0,504$; $p=0,000$); «враждебность» ($r=0,569$; $p=0,000$); общий балл агрессии» ($r=0,583$; $p=0,000$); «эмоционально неустойчивое РЛ, импульсивный тип» ($r=0,659$; $p=0,000$).

Параметр «несдержанность» положительно связан с переменными «диссоциальное РЛ» ($r=0,527$; $p=0,000$) и «эмоционально неустойчивое РЛ, импульсивный тип» ($r=0,535$; $p=0,000$).

Выявлена отрицательная связь переменной «эгоцентризм» с параметром «оценивание результатов» ($r=-0,552$; $p=0,000$) и положительная связь с параметрами: «самостоятельность» ($r=0,508$; $p=0,000$); «диссоциальное РЛ» ($r=0,575$; $p=0,000$); «эмоционально неустойчивое РЛ, импульсивный тип» ($r=0,590$; $p=0,000$); «эмоционально неустойчивое РЛ, пограничный тип» ($r=0,552$; $p=0,000$); «истерическое РЛ» ($r=0,518$; $p=0,000$); «ананкастное РЛ» ($r=0,545$; $p=0,000$) и «тревожное РЛ» ($r=0,492$; $p=0,000$).

Параметр «моделирование» отрицательно связан с переменными «общий балл агрессии» ($r=-0,497$; $p=0,000$) и «эмоционально неустойчивое РЛ, пограничный тип» ($r=-0,476$; $p=0,000$).

Положительные связи отмечались между параметром «самостоятельность» и переменными: «физическая агрессия» ($r=0,595$; $p=0,000$); «враждебность» ($r=0,558$; $p=0,000$); «общий балл агрессии» ($r=0,639$; $p=0,000$); «диссоциальное РЛ» ($r=0,554$; $p=0,000$) и «эмоционально неустойчивое РЛ, импульсивный тип» ($r=0,583$; $p=0,000$).

Переменная «зрелость защитных механизмов» была положительно связана с параметрами: «сублимация» ($r=0,684$; $p=0,000$); «юмор» ($r=0,636$; $p=0,000$) и «предвосхищение» ($r=0,680$; $p=0,000$). Параметр «незрелость защитных механизмов» имел положительные связи со следующими переменными: «проекция» ($r=0,661$; $p=0,000$); «отрицание» ($r=0,586$; $p=0,000$); «диссоциация» ($r=0,546$; $p=0,000$); «обесценивание»

($r=0,665$; $p=0,000$); «отыгрывание» ($r=0,633$; $p=0,000$); «соматизация» ($r=0,666$; $p=0,000$); «аутистическое фантазирование» ($r=0,716$; $p=0,000$); «расщепление Эго» ($r=0,556$; $p=0,000$); «пассивная агрессия» ($r=0,660$; $p=0,000$); «вымещение» ($r=0,662$; $p=0,000$) и «изоляция» ($r=0,703$; $p=0,000$). Переменная «невротические защитные механизмы» имела положительные связи с параметрами: «сублимация» ($r=0,541$; $p=0,000$); рационализация» ($r=0,486$; $p=0,000$); «соматизация» ($r=0,486$; $p=0,000$); «псевдоальтруизм» ($r=0,761$; $p=0,000$); «реактивное образование» ($r=0,650$; $p=0,000$); «идеализация» ($r=0,556$; $p=0,000$); «аннулирование» ($r=0,734$; $p=0,000$). «Пассивная агрессия» была положительно связана с «обесцениванием» ($r=0,550$; $p=0,000$) и «аутистическим фантазированием» ($r=0,522$; $p=0,000$). «Соматизация» с «вымещением» ($r=0,588$; $p=0,000$) и «изоляцией» ($r=0,527$; $p=0,000$). «Копинг принятие ответственности» положительно связан с «отрицанием» ($r=0,503$; $p=0,000$).

В результате применения множественного регрессионного анализа для определения влияния независимых переменных (предикторов) на зависимую переменную «высокая степень общественной опасности» в уравнение регрессии были включены переменные со следующей степенью влияния предикторов: «соматизация» ($\beta= 0,375$; $p=0,000$); «самостоятельность» ($\beta= -0,526$; $p=0,000$); «диссоциальное РЛ» ($\beta= 0,315$; $p=0,007$); «гнев» ($\beta= 0,310$; $p=0,007$) (табл. 1).

Таблица 1

Результаты регрессионного анализа переменных, вносящих значимый вклад в высокую степень общественной опасности лиц с расстройствами личности

Модель	R	Нестандартизованные коэффициенты	Стд. Ошибка	Стандартизованные коэффициенты	t	Знч.
		B		Бета		
(Константа)	0,586	0,438	0,141		3,100	0,003
Соматизация		0,084	0,023	0,375	3,693	0,000
Самостоятельность		-0,106	0,024	-0,526	-4,409	0,000
Диссоциальное расстройство личности (F60.2)		0,103	0,037	0,315	2,768	0,007
Гнев		0,021	0,008	0,310	2,791	0,007

Обсуждение результатов

При сравнении выборок лиц со средней и высокой степенью общественной опасности было обнаружено, что эгоцентризм, как составляющая самоконтроля, высокие показатели аффективной компоненты агрессии – гнева, а также незрелые защитные механизмы значимо отличают лиц с высокой степенью общественной опасности. В указанной группе пациентов значимо чаще диагностировался диссоциальный тип расстройства личности.

В группе лиц с расстройствами личности с высокой степенью общественной опасности отмечаются низкие показатели по параметрам системы активации поведения BAS: «развлекательная активация» (BASF), «неспецифическая активация» (BASDr), «активация, связанная с поощрением» (BASR), а также системы активации поведения (BIS). Система активации поведения является нейрофизиологическим субстратом поведения приближения, позитивного аффекта и, в целом, биологических мотивационных систем. Низкие параметры системы активации поведения, обнаруживаемые в группе лиц с высокой степенью общественной опасности, обуславливают формирование индивидуально-психологических особенностей, связанных с ригидностью в поведении, неустойчивостью мотивов, импульсивностью, негативной эмоциональностью, расторможенностью.

При этом в случаях с высокой развлекательной активацией поведения (BASF) отмечаются более высокая способность программирования своих действий и цикличность процесса саморегуляции, а также меньшие показатели эгоцентризма в структуре самоконтроля. Эти индивидуально-типологические характеристики ассоциируются с эмоционально-неустойчивым (импульсивный тип) и диссоциальным типом расстройств личности.

При более высоких показателях неспецифической активации поведения (BASDr) и активации, связанной с поощрением (BASR) отмечается больший самоконтроль (низкие показатели эгоцентризма), достаточная автономность процессов саморегуляции и низкие показатели физической агрессии. Указанные характеристики свойственны эмоционально-неустойчивому типу расстройства личности.

Недостаточность системы торможения поведения свойственна лицам с тревожным расстройством личности, что сопряжено с уязвимостью к внешним обстоятельствам и критике, легкостью возникновения негативного аффекта в проблемных ситуациях и низким контролем поведения в целом.

Значимо чаще у лиц с высокой степенью общественной опасности отмечаются нарушения процесса саморегуляции в виде неразвитости этапа программирования собственных действий, настойчивости при достижении целей без учета значимых условий ситуации, «сцепленности» этапов саморегуляции между собой, неадекватности оценки себя и своего поведения, что сопряжено с высоким эгоцентризмом, стремлением к риску, низким самоконтролем в целом, а также гневом, враждебностью, высоким общим баллом агрессии.

Отсутствие связи способов совладающего поведения и защитных механизмов с индивидуально-типологическими переменными – составляющие самоконтроля и система активации и торможения поведения, с этапами саморегуляции указывает на слабую опосредованность действий когнитивными и регуляторными процессами, на низкий

уровень личностной регуляции деятельности, нарушение сознательного контроля при снижении вариантов выбора альтернативных способов поведения.

Следует отметить, что при сравнении лиц с расстройствами личности и органическими психическими расстройствами не было выявлено значимых различий в дисперсиях изучаемых показателей. Данный факт может быть интерпретирован таким образом, что фактор органической патологии не вносит существенного вклада в разделение анализируемых диагностических групп по достаточно широкому спектру психологических переменных, включая индивидуально-типологические, индивидуально-психологические характеристики и особенности осознанной регуляции поведения. Однако для проверки выдвинутой гипотезы необходимо увеличение эмпирической выборки.

Заключение

Выявленные эмпирические факты подтвердили актуальность использования концепции об иерархической организации системы индивидуальных признаков, при определении факторов общественной опасности лиц с психическими расстройствами. Изучение взаимосвязи индивидуально-психологических и индивидуально-типологических характеристик у лиц с расстройствами личности, совершившими общественно опасные деяния, с включением в анализ не только регуляторных особенностей, но и характеристик реактивности, имеющих различную психофизиологическую основу, представляется перспективным для разработки дифференцированных критериев оценки степени их общественной опасности.

Литература

1. *Асанович М.А., Дерман Е.В.* Оценка психометрических свойств «Исследования расстройств личности по международной схеме (IPDE)» // Журнал ГрГМУ. 2014. №4 (48) С.27–31.
2. *Булыгина В.Г.* Диагностика и коррекция расстройств поведения и агрессивных форм реагирования у несовершеннолетних с органическим и психическими расстройствами, совершивших общественно опасные действия // Агрессия и психические расстройства / под ред. проф. В.В. Вандыша. ФГБУ «ГНЦ ССП им. В.П. Сербского» М., 2006. Т.2. С. 149–179.
3. *Горинов В.В., Баева А.С.* Влияние психогенных факторов на динамику расстройств личности и криминальное поведение // Психическое здоровье. 2011. № 10. С.44–48.
4. *Братусь Б.С.* Аномалии личности. М.: Мысль, 1988. 301 с.
5. *Булыгина В.Г., Кудрявцев И.А.* Психологические основы профилактики опасных действий психически больных: монография. М.: Спринтер, 2016. 421 с.
6. *Вассерман Л.И., Иовлев Б.В., Исаева Е.Р., Трифонова Е.А., Щелкова О.Ю., Новожилова М.Ю., Вукс А.Я.* Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями: пособие для врачей и медицинских психологов. СПб.: СПбНИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2009. 38 с.

7. *Волконская Е.К.* Современные тенденции рецидивной преступности // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 4. С. 63–68.
8. *Гульдан В.В.* Мотивация противоправных действий у психопатических личностей: дис. ... докт. психол. наук. М., 1985. 242 с.
9. *Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П.* Психометрический анализ русскоязычной версии опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри // Психологический журнал. 2007. Т. 28. С.115–24.
10. *Калашникова А.С., Сафуанов Ф.С.* Роль психических расстройств, не исключающих вменяемости, в формировании разнонаправленной агрессии // Российский психиатрический журнал. 2010. № 4. С. 16–22.
11. *Кудрявцев И.А., Лапшина Е.Н.* Психологические механизмы и эффекты влияния патологии характера на саморегуляцию общественно опасных действий // Российский психиатрический журнал. 2008. № 3. С. 29–35.
12. *Князев Г.Г., Слободская Е.Р., Савостьянов А.Н., Рябиченко Т.И., Шушлебина О.А., Левин Е.А.* Активация и торможение поведения как основа индивидуальных различий // Психологический журнал. 2004. Т. 25. N 4. С. 28–40.
13. *Либин А.В.* Половые различия: биологическая эволюция и социальные традиции / Дифференциальная психология: наука о сходстве и различиях между людьми М., 2008. С. 249–263.
14. *Моросанова В.И., Соколова Л.А.* Опросный метод для диагностики осознанного уровня саморегулирования деятельности. Сообщение 1. О связи осознанного уровня саморегулирования с успешностью деятельности // Новые исследования в психологии и возрастной физиологии. 1989. № 2. С.14–18.
15. *Мохонько А.Р., Муганцева Л.А.* Актуальные проблемы организации судебно-психиатрической экспертной службы в Российской Федерации в 2013 году: Аналитический обзор / Под ред. Е.В. Макушкина. – М.: ФГБУ «ГНЦ ССП им. В.П. Сербского» МЗ РФ, 2014. Вып. 22. 188 с.
16. *Назаренко Г.В.* Уголовно-релевантные психические состояния, лиц, совершивших преступления и общественно опасные деяния: Монография. – М.: Ось-89, 2001. 240 с.
17. *Пережогин Л.О.* Расстройства личности у подростков-правонарушителей как прогностический показатель криминальной активности // Психическое здоровье. 2011. Т. 9. № 2 (57). С. 50–52.
18. *Рыбников В.Ю., Булыгина В.Г.* Диагностические возможности теоретического конструкта «самоконтроль» // Российский психиатрический журнал. 2015. № 1. С. 11–16.
19. *Сафуанов Ф.С.* Психология криминальной агрессии. М.: Смысл, 2003. 300 с.
20. *Шостакович Б.В.* Судебно-психиатрический аспект динамики психопатий:

автореф. ... докт. мед. наук. М., 1971. 30 с.

21. *Cornell D.G., Warren J., Hawk G., Stafford E., Oram G., Pine D.* Psychopathy in instrumental and reactive violent offenders // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1996. Vol. 64. P. 783-790.
22. *Hare R.D., Neumann C.S.* Psychopathy as a clinical and empirical construct // *Annual Review of Clinical Psychology*. 2008. № 4. P. 217-246.
23. *Hemphill J.F., Hare R.D., Wong S.* Psychopathy and recidivism: A review // *Legal and Criminological Psychology*. 1998. № 3. P. 139-170.
24. *Salekin R.T., Rogers R., Sewell K.W.* A review and meta-analysis of the psychopathy checklist and psychopathy checklist-revised: Predictive validity of dangerousness // *Clinical Psychology-Science and Practice*. 1996. №3. P. 203-215.
25. *Sandvik A.M., Hansen A.L., Kristensen M.V., Johnsen B.H., Logan C., Thornton D.* Assessment of psychopathy: Inter-correlations between Psychopathy Checklist Revised, Comprehensive Assessment of Psychopathic Personality – Institutional Rating Scale, and Self-Report of Psychopathy Scale–III // *International Journal of Forensic Mental Health*. 2012. Vol. 11. P. 280- 288.
26. *Skeem J.L., Cooke D.J.* Is criminal behavior a central component of psychopathy? Conceptual directions for resolving the debate // *Psychological Assessment*. 2010. Vol. 22. P. 433-445.

The relationship of individual psychological and individual-typological characteristics in individuals with personality disorders, committed socially dangerous acts

Dubinsky A.A., Junior Researcher, the Laboratory of the Psychological Problems of Forensic Psychiatry Prevention, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (aleksandr-dubinskij@yandex.ru)

Tokareva G.M., medical psychologist-court expert, State Budgetary Institution of health care of the Moscow region "Central clinical psychiatric hospital" (galatgala@gmail.com)

Vasilchenko A.S., Junior Researcher, the Laboratory of the Psychological Problems of Forensic Psychiatry Prevention, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (vasilchenko.alesya@gmail.com)

Lysenko N.E., medical psychologist, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation (nlisenko@yandex.ru)

The relationship between individual psychological and individually-typological characteristics of patients with personality disorders who committed socially dangerous acts were studied, taking into account the severity of the organic factor and the degree of their social dangerousness. 121 males were surveyed, 70 of them were diagnosed with "organic personality disorder" and 33 - personality disorder. The types of personality disorders were diagnosed.

The individual variables, the ratio of processes of system activation of behavior and its inhibition, protective styles, especially coping behaviours that constitute aggression, styles of self-regulation were analyzed.

It was revealed that low settings of the system activation behavior found in the group of persons with a high degree of social dangerousness, determines the formation of individual psychological traits related to the rigidity behavior, the instability of the motives, impulsivity, negative emotionality, disinhibition. During comparison of samples of individuals with medium and high degree of social dangerousness it has been discovered that self-centeredness, as a component of self-control, high levels of affective components of aggression – anger and immature defense

mechanisms significantly distinguish individuals with a high degree of public danger.

Key words: personality disorders, coping strategies, self-regulation, self-control, aggression, social dangerousness.

References

1. Assanovich M.A., Derman E.V. Ocenka psihometricheskikh svoystv «Issledovaniya rasstrojstv lichnosti po mezhdunarodnoj sheme (IPDE)» [Psychometric estimation of the international personality disorders examination (IPDE)]. Zhurnal GrGMU [Journal of the Grodno State Medical University], 2014, no 4 (48), pp. 27-31. (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Bulygina V.G. Diagnostika i korrakcija rasstrojstv povedenija i agres-sivnyh form reagirovanija u nesovershennoletnih s organicheskim psihicheskimi rasstrojstvami, sovershivshih obshhestvenno opasnye dejstviya [Diagnostics and correction of behavior disorders and aggressive forms of response from the minors with the organic and mental disorders who have committed socially dangerous acts]. In Vandyshev V.V. (ed.) *Agressija i psihicheskie rasstrojstva* [Aggression and mental disorders] FGBU «GNC SSP im. V.P. Serbskogo». Moscow, 2006. T. 2. pp. 149-179.
3. Gorinov V.V., Baeva A.S. Vlijanie psihogennyh faktorov na dinamiku rasstrojstv lichnosti i kriminal'noe povedenie [Influence of psychogenic factors on personality disorders and criminal behavior]. *Psihicheskoe zdorov'e* [Mental health], 2011, no 10, pp. 44-48. (In Russ., abstr. in Engl.).
4. Bratus' B.S. Anomalii lichnosti [Anomalies personality]. Moscow: Publ. Mysl', 1988. 301 p.
5. Bulygina V.G., Kudrjavcev I.A. Psihologicheskie osnovy profilaktiki opasnyh dejstvij psihicheski bol'nyh: monografija [Psychological bases of prevention of dangerous actions of mentally ill: a monograph]. Moscow: Publ. Sprinter, 2016. 421 p.
6. Vasserman L.I., Iovlev B.V., Isaeva E.R., Trifonova E.A., Shhelkova O.Ju., Novozhilova M.Ju., Vuks A.Ja. Metodika dlja psihologicheskoj diagnostiki sposobov sovladanija so stressovymi i problemnymi dlja lichnosti situacijami: posobie dlja vrachej i medicinskih psihologov [Methods of psychological diagnosis for ways of coping with stressful and problematic situations for the individual: a manual for physicians and medical psychologists]. Saint Petersburg: Publ. SPbNIPNI im. V.M. Behtereva, 2009. 38 p.
7. Volkonskaja E.K. Sovremennye tendencii recidivnoj prestupnosti [Current trends of recurrent crime]. Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii [Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of Interior of Russia], 2014, no 4, pp. 63–68. (In Russ., abstr. in Engl.).
8. Gul'dan V.V. Motivacija protivopravnyh dejstvij u psihopaticheskikh lichnostej: dis. ... dokt. psihol. nauk. [Motivation illegal actions in psychopathic personalities. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Moscow, 1985. 242 p.

9. Enikolopov S.N., Cibul'skij N.P. Psihometricheskij analiz russkojazychnoj versii oprosnika diagnostiki agressii A. Bassa i M. Perri [Psychometric analysis of Russian-language version of questionnaire for aggression diagnostics by A. Buss and M. Perry]. Psihologicheskij zhurnal [Psychological Journal], 2007, T. 28, pp. 115–24. (In Russ., abstr. in Engl.).
10. Kalashnikova A.S., Safuanov F.S. Rol' psihicheskikh rasstrojstv, ne iskljuchajushhih vmenjaemosti, v formirovanii raznonapravlennoj agressii [The role of mental disorders not excluding sanity, in the formation of multidirectional aggression]. Rossijskij psihiatricheskij zhurnal [Russian Journal of Psychiatry], 2010, no 4, pp. 16–22. (In Russ., abstr. in Engl.).
11. Kudrjavcev I.A., Lapshina E.N. Psihologicheskie mehanizmy i jeffekty vlijanija patologii haraktera na samoreguljaciju obshhestvenno opasnyh dejstvij [Psychological mechanisms and effects of the impact of self-regulation in the pathology character of socially dangerous acts]. Rossijskij psihiatricheskij zhurnal [Russian Journal of Psychiatry], 2008, no 3, pp. 29–35. (In Russ., abstr. in Engl.).
12. Knjazev G.G., Slobodskaja E.R., Savost'janov A.N., Rjabichenko T.I., Shushlebina O.A., Levin E.A. Aktivacija i tormozhenie povedeniya kak osnova individual'nyh razlichij [Behavioral activation and inhibition as a cause of individual differences]. Psihologicheskij zhurnal [Psychological Journal], 2004, T. 25, no 4, pp. 28–40. (In Russ., abstr. in Engl.).
13. Libin A.V. Polovye razlichija: biologicheskaja jevoljucija i social'nye tradicii [Sex differences: biological evolution and social customs]. *Differencial'naja psihologija: nauka o shodstve i razlichijah mezhdju ljud'mi* [Differential psychology: the science of similarity and differences between people]. Moscow, 2008. pp. 249–263. (In Russ., abstr. in Engl.).
14. Morosanova V.I., Sokolova L.A. Oprosnij metod dlja diagnostiki oso-znannogo urovnja samoregulirovanija dejatel'nosti. Soobshhenie 1. O svjazi osoznannogo urovnja samoregulirovanija s uspešnost'ju dejatel'nosti [The questionnaire method for the diagnosis of the level of self-conscious activity. Message 1. On the relationship between self-conscious level of activity with success]. *Novye issledovanija v psihologii i vozrastnoj fiziologii* [New research in psychology and age physiology]. 1989, no 2, pp.14–18.
15. Mohon'ko A.R., Muganceva L.A. Aktual'nye problemy organizacii sudebno-psihiatricheskoi jekspertnoj sluzhby v Rossijskoj Federacii v 2013 godu: Analiticheskij obzor [Actual problems of the organization of forensic psychiatric expert service in the Russian Federation in 2013: Analytical Review]. In Makushkin E.V. (ed.). Moscow: FGBU «GNC SSP im. V.P. Serbskogo» MZ RF, 2014. Vyp. 22. 188 p.
16. Nazarenko G.V. Ugolovno-relevantnye psihicheskie sostojanija, lic, sovershivshih prestuplenija i obshhestvenno opasnye dejanija: Monografija [Criminally-relevant mental condition, the perpetrators of the crime and socially dangerous acts: Monograph]. Moscow: Os'-89, 2001. 240 p.

17. Perezhogin L.O. Rasstrojstva lichnosti u podrostkov-pravonarushitelej kak prognosticheskij pokazatel' kriminal'noj aktivnosti [Personality disorders in adolescents-offenders as a prognostic indicator of criminal activity]. *Psihicheskoe zdorov'e [Mental Health]*, 2011, T. 9, no 2 (57), pp. 50–52. (In Russ., abstr. in Engl.).
18. Rybnikov V.Ju., Bulygina V.G. Diagnosticheskie vozmozhnosti teoreticheskogo konstrukta «samokontrol'» [Diagnostic potential of the theoretical construct “self-control”]. *Rossijskij psihiatricheskij zhurnal [Russian Journal of Psychiatry]*, 2015, no 1, pp. 11–16. (In Russ., abstr. in Engl.).
19. Safuanov F.S. Psihologija kriminal'noj agressii [Psychology of criminal aggression]. Moscow: Smysl, 2003. 300 p.
20. Shostakovich B.V. Sudebno-psihiatricheskij aspekt dinamiki psihopatij: avtoref. ... dokt. med. nauk. [Forensic psychiatric aspects of the dynamics of psychopathy. Dr. Sci. (Medical) Thesis]. Moscow, 1971. 30 p.
21. Cornell D.G., Warren J., Hawk G., Stafford E., Oram G., Pine D. Psychopathy in instrumental and reactive violent offenders. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 1996. Vol. 64, pp. 783–790.
22. Hare R.D., Neumann C.S. Psychopathy as a clinical and empirical construct. *Annual Review of Clinical Psychology*, 2008. no 4, pp. 217–246.
23. Hemphill J.F., Hare R.D., Wong S. Psychopathy and recidivism: A review. *Legal and Criminological Psychology*, 1998. no 3, pp. 139–170.
24. Salekin R.T., Rogers R., Sewell K.W. A review and meta-analysis of the psychopathy checklist and psychopathy checklist-revised: Predictive validity of dangerousness. *Clinical Psychology-Science and Practice*, 1996. no 3, pp. 203–215.
25. Sandvik A.M., Hansen A.L., Kristensen M.V., Johnsen B.H., Logan C., Thornton D. Assessment of psychopathy: Inter-correlations between Psychopathy Checklist Revised, Comprehensive Assessment of Psychopathic Personality – Institutional Rating Scale, and Self-Report of Psychopathy Scale–III. *International Journal of Forensic Mental Health*, 2012. Vol. 11, pp. 280–288.
26. Skeem J.L., Cooke D.J. Is criminal behavior a central component of psychopathy? Conceptual directions for resolving the debate. *Psychological Assessment*, 2010. Vol. 22, pp. 433–445.

Эмоционально-оценочное отношение родителей из высококонфликтных семей друг к другу и ребенку

Кулаков С.С., младший научный сотрудник, ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (novik_010979@mail.ru)

Рост числа дисфункциональных семей обуславливает увеличение числа гражданских судебных споров о воспитании ребенка, в которых взаимоотношения между участниками носят высококонфликтный характер. Актуальной задачей является исследование содержательного компонента психологического отношения – эмоционально-смысловых конструктов, лежащих в основе смыслового восприятия друг друга и ребенка родителями – участниками судебного спора. Обследование 42 родителей из гармоничных семей и 54 родителей, проходивших комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу (по вопросам об определении места жительства ребенка или порядка встреч ребенка с отдельно проживающим родителем) методами «Геометрический тест отношений» и «Семантический дифференциал», показало, что в семьях, характеризующихся высокой степенью конфликта, единство позитивных оценок ограничивается оценкой себя и ребенка, тогда как при оценке супруга (супруги) наблюдается своеобразная инверсия оценки. При этом отрицательное отношение к супругу (супруге) выражается не в наделении другого родителя отрицательными характеристиками, а в отказе от признания у них положительных свойств. В гармоничных семьях выявлено позитивное принятие всех членов семьи.

Ключевые слова: высококонфликтные семьи; комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза; психосемантика; психологическое отношение; образ семьи; эмоционально-смысловые конструкты.

Для цитаты:

Кулаков С.С. Эмоционально-оценочное отношение родителей из высококонфликтных семей друг к другу и ребенку. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 4. С. 126-141. doi: 10.17759/psylaw.2016060412

For citation:

Kulakov S.S Emotionally evaluative attitude of parents in the high conflict families to each other and the child. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law],

2016(6), doi: 10.17759/psylaw.2016060412	no.	4.	pp.126-141.
---	-----	----	-------------

Постановка проблемы

Проблемам психологии семьи, семейных отношений и семейного воспитания посвящено множество исследований в психологии, социологии, демографии, педагогике, экономике. Психология семьи стала одним из предметов изучения социальной психологии, а в рамках психотерапии и психологического консультирования вылилась в отдельное направление. Особое внимание уделяется проблеме дисфункциональных семей, с одной стороны, вследствие разрушения института семьи, роста количества разводов, увеличения числа «гражданских браков», а с другой стороны – в связи с выраженными негативными социально-психологическими последствиями семейных конфликтов и разводов: высоким риском возникновения различного рода нарушений психологического здоровья у всех членов семьи и наличием в условиях семейной дисгармонии самого уязвимого звена – ребенка [3].

Особую группу составляют родители, чей развод протекает в условиях высокого уровня конфликта и чаще всего выливается в гражданский судебный спор о воспитании ребенка: определения места жительства ребенка либо порядка общения с ребенком отдельно проживающего родителя. Именно такие родители попадают в поле зрения психологов, работающих в экспертных учреждениях, и становятся объектами изучения в рамках судебно-психологической (СПЭ) или комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ).

Основным предметом КСППЭ по семейным спорам является установление имеющегося или возможного причинения вреда психическому здоровью ребенка вследствие его проживания или общения с одним из родителей [12].

К юридически значимым обстоятельствам психологической природы, которые выявляются в ходе судебно-экспертного исследования, относятся: индивидуально-психологические особенности каждого из родителей, влияющие на осуществление родительских прав и обязанностей в соответствии с интересами ребенка; характер взаимоотношений родителей или фактических воспитателей между собой и отношение каждого из них к ребенку, определяющие семейный конфликт; особенности родительской позиции и стиля воспитания каждого родителя, оказывающие влияние на психическое состояние и возрастное развитие ребенка [11].

Учет особенностей и искажений смыслового восприятия родителями друг друга и ребенка важен на всех этапах диагностического и экспертного исследования. «Понимание семейных представлений необходимо для диагностики нарушений в семье, поскольку дефектные представления нередко участвуют в этиологии семейных проблем» [13].

В отечественной и зарубежной психологии изучением образа семьи занялись сравнительно недавно [5]. Однако в большинстве случаев исследования направлены преимущественно на феноменологический анализ семейных представлений, тогда как структурно-содержательному анализу уделяется меньше внимания.

Принимая за основу работы системный анализ человеческого сознания, перспективным является изучение эмоционально-смыслового аспекта особенностей семейных представлений (образа семьи) – системы субъективных отношений как составляющей индивидуального сознания родителей, субъектов гармоничных и дисфункциональных семейных отношений. В отечественной психологии исследование семейных представлений (образа семьи) не выступало в рамках отдельной проблемы, они исследовались в контексте иных вопросов. Но в последние годы в рамках психосемантического подхода наметился ряд исследований семейных представлений [9], где в качестве системного конструкта, описывающего структуру субъективной репрезентации образа семьи, рассматриваются имплицитные теории семьи (ИТС). В целом, описанный подход к исследованию системы семейных представлений опирается на воззрения о психологической природе значения – как единице общественного сознания [10], которое в его знаковой (языковой) форме представлено в структурах «обыденного» сознания и представляет интерес для исследования регуляторной роли «образа-стереотипа как носителя социальных установок, представляющих некий “стандартизированный вариант личностного смысла” группы» [4].

Вместе с тем, указанное понимание не исчерпывает всего спектра исследований индивидуального сознания, и, опираясь на категорию образа мира [6], возможно представить в интегральной и емкой форме смысловое восприятие как систему субъективных отношений. Вслед за В.Н. Мясищевым, отношения понимаются как «многомерная, многоуровневая, динамическая система субъективно-личностных отношений», которые можно представить в виде многомерного «...субъективного пространства, каждое измерение которого соответствует определенному субъективно-личностному аспекту» [8]. Согласно парадигмальной модели движения смысла по слоям субъективного опыта, «...семантический слой субъективного опыта состоит из смыслов – следов взаимодействия с объектами, зафиксированными в форме отношения к ним» [2]. Обобщая большой эмпирический материал, накопленный в психологии субъективной семантики, Е.Ю. Артемьева утверждала, что «...предметами в субъект-объектных отношениях являются не вещи, не объекты, ситуации, явления, а свернутые следы взаимодействия с ними, некоторое состояние, реализация в здесь-и-сейчас образа мира» [2]. С полным правом это положение можно отнести и к реальности субъект-субъектных межличностных отношений.

Программа исследования

Цель: выявление особенностей эмоционально-смыслового аспекта восприятия родителями членов семьи в условиях судебных споров о воспитании ребенка (высокого уровня семейного конфликта).

Задачи:

- выявить особенности эмоционально-смыслового компонента восприятия членов семьи у родителей в условиях гармоничных взаимоотношений;
- выявить особенности эмоционально-смыслового компонента восприятия членов семьи у родителей в условиях высококонфликтных взаимоотношений;

- выявить гендерные различия эмоционально-смыслового компонента восприятия членов семьи у родителей в условиях гармоничных взаимоотношений;
- выявить гендерные различия эмоционально-смыслового компонента восприятия членов семьи у родителей в условиях высококонфликтных взаимоотношений.

Материал исследования: Основную группу составили 54 родителя – участники судебных споров о воспитании ребенка (27 мужчин от 30 до 53 лет и 27 женщин от 26 до 48 лет), проходившие КСППЭ в ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России. Из выборки исключались родители, у которых при экспертном исследовании были выявлены признаки психического расстройства. В контрольную группу вошли 42 родителя из гармоничных семей (15 мужчин от 30 до 47 лет, 27 женщин от 26 до 40 лет).

Для уравнивания групп не только по социально-демографическим, но и по личностным характеристикам и стилю воспитания применялись опросники: «16-факторный личностный опросник Кеттелла» и «АСВ» [13].

На *первом этапе* применялась модификация методики «Цветовой тест отношений» [14], предложенная Ф.С. Сафуановым, в которой вместо цветов использовались восемь изображений геометрических форм «теста перцептивных универсалий» [1]. Процедура проведения состояла в следующем: перед испытуемым раскладывался исходный набор изображений (рис. 1) и предлагалось проранжировать изображения от наиболее предпочитаемым к наименее предпочитаемым. Затем те же изображения геометрических фигур нужно было проранжировать в порядке соответствия тому или иному стимульному понятию, от «самого похожего, подходящего, соответствующего», до «самого непохожего, неподходящего, несоответствующего». В качестве стимульных понятий предлагались:

- «Ваш ребенок»;
- «Ваш супруг (а)»;
- «Я сам».

Обработка результатов заключалась в подсчете средних значений количества выборов испытуемыми того или иного изображения.

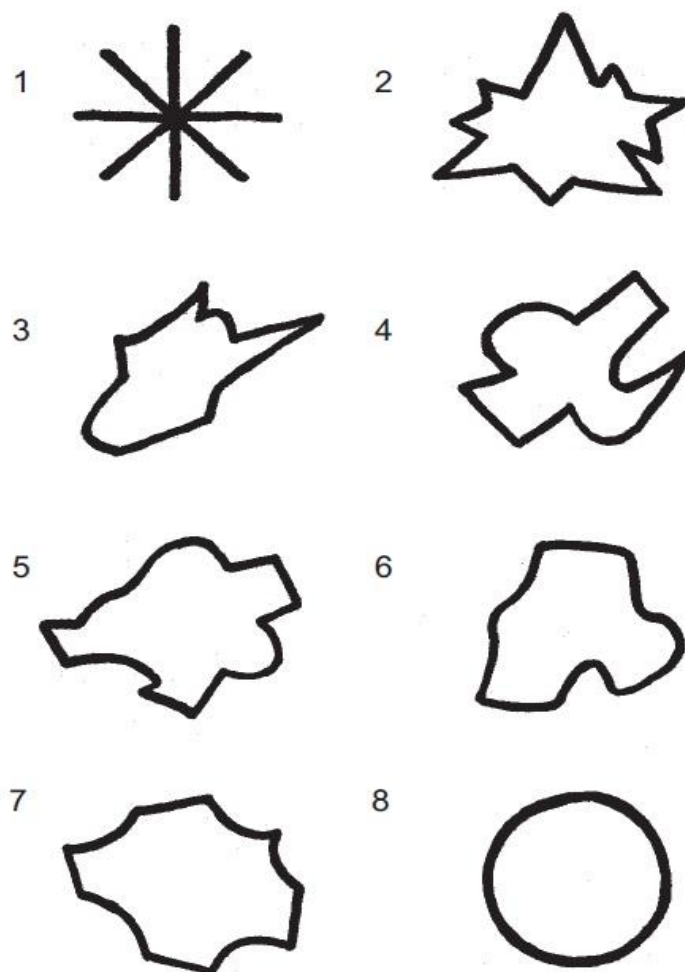

Рис. 1. Стимульный материал «Геометрического теста отношений»

На *втором этапе* обследуемые должны были оценить 8 геометрических фигур по 16 шкалам семантического дифференциала, заданных противоположными определениями, 8 из которых были заданы эмоционально-оценочными прилагательными, универсальными для всех классов объектов [1]. Остальные шкалы выступали в качестве «метафорических» и могли выступать как эмоционально-оценочными по отношению к одним классам объектов, так и гностическими, отражающими предметные физические и т. п. свойства по отношению к другим классам объектов [7].

Обработка результатов заключалась в выделении внутригрупповых семантико-перцептивных универсалий. Для этого вычислялось количество эмоционально-оценочных и гностических свойств, выделенных статистически значимым количеством испытуемых. Значимость определялась по стандартному критерию χ^2 для проверки гипотезы об одной предполагаемой вероятности.

Результаты

Первый этап. При оценке «предпочитаемых» изображений в группе родителей из гармоничных семей (контрольная группа) ведущее место занимают изображения № 8, 1, 7. Изображения № 8 и № 7 также занимают положительный полюс при оценке всех членов семьи – себя, супруга (супруги) и ребенка. К отвергаемым родители из контрольной группы

относят изображения № 4 и № 6, при этом отрицательные оценки также совпадают как при оценке себя, супруга (супруги), так и ребенка (табл.1).

Таблица 1

Ранжирование изображений родителями из контрольной группы

N=42

Стимул

Предпочтение		Я		Супруг(а)		Ребенок	
№	Ср. знач.	№	Ср. знач.	№	Ср. знач.	№	Ср. знач.
8	2,22	8	2,93	8	2,87	8	2,67
1	3,91	7	3,84	7	3,87	7	3,84
7	4,18	1	4,09	1	4,13	3	4,07
3	4,44	3	4,47	2	4,71	1	4,60
2	5,02	2	4,71	3	4,73	5	4,80
5	5,11	5	4,71	5	4,96	2	4,89
4	5,57	4	5,56	6	5,07	6	5,33
6	5,60	6	5,64	4	5,49	4	5,53

Выявленная тенденция четко прослеживается на женской подгруппе (табл. 2), тогда как у мужчин отмечаются некоторые колебания оценок отрицательного полюса – место геометрической фигуры № 6 при оценке супруги занимает изображение № 3, а при оценке ребенка – изображение № 2 (табл. 3). Однако вектор оценок остается относительно стабильным: и у женщин, и у мужчин ведущее место на положительном полюсе неизменно занимает изображение № 8, а изображения № 4 и № 6 тяготеют к отрицательному полюсу.

Таблица 2

Ранжирование изображений женщинами из контрольной группы

N=27

Стимул

Предпочтение		Я		Супруг(а)		Ребенок	
№	Ср. знач.	№	Ср. знач.	№	Ср. знач.	№	Ср. знач.
8	2,29	8	3,14	8	3,00	8	3,04
7	4,11	7	3,50	7	4,00	7	3,79
1	4,18	1	4,11	3	4,32	3	4,07
3	4,46	3	4,36	1	4,54	1	4,29
2	5,00	5	4,68	2	4,82	2	4,61
5	5,04	2	4,93	5	4,86	5	5,14
4	5,33	6	5,61	6	4,89	4	5,21
6	5,71	4	5,64	4	5,54	6	5,64

Таблица 3

Ранжирование изображений мужчинами из контрольной группы

N=15

Стимул

Предпочтение		Я		Супруг(а)		Ребенок	
№	Ср. знач.	№	Ср. знач.	№	Ср. знач.	№	Ср. знач.
8	2,12	8	2,59	8	2,65	8	2,06
1	3,47	1	4,06	1	3,47	7	3,94
7	4,29	2	4,35	7	3,65	3	4,06
3	4,41	7	4,41	2	4,53	5	4,24
2	5,06	3	4,65	5	5,12	6	4,82
5	5,24	5	4,76	6	5,35	1	5,12
6	5,41	4	5,41	3	5,41	2	5,35
4	5,94	6	5,71	4	5,41	4	6,06

В основной группе (семьи с высококонфликтными отношениями) тенденции, выявленные в контрольной группе, сохраняются при «предпочтении» изображений, а также при оценке себя и ребенка, однако при оценке бывшего супруга (супруги) наблюдается полная инверсия положительных оценок по сравнению с контрольной группой и оценками по трем другим стимульным понятиям: ведущие позиции на положительном полюсе занимают изображения № 2 и № 3, а на отрицательном – фигура № 8 (табл. 4).

Таблица 4

Ранжирование изображений родителями из основной группы

N=54

Стимул

Предпочтение		Я		Супруг(а)		Ребенок	
№	Ср. знач.	№	Ср. знач.	№	Ср. знач.	№	Ср. знач.
8	2,02	8	2,39	2	3,04	8	2,27
1	4,02	7	4,32	3	3,54	1	4,23
7	4,25	1	4,39	4	3,96	7	4,32
5	4,84	2	4,48	1	4,57	5	4,50
2	4,88	5	4,57	6	4,57	6	4,57
6	5,05	6	5,09	5	4,68	2	4,84
3	5,25	3	5,13	7	4,93	3	5,36
4	5,73	4	5,64	8	6,63	4	5,82

В женской подгруппе выявленная общая направленность оценок сохраняется практически в полном объеме (табл. 5).

Таблица 5

Ранжирование изображений женщинами из основной группы

N=27

Стимул

Предпочтение		Я		Супруг(а)		Ребенок	
№	Ср. знач.	№	Ср. знач.	№	Ср. знач.	№	Ср. знач.
8	1,93	8	2,14	2	3,34	8	2,31
7	3,72	7	4,10	3	3,45	7	4,00
1	4,10	1	4,14	4	3,69	5	4,10
5	4,59	2	4,21	1	4,14	1	4,34
2	4,72	5	4,66	6	4,34	6	4,69
6	5,03	3	5,38	7	5,14	2	4,72
4	5,93	6	5,62	5	5,21	4	5,72
3	5,97	4	5,90	8	6,45	3	5,93

В мужской подгруппе при оценке бывшей супруги к отвергаемому полюсу, представленному изображением № 8, добавляется изображение № 1 (табл. 6).

Таблица 6

Ранжирование изображений мужчинами из основной группы

N=27

Стимул

Предпочтение		Я		Супруг(а)		Ребенок	
№	Ср. Знач.	№	Ср. Знач.	№	Ср. знач.	№	Ср. знач.
8	2,11	8	2,67	2	2,70	8	2,22
1	3,93	1	4,48	3	3,63	1	4,11
3	4,48	6	4,52	5	4,11	6	4,44
7	4,81	7	4,56	4	4,26	7	4,67
2	5,04	5	4,67	7	4,70	3	4,74
6	5,07	2	4,78	6	4,81	5	4,93
5	5,11	3	4,85	1	5,04	2	4,96
4	5,52	4	5,37	8	6,81	4	5,93

Второй этап. Таким образом, у мужчин из контрольной группы положительный полюс при оценке предпочтения геометрических фигур, себя, супруги и ребенка состоял из изображений № 8 и № 1, а у женщин – изображений № 8 и № 7. Для изображения № 8, по данным обработки семантического дифференциала, как женщины, так и мужчины выбирают большее количество положительных эмоционально-оценочных свойств, нежели гностических (табл.7). Аналогичная картина наблюдается у женщин при оценке изображения № 7, в то же время мужчины при оценке изображения № 1 оперируют исключительно гностическими свойствами. Семантико-перцептивные универсалии изображений № 4 и № 6, представляющих отвергаемый полюс у женщин из контрольной группы, состоят из гностических свойств, при этом изображению № 6 приписывается эмоционально-оценочное свойство «противный». У мужчин при оценке изображения № 4, фигурирующей в качестве отрицательного полюса при оценке всех членов семьи, превалируют негативные эмоциональные свойства.

Таблица 7

Значимые свойства изображений выделенных контрольной группой испытуемых (жирным шрифтом выделены эмоционально-оценочные свойства)

Семантический дифференциал						
...	N=42		Жен. (n=27)		Муж. (n=15)	
№	Универсалии	x>29	Универсалии	x>19	Универсалии	x>10
1	легкий	32	легкий	23	грязный	10
	чистый	30	добрый	20	медленный	12
	холодный	31	чистый	24	активный	10
	приятный	30	умный	20	горький	10
	активный	29	приятный	22	сильный	11
	смелый	31	смелый	21		
2	сильный	29	счастливый	21	горячий	10
	чистый	30	чистый	21	сытый	11
	твердый	31	твердый	21	горький	10
	смелый	31	умный	20		
	сильный	31	смелый	21		
			сильный	22		
3	твердый	35	твердый	25	горячий	10
	громкий	31	громкий	21	сильный	10
	сильный	30	горький	20	счастливый	11
4	злой	29	холодный	20	злой	12
	холодный	31	твердый	22	глупый	11
	твердый	33			противный	12
	противный	29			горький	12
				несчастливый	11	
5	медленный	30	медленный	21	глупый	10
			сытый	19	сладкий	10
			приятный	19	сильный	10
6	старый	29	старый	20	добрый	10
					активный	10
					сильный	10
					счастливый	10
7	легкий	30	добрый	20	легкий	11
	добрый	31	чистый	20	добрый	11
	чистый	31	приятный	20	чистый	10
				сытый	10	
8	приятный	31	легкий	23	приятный	11
	сладкий	31	добрый	21	сладкий	11
	добрый	31	чистый	21	добрый	11
	чистый	31	умный	21	сытый	11

	сытый	31	сытый	20	приятный	10
	приятный	31	приятный	22	сладкий	10
	смелый	30	смелый	23	трусливый	10
	счастливый	32	счастливый	21	счастливый	11

У мужчин из основной группы положительный полюс при предпочтении геометрической фигуры, а также при оценке себя и ребенка состоит из изображений № 8 и № 1, а у женщин – представлен изображениями № 8 и № 7. Как мужчины, так и женщины из основной группы изображению № 8 приписывают большое количество положительных эмоционально-оценочных свойств (табл. 8). Оценка изображения № 1 мужчинами представлена и гностическими и эмоционально-оценочными свойствами. У женщин оценка изображения № 7 также наполнена положительными эмоционально-оценочными признаками.

Отвергаемый полюс, представленный у мужчин изображением № 4, содержит исключительно гностические свойства, при этом их количество ограничено. У женщин список признаков на изображения № 3 и № 4, представляющих отвергаемый полюс, также содержит исключительно гностические свойства.

При ранжировании изображений на стимул «супруг (супруга)» выявляется своеобразная инверсия: и у мужчин, и у женщин из основной группы предпочитаемый полюс оценки составили изображения № 2 и № 3, а отвергаемый – изображение № 8 (табл. 4–6). В методике семантического дифференциала, как у мужчин, так и у женщин, изображения № 2 и № 3 представлены преимущественно гностическими свойствами и не наделяются отрицательными эмоционально-оценочными признаками. В то же время на отрицательном полюсе оценки располагается геометрическая фигура № 8, насыщенная положительными эмоциональными свойствами.

Таблица 8

Значимые свойства изображений выделенных основной группой испытуемых (жирным шрифтом выделены эмоционально-оценочные свойства)

Семантический дифференциал						
...	N=54		Жен. (n=27)		Муж (n=27)	
№	Универсалии	x>37	Универсалии	x>19	Универсалии	x>19
1	легкий	41	легкий	23	чистый	20
	чистый	38	холодный	22	холодный	21
	холодный	43	молодой	23		
	молодой	42	умный	21	тихий	21
	смелый	42	смелый	23		
	счастливый	39	счастливый	22		
2	твердый	41	твердый	22	активный	21
	быстрый	38	горький	20	сильный	21
	активный	40	смелый	23		
	смелый	42				

	сильный	40				
3	твердый	41	холодный	22	активный	22
	быстрый	39	твердый	23		
	активный	43	активный	21		
			горький	23		
4	твердый	40	тяжелый	22	быстрый	20
	быстрый	37	твердый	23	активный	20
	активный	38				
5	медленный	37	мягкий	21	горячий	20
	сытый	37	медленный	21	твердый	20
	пассивный	37	сытый	21	сильный	20
			пассивный	21		
6	смелый	38	смелый	20	твердый	20
			сильный	21	тихий	20
7	добрый	39	добрый	20	добрый	20
	приятный	38	медленный	20	приятный	20
	смелый	38	сытый	20	смелый	21
			счастливый	20		
8	добрый	46	легкий	24	добрый	22
	чистый	45	добрый	24	чистый	22
	умный	39	чистый	23	приятный	21
	сытый	40	молодой	20	смелый	20
	приятный	43	умный	20	сильный	21
	сладкий	41	сытый	22		
	смелый	39	приятный	22		
	сильный	43	сладкий	23		
	счастливый	39	сильный	22		
			счастливый	21		

Заключение

В отличие от широко применяемых методов беседы или опросников использование психосемантических методов исследования (как косвенных процедур, позволяющих нивелировать эффекты искажения результатов, возникающих под влиянием социальной желательности у гармоничных семей, или, напротив, под влиянием аффективной охваченности в противостоянии родителей в судебной ситуации, у высококонфликтных семей) позволяет выявить не декларируемые, эксплицитные, представления, а имплицитные отношения членов семьи друг к другу.

В гармоничных семьях, как и ожидалось, основу системы отношения родителей друг к другу и к ребенку составляют дифференцированные эмоционально-смысловые конструкты (по терминологии Е.Ю. Артемьевой, семантико-перцептивные универсалии). Эти конструкты обеспечивают позитивное принятие всех членов семьи (в том числе и себя) не только через имплицитные представления о положительных эмоционально-оценочных свойствах другого родителя и ребенка, но и через противопоставление оцениваемых членов семьи объектам с отрицательными коннотативными характеристиками.

При этом обнаруживается, что женская когорта в гармоничных семьях демонстрирует более дифференцированную семантическую оценку образа себя, супруга и ребенка.

В дисфункциональных семьях, характеризующихся высокой степенью конфликта, единство позитивных оценок ограничивается оценкой себя и ребенка, тогда как при оценке супруга (супруги) наблюдается своеобразная инверсия оценки. Однако парадоксальным выглядит тот факт, что в отличие от наделения другого родителя отрицательными свойствами, что всегда можно наблюдать в судебной ситуации, в процессе экспертного исследования, вплоть до «индуцирования» ребенка негативным отношением к отдельно проживающему супругу (супруге) [12], имплицитное отношение, выявляемое при психосемантическом исследовании, показывает иную картину: отрицательное отношение к супругу (супруге) в высококонфликтных семьях выражается не в наделении другого родителя отрицательными характеристиками, а в отказе от признания у них положительных свойств, что отражается в позиционировании изображения № 8 (описываемого большим количеством позитивных эмоционально-оценочных признаков) в отвергаемом полюсе.

Выявление имплицитной структуры внутрисемейных отношений родителей в высококонфликтных семьях, находящихся в ситуации судебного разбирательства о воспитании детей, имеет важное практическое значение для выяснения судебно-экспертных вопросов, и, соответственно, для судебной защиты интересов ребенка.

Литература

1. Артемьева Е.Ю. Психология субъективной семантики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 128 с.
2. Артемьева Е.Ю. Основы субъективной психосемантики. М.: Смысл, 1999. 313 с.
3. Вострокнутов Н.А., Харитонова Н.К., Сафуанов Ф.С. Методологические основы экспертного подхода к правовой защите детей (судебно-психиатрический и судебно-психологический подходы): метод. рекомендации. М., 2004. 28 с.
4. Доценко Е.Л. Межличностное общение: семантика и механизмы. Тюмень: ТОГИРРО, 1998. 202 с.
5. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. М.: Гардарики, 2007. 319 с.
6. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. Т. 2. / Под ред. В.В. Давыдова, В.П. Зинченко, А.А. Леонтьева, А.В. Петровского. М.: Педагогика, 1983. 318 с.

7. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999. 487 с.
8. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.
9. *Минеева О.А., Лидерс А.Г.* ИмPLICITные теории семьи // Семейная психология и семейная психотерапия. 2004. № 4. С. 3–22.
10. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. 400 с.
11. *Сафуанов Ф.С.* Судебно-психологическая экспертиза. М.: Юрайт, 2014. 421 с.
12. *Сафуанов Ф.С., Харитоновна Н.К., Русаковская О.А.,* Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка. М.: Генезис, 2011. 192 с.
13. *Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.* Психология и психотерапия семьи. СПб.: Питер, 2000. 656 с.
14. *Эткинд А.М.* Цветовой тест отношений // Общая психодиагностика / Под. ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 221–227.

Emotionally evaluative attitude of parents in the high conflict families to each other and the child

Kulakov S.S., junior researcher, FGBU "The Serbsky State Scientific Center for Social and Forensic Psychiatry" of the Russian Federation Ministry of Health (novik_010979@mail.ru)

The increasing number of dysfunctional families causes an increase in the number of civil litigation on the education of the child, where the relationship between the persons are highly conflictual. The actual task is study the one of components in the structure of the psychological relationship - emotional and semantic constructs underlying semantic perception of each other and the child's parents. Examination of 42 testees (parents) from harmonious families and 54 testees (parents) during the forensic psychological and psychiatric examination (regarding the definition of child's residence or the order of meetings for the child and the parent who don't live with it) by methods "Geometric test of relations" and "Semantic Differential" showed that in families where is highly conflictual relationship, there is positive assessments of herself and her child, while assessment of the spouse (wife) characterized inversion. This negative attitude toward the spouse (wife) is not the other parent's negative characteristics. It is the ignoring the other parent's positive characteristics. The positive acceptance of all family members was revealed in harmonious families.

Keywords: high conflict family; a comprehensive forensic psychological and psychiatric assessment; psychosemantics; psychological attitude; the image of the family; emotional and semantic constructs.

References

1. Artem'eva E.Yu. Psikhologiya sub"ektivnoi semantiki [Psychology subjective semantics]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1980. 128 p.
2. Artem'eva E.Yu. Osnovy sub"ektivnoi psikhosemantiki [Basics subjective psychosemantics]. M.: Smysl, 1999. 313 p.
3. Vostroknutov N.A., Kharitonova N.K., Safuanov F.S. Metodologicheskie osnovy ekspertnogo podkhoda k pravovoi zashchite detei (sudebno-psikhiatricheskii i sudebno-psikhologicheskii podkhody): metod.rekomendatsii [Methodological basis of the expert approach to the legal protection of children (forensic psychiatric and forensic psychological approaches): Guidelines]. M., 2004. 28 p.
4. Dotsenko E.L. Mezhlichnostnoe obshchenie: semantika i mekhanizmy [Interpersonal communication: semantics and mechanisms]. Tyumen': TOGIRRO, 1998. 202 p.

5. Karabanova O.A. Psikhologiya semeinykh otnoshenii i osnovy semeinogo konsul'tirovaniya [Family psychology and basics of family counseling]. M.: Gardariki, 2007. 319 p.
6. Leont'ev A.N. Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya: v 2 t. T. 2. [Selected psychological works: In 2 vols.]. In Davydov V.V., Zinchenko V.P., Leont'ev A.A., Petrovsky A.V. (eds.). M.: Pedagogika, 1983. 318 p.
7. Leont'ev D.A. Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoi real'nosti [Psychology of meaning: the nature, structure and dynamics of the sense of reality]. M.: Smysl, 1999. 487 p.
8. Lomov B.F. Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii [Methodological and theoretical problems of psychology]. M.: Nauka, 1984. 444 p.
9. Mineeva O.A., Liderev A.G. Implitsitnye teorii sem'i [Implicit family theory]// *Semeinaya psikhologiya i semeinaya psikhoterapiya* [Family psychology and family therapy]. 2004. no. 4. pp. 3–22.
10. Petrenko V.F. Osnovy psikhosemantiki [Basics psychosemantics]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1997. 400 p.
11. Safuanov F.S. Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza [Forensic psychological examination]. M.: Yurait, 2014. 421 p.
12. Safuanov F.S., Kharitonova N.K., Rusakovskaya O.A., Psikhologo-psikhiatricheskaya ekspertiza po sudebnym sporam mezhdru roditelyami o vospitanii i meste zhitel'stva rebenka [Psychological and psychiatric examination for the litigation between parents about parenting and the child's place of residence]. M.: Genezis, 2011. 192 p.
13. Eidemiller E.G., Yustitskis V. Psikhologiya i psikhoterapiya sem'I [Psychology and Psychotherapy of the family]. SPb.: Piter, 2000. 656 p.
14. Etkind A.M. Tsvetovoi test otnoshenii [The color test of relations]// *Obshchaya psikhodiagnostika* [General psychodiagnosis]. In Bodalev A.A., Stolin V.V. (eds.). M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1987. pp. 221–227.

Исследование образа Я у лиц с расстройствами половой идентичности как дополнительный критерий дифференциальной диагностики при экспертизе спорных половых состояний

Новикова З.Д., психолог, Московский городской психоэндокринологический центр
(zinasun@gmail.com)

Дворянчиков Н.В., кандидат психологических наук, доцент, декан факультета
юридической психологии, профессор кафедры клинической и судебной психологии
факультета юридической психологии Московского городского психолого-
педагогического университета (dvorian@gmail.com)

Статья посвящена обсуждению способов углубленного анализа образа Я у лиц с расстройствами половой идентичности, обратившимися для экспертизы спорных половых состояний. Приводится сравнительный анализ образа Я, специфики интериоризации половой роли на эмоциональном и логическом уровне. На примерах четырех различных нозологических групп проводится исследование центрального понятия идентичности – образа «Я-реальное» и образа «Я-идеальное». При помощи дополнительных факторов оценки представлена попытка формализовать представленные данные для проведения дифференциации между проблемами половой идентичности и проблемами интегративной идентичности личности, которые затрагивают в том числе и половую идентичность, а также для более точной оценки возможного типа развития половой идентичности и принадлежности к тому или иному типу нарушений идентичности. В исследовании представлена попытка выявить психологические особенности развития половой идентичности и выделить возможный прогностический критерий – критерий адаптивности. Объективные данные дополняются попытками эксплицировать интуитивный опыт и сделать его доступным для объективной оценки при экспертизе спорных половых состояний. Результаты могут использоваться специалистами различных областей, в первую очередь, клиническими психологами, принимающими участие в проведении обследований лиц с РПИ при экспертизе спорных половых состояний.

Новикова З.Д., Дворянчиков Н.В. Исследование образа Я у лиц с расстройствами половой идентичности как дополнительный критерий дифференциальной диагностики при экспертизе спорных половых состояний. *Психология и право* psyandlaw.ru 2016. Том 6. №4. С. 142-154.

Novikova N.D., Dvoryanchikov N.V. The study of self-image in individuals with disorders of gender identity as an additional criterion of differential diagnosis in the examination of disputable sexual states. *Psychology and law* psyandlaw.ru Vol. 6. no.4. pp. 142-154.

Ключевые слова: расстройство половой идентичности, экспертиза спорных половых состояний, транссексуализм, маскулинность и фемининность, дифференциальная диагностика.

Для цитаты:

Новикова З.Д., Дворянчиков Н.В. Исследование образа Я у лиц с расстройствами половой идентичности как дополнительный критерий дифференциальной диагностики при экспертизе спорных половых состояний. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 4. С. 142-154. doi: 10.17759/psylaw.2016060413

For citation:

Novikova Z.D., Dvoryanchikov N.V. The study of self-image in individuals with disorders of gender identity as an additional criterion of differential diagnosis in the examination of disputable sexual states. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2016(6), no. 4. pp.142-154. doi: 10.17759/psylaw.2016060413

Современное состояние проблемы дифференциальной диагностики расстройств половой идентичности находится на достаточно высоком уровне, но при этом имеет очевидные сложности. С одной стороны, в настоящее время имеется обширный теоретический материал по вопросам расстройств половой идентичности. Эта тема рассматривается с точки зрения разных теоретических аспектов, внутри различных теоретических школ и имеет междисциплинарную направленность. С другой стороны, тестирование любого рода является необходимым, но не достаточным основанием для диагностики. Решающую роль играет опыт психиатров и психологов, основанный на множественности наблюдений. Однако расплывчатость интуитивных решений всегда оставляет поле для сомнений. Экспликация интуитивного понимания создает гораздо более точную основу для диагностики.

Таким образом, необходимость точного понимания аспектов нарушения расстройств половой идентичности в настоящий момент оказывается как никогда актуальной, требуя новых подходов, уточняющих и углубляющих объективные данные тестирования. С появлением новых возможностей коррекции пола при расстройствах половой идентичности по транссексуальному типу появляются новые возможности помощи лицам с половой дисфорией. Во многих странах уровень социальной толерантности к проблемам половой идентичности значительно возрос по сравнению с предыдущими историческими периодами, а информационные технологии позволяют производить поиск специализированной информации по данной теме и организовывать ее обсуждение среди заинтересованных в данном вопросе лиц, не имеющих профессиональных познаний в данной теме. Это одновременно порождает новые сложности для специалистов, имеющих дело с пациентами, обратившимися с данным вопросом для постановки диагноза или же для прохождения психолого-сексолого-психиатрической экспертизы. Возможность пациентов обсуждать имеющиеся методы диагностики и делиться опытом прохождения психологического исследования затрудняет дифференциальную диагностику расстройств половой идентичности. Лица с определенными диагнозами склонны считать, что

возможная гормональная и хирургическая коррекция пола поможет им в изменении своего негативного состояния и улучшении качества жизни. При этом они обладают достаточным интеллектом, чтобы в процессе тестирования и консультаций с врачом-психиатром создать ложную картину присутствующих нарушений полового самосознания по транссексуальному типу. Рядом авторов подчеркивается, что во многих случаях внутриспсихического конфликта, связанного с трудностями определения полоролевого статуса, и утверждается идентификация с противоположным полом и проявляется тенденция прийти в соответствие со своим осознаваемым полом, индивид позиционирует себя как лицо, страдающее транссексуализмом (Матевосян С.Н., Введенский Г.Е., 2012). Лица с различными типами расстройств половой идентичности уверены в своем диагнозе «транссексуализм» и при обследовании стараются соответствовать своим представлениям о нем.

Тем не менее, дифференциально-диагностические критерии все еще остаются достаточно размытыми и существуют трудности при их проверке. Основным является опыт врача-психиатра и других членов комиссии при рассмотрении подобных случаев, которые достаточно сложно формализовать, так как особенности каждого пациента, обратившегося по вопросу о смене пола, крайне различны и часто не поддаются классификации и не вписываются в существующие критерии.

В принятой в настоящее время практике при дифференциальной диагностике расстройства половой идентичности в качестве руководства используется МКБ 10 (или ДСМ 4 на Западе), представленные в них критерии вызывают определенные сложности у врачей и психологов.

Приведем определение из МКБ 10, в котором описывается состояние, характерное для транссексуализма: *желание жить и быть принятым в качестве лица противоположного пола, сочетающееся с чувством дискомфорта от своего анатомического пола; желание получить гормональную и хирургическую коррекцию с целью сделать свое тело как можно более соответствующим избранному полу* (МКБ10 F64.0).

Такое размытое описание транссексуализма вызывает объективные сложности.

По-прежнему стандарты проведения психологического исследования у лиц с расстройствами половой идентичности не имеют четкого определения, а также не существует достаточного количества выверенных результатов данного тестирования, которые могли бы более точно указывать на возможные типы развития полового самосознания и дифференцировать их. Поэтому выбор методик для проведения направленного психологического исследования остается на усмотрение конкретного специалиста, а полученные результаты могут быть интерпретированы в зависимости от опыта и осведомленности экспертов. В зависимости от задач исследования могут быть использованы многофакторные личностные методики, проективные методики, методики определения выраженности маскулинных и фемининных качеств (Дворянчиков Н.В., Носов С.С., Саламова Д.К., 2011) с использованием теоретического материала в области клинической психологии личности и нарушений познавательных процессов (Сафуанов Ф.С., 1994). При очевидном преимуществе существующих методов обследования можно отметить их ограничения.

На современном этапе развития процесса направленного психологического исследования в области полового самосознания важно определить ограничения методов и создать дополнительные критерии для преодоления возникающих сложностей в процессе дифференциальной диагностики, которые могли бы успешно использоваться специалистами.

Также необходимо выделить один из неформализованных ранее критериев при проведении различий между нозологическими группами. Таким критерием выступает возможный адаптивный потенциал. Этот фактор безусловно оценивается в процессе экспертизы спорных половых состояний, но не является предметом направленного психологического исследования, проводимого в данном контексте. При этом важным является предположение, что критерии адаптивности у мужчин и женщин с расстройствами половой идентичности являются разными. Данное предположение выдвинуто, исходя из понимания «психологического пола», который предположительно является разным не только с точки зрения самовосприятия и социального взаимодействия, но и с точки зрения специфики психических процессов. Наиболее заметными различия психических процессов у мужчин и женщин становятся в контексте патологических процессов, в том числе психопатологических процессов (Дмитриева Т.Б., Иммерман К.Л., Качаева М.А., Ромасенко Л.В., 2003).

В представленном нами исследовании мы предлагаем ознакомиться с возможным использованием дополнительных методов дифференциальной диагностики при проведении экспериментально-психологического исследования при экспертизе спорных половых состояний. Среди таких возможных дополнительных методов выделяется возможность исследования образа «Я-реальное» и его соотношения с дополнительными параметрами при помощи различных методик.

Одной из основных задач при проведении исследования особенностей полового самосознания лиц с расстройствами половой идентичности является выявление степени интериоризации половой роли на сознательном и эмоциональном уровне.

Половая идентичность (в социальной психологии – гендерная идентичность) является базовой идентичностью. Поэтому при нарушениях становления половой идентичности важно обращать внимание на целостность идентичности личности обследуемого в целом. При различных патопсихологических состояниях уровень нарушений идентичности представляется различными способами. Она может быть не сформирована, как происходит при расстройствах шизофренического спектра. Она может иметь нарушенную и нелогичную структуру, например, имея разнонаправленный характер на логическом и эмоциональном уровне, как при психотических состояниях.

В приведенных ниже для разбора случаях представлены 4 группы расстройств половой идентичности: 1. РПИ при заболеваниях шизофренического спектра; 2. РПИ при расстройствах органического спектра; 3. РПИ при транссексуализме; 4. РПИ при расстройствах личности. Отдельно будет приведен случай РПИ при множественном расстройстве личности, который не отнесен ни к одной из выше представленных групп в связи с его уникальностью.

Данные нозологические группы были выделены экспертами-психиатрами при проведении обследования в Московском городском психонейроэндокринологическом центре.

При направленном психологическом исследовании лиц с РПИ использовались методики, изучающие выраженность маскулинности и фемининности, а также факторы андрогинности и недифференцированности «МиФ», под редакцией Бессоновой Т.Л. (BSRI); методика ЦТО (Цветовой тест отношений, разработанный Эткингом А.В., Столином В.В.). В качестве дополнительных методик использовались патопсихологические тесты. Из дополнительных методик нами выделен «Пихосемиотический анализ текста» (Новикова-Грунд М.В.), с помощью которого были описаны особенности образа Я. Текстовые методики представляют особую технику, сочетающую в себе преимущества тестирования и индивидуальной беседы. Задача испытуемого состоит в написании текста, тема которого формулируется только из слов абстрактной семантики, чтобы испытуемый смог наполнить его своим содержанием (Новикова-Грунд М.В., 2011). В направленном психологическом исследовании лиц с расстройствами половой идентичности необходимо использовать дополнительные методики, помогающие определить специфику картины половой дисфории.

В качестве такой методики мы использовали психосемиотический анализ текста, который позволяет решать многие поставленные диагностические задачи как в клинической практике, так и в ходе экспертиз спорных половых состояний и других экспертных ситуаций.

Основной рассматриваемые нами аспекты – конфликт идентичности, образ Я, противопоставление образу Я, скрытые аспекты внутриличностного конфликта.

Исследование образа Я на примере расстройства половой идентичности по транссексуальному типу

Диагностический случай 1. Расстройство половой идентичности по транссексуальному типу у мужчины (23 года).

По данным методики «Маскулинность и фемининность», образ Я характеризуется преобладанием фемининных полоролевых черт у испытуемого. Это означает принятие на логическом уровне полоролевого поведения фемининного типа, логическая оценка себя как женщины. По данным теста ЦТО, на эмоциональном уровне образ «Я-реальное» оценивается положительно и сопоставим с образом женщины. То есть присутствует положительная логическая и эмоциональная идентификация испытуемого с образом противоположного пола. Данные показатели означают, что конфликт идентичности не проявляется. Образ «Я-идеальное» (согласно «МиФ») – то есть то, каким видит себя человек в будущем и чему стремится соответствовать, – характеризуется преобладанием фемининных полоролевых черт испытуемого. Это означает логическое желание соответствовать образу женщины и соответствовать характерным для женщины поведенческим, личностным и социальным особенностям. На эмоциональном уровне образ «Я-идеальное» (согласно ЦТО) сопоставим с образом женщины и оценивается положительно. Это означает, что на эмоциональном уровне уже происходит интериоризация образа противоположного пола. Также проявляется эмоционально логичная оценка своего состояния, реальности и сопоставления желаемого и действительного. Полная интериоризация на логическом и эмоциональном уровне черт

противоположного пола не вызывает внутренних противоречий у испытуемого, но вызывают желание соответствовать своему состоянию и внешне и внутренне. Идентичность оказывается не нарушенной, но половая идентичность при этом соответствует противоположному полу. Это косвенно подтверждается другими параметрами, которые остаются не нарушенными (по данным методики «МиФ»). К ним относятся: ненарушенные представления о стереотипном гендерном поведении мужчин и женщин, адекватная оценка проявления своих маскулинных и фемининных черт в ситуации взаимодействия с окружающими людьми.

Интерпретация результатов тестов, направленных на оценку маскулинности и фемининности может быть неоднозначной без использования вспомогательных методик. В данном случае мы исследовали образ Я, дополнительно используя анализ текстов испытуемых. Инструкция предполагала написание двух текстов: один текст должен быть написан от лица испытуемого, второй текст предполагал написание от лица «антипода» испытуемого – это мог быть придуманный текст или взгляд на свое реальное событие с точки зрения «антипода». Тема обоих текстов звучала как «Самое яркое воспоминание моего детства».

По данным анализа текста, в описываемом случае проявились полная интериоризация женской половой роли и отсутствие конфликта между образом «Я-реальное» и образом «Я-идеальное». Оба представленных текста автор ведет от лица женщины, при этом воспоминания являются истинными, наполненными переживаниями, эмоциями, оценкой происходящего и контактами с окружающими людьми. Проявляется целостность идентичности личности в ее динамике – от детства к настоящему моменту. Это позволяет предполагать относительно высокую степень адаптации в будущем. В тексте отсутствует намеренное подведение своего образа к формальному образу женщины, проявляется искренность в переживаниях и отсутствие глубокого внутриличностного конфликта, несмотря на имеющееся расстройство половой идентичности.

Исследование образа Я на примере расстройства половой идентичности при расстройстве личности

Диагностический случай 2: РПИ при расстройстве личности у мужчины (49 лет).

По данным методики оценки маскулинности и фемининности «МиФ», образ «Я-реальное» характеризуется преобладанием маскулинных полоролевых черт у испытуемого. Это означает логическое принятие мужской гендерной роли, личностное и поведенческое соответствие маскулинному типу. По данным методики ЦТО, позволяющей выявить внутренние эмоциональные взаимосвязи личности, образ «Я-реальное» оценивается негативно и не сопоставим ни с образом мужчины, ни с образом женщины. Это указывает на отсутствие интериоризации половой роли или, скорее, на ее потерю. На логическом уровне, согласно методике «МиФ», образ «Я-идеальное» характеризуется преобладанием фемининных полоролевых черт. Это означает желание соответствовать образу женщины в своих поведенческих реакциях и личностных особенностях. При этом проявляется конфликт на логическом уровне в виде принятия мужской гендерной роли и желания соответствовать женской гендерной роли. По данным «Цветового теста отношений», образ «Я-идеальное» также не сопоставим ни с образом мужчины, ни с образом женщины и не окрашен эмоционально. Это означает полное отсутствие принятия какой-либо гендерной роли на

эмоциональном уровне. По результатам этих методик, на логическом уровне образ «Я-реальное» и образ «Я-идеальное» имеют различную гендерную направленность, что вызывает внутриличностный конфликт и затрудняет возможность функционирования личности.

По данным дополнительного метода обследования «Психосемиотический анализа текста», представленного в виде двух текстов, проявляются следующие особенности. При анализе первого текста выявляется отвращение испытуемого от телесного соприкосновения с человеком противоположного пола. Образ «Я-реальное» представлен поведенчески маскулинным образом. Проявляются амбивалентные чувства. Образ женщины также оценивается амбивалентно. В данном тексте не проявляется ни желания позиционировать себя с точки зрения желаемого полового поведения, ни с точки зрения анализа собственного состояния. Во втором тексте используются так называемые безагенсные конструкции – нет слова «я» в именительном падеже, что характерно для распада идентичности. Проявляется негативный образ женщины, что вступает в логическое противоречие с высказанным логическим желанием соответствовать женской гендерной роли.

Если сравнить результат теста на оценку уровня маскулинности и фемининности «МиФ» и результаты анализа текста Текстовых методик, то видно, что образ сексуального партнера андрогинного типа, по данным «МиФ», соответствует негативному образу женщины в представленном тексте. По данным ЦТО невозможно отследить негативную оценку образа женщины, так как в данном тесте не представлена возможность эмоциональной оценки телесного компонента. Таким образом, можно предположить распад идентичности в целом, что является негативным прогностическим критерием. На данном примере становится очевидной необходимость использования дополнительных методов оценки нарушений идентичности.

Исследование образа Я на примере расстройства половой идентичности при шизофрении

Диагностический случай 3. РПИ у женщины при шизофрении (44 года).

По данным теста на оценку выраженности маскулинности и фемининности «МиФ», образ «Я-реальное» характеризуется преобладанием фемининных черт у испытуемой. Это означает принятие женской гендерной роли на логическом уровне. При этом, по результатам «Цветового теста отношений», на эмоциональном уровне образ «Я-реальное» оценивается негативно и несопоставим ни с образом мужчины, ни с образом женщины. Такие результаты свидетельствуют об отсутствии интериоризации гендерной роли на эмоциональном уровне – испытуемая не чувствует себя мужчиной или женщиной. На логическом уровне, по результатам «МиФ», образ «Я-идеальное» характеризуется преобладанием маскулинных черт у испытуемой. То есть желаемое гендерное поведение и личностные черты оцениваются испытуемой как мужские. По данным «ЦТО», на эмоциональном уровне образ «Я-идеальное» также не сопоставим ни с образом мужчины, ни с образом женщины. Данные результаты свидетельствуют о логическом желании испытуемой принять мужскую гендерную роль, но полном отсутствии эмоциональной идентификации.

Результаты дополнительной методики психосемиотического анализа текста полностью совпали с результатами тестов. В тексте от реального автора отсутствуют агенсные конструкции – в тексте не используется слово «я» и отсутствуют эмоциональные переживания. В тексте от лица «антипода» заметно противопоставление женской гендерной роли образу Я. При этом это противопоставление является формальным, а более глубоко противопоставляется образ чувствующего и активного Я, образу Я без чувств и действий, без межличностных контактов.

Диагностический случай 4. РПИ у мужчины при шизофрении (17 лет).

По данным теста на определение выраженности феминности и маскулинности «МиФ», образ «Я-реальное» характеризуется преобладанием незначительно выраженных феминных черт у испытуемого. Это означает логическое принятие женской половой роли, но выраженность феминных качеств при этом остается слабой. По данным теста «ЦТО», на эмоциональном уровне образ «Я-реальное» оказывается семантически близким к образу мужчины и эмоционально оценивается нейтрально. То есть несмотря на логическое принятие женской гендерной роли, на эмоциональном уровне принимается мужская роль. На логическом уровне (по результатам «МиФ») образ «Я-идеальное» характеризуется преобладанием феминных черт – т. е. проявляется желание соответствовать женским личностным чертам и стилю поведения. По результатам «ЦТО», на эмоциональном уровне образ «Я-идеальное» сопоставим с образом женщины и оценивается положительно. То есть испытуемый эмоционально оценивает себя как мужчину, но стремиться стать женщиной – в этом проявляется глубокий конфликт принятия гендерной роли на эмоциональном уровне.

По результатам дополнительной методики анализа текста, проявляется образ Я, не указывающий на наличие возможных проблем. Текст не позволяет предположить никаких диагностических признаков конфликта идентичности. Испытуемый описывает себя в мужском роде и в реальном тексте, и в тексте от лица «антипода». В тексте не упоминаются никакие гендерные взаимодействия.

Для шизофрении характерно наличие утраты эмоциональных связей, обеднение эмоциональной сферы, трудности в отношениях с другими людьми и нарушение логики мышления. В данном тексте подобные нарушения отсутствуют. Текст логически связный, очень эмоциональный, в нем присутствуют, кроме автора, другие люди, с которыми он взаимодействует. Иными словами, текст никак не свидетельствует о заболевании шизофренией и находится в противоречии с его нынешним клиническим статусом. Однако события, описываемые в текстовой методике больного, относятся к его позднему подростковому возрасту. Он вспоминает себя до болезни и использует свой опыт. Из этого можно заключить, что он сохраняет критику к своему нынешнему состоянию и пытается его диссимулировать, полагая, что это поможет во взаимодействии с психологом.

Диагностический случай 5. РПИ у мужчины при шизофрении (20 лет).

По данным методики на определение уровня маскулинности и феминности «МиФ», полоролевая идентичность («Я-реальное») характеризуется недифференцированностью полоролевых черт испытуемого. То есть на логическом уровне как феминные, так и маскулинные черты выражены слабо, отсутствует принятие мужской или женской гендерной роли. Полоролевые предпочтения («Я-идеальное») характеризуются

преобладанием фемининных черт у испытуемого, что говорит о его логическом желании соответствовать женским личностным и поведенческим чертам. По данным «Цветового теста отношений», на эмоциональном уровне образ «Я-реальное» и образ «Я-идеальное» семантически не связаны ни с образом мужчины, ни с образом женщины. Это означает, что на эмоциональном уровне не принимается ни женское, ни мужское поведение ни в настоящем, ни в будущем.

По данным дополнительной методики «Психосемиотический анализ текста», проявляется эгоцентрическая позиция у испытуемого. Все отношения, описанные в текстах, абсолютно лишены эмоций и обезличены. Отсутствуют эмоциональная оценка, мотивы действий, личностное взаимодействие. В текстах обнаруживается страх перед другими людьми и усталость от контактов.

В тексте испытуемый пытается описывать себя как женщину, следуя своим логическим представлениям о поведении женщин, насыщая текст внешними атрибутами. Но эмоциональная составляющая отсутствует. Обе представленных части текстовой методики – реальный текст и текст от лица «антипода» – имеют общую личностную направленность и лишены эмоциональной составляющей. Гендерное противопоставление поверхностно и стереотипно.

Следует отметить характерное для лиц с шизофренией желание представить в тексте нормативные, по их мнению, мужские и женские гендерные роли. И если на логическом уровне в тесте ЦТО данные роли могут быть представлены как ненарушенные, то в тексте проявляется вся нарушенная логика и расщепление на логическое представление и отсутствующую эмоциональную часть.

Исследование образа Я на примере расстройства половой идентичности при органических заболеваниях головного мозга

***Диагностический случай 6.* Мужчина (31 год).**

По данным теста на определение уровня маскулинности и фемининности личности «МиФ», образ «Я-реальное» характеризуется преобладанием фемининных черт у испытуемого. Это означает, что половая идентичность развита по мужскому типу. Образ «Я-идеальное» характеризуется преобладанием фемининных черт у испытуемого, что свидетельствует о логическом желании соответствовать женскому гендерному поведению. По данным «Цветового теста отношений», на эмоциональном уровне семантически близки образы «Я-реальное» и «Я-идеальное» и сопоставимы с образом женщины. То есть проявляется интериоризация на эмоциональном и логическом уровне женского поведения.

По данным дополнительной методики психосемиотического анализа текста, сложно сделать выводы о наличии внутриличностного конфликта или гендерного конфликта. Оба текста – и реальный, и от лица «антипода» – представляют собой очень отдаленные от актуальной ситуации события. В тексте отсутствуют контакты с людьми. В тексте отсутствует желание быть представленным в каком-либо гендерном облике.

Во втором тексте – от лица «антипода» – автор демонстрирует намеренно маскулинные черты поведения, которые старается логически противопоставить образу себя-реального.

Но при более глубоком анализе заметно бессознательное противопоставление «Я–другие», а не «Я-женщина–Я-мужчина».

Исследование образа Я на примере расстройства половой идентичности при множественном расстройстве личности

Диагностический случай 7. Женщина с РПИ (21 год).

На примере испытуемой с диагностированным множественным расстройством личности предлагается рассмотреть особенности полового самосознания. По данным методики «МиФ», направленной на оценку выраженности маскулинности и феминности, образ «Я-реальное» характеризуется незначительным преобладанием маскулинных черт у испытуемой. Это означает развитие половой идентичности по мужскому типу, но выраженность маскулинных черт незначительна. Образ «Я-идеальное» характеризуется преобладанием маскулинных черт, т. е. полоролевые предпочтения развиваются по маскулинному типу, испытуемая хочет соответствовать мужским личностным чертам и стилю поведения. По данным «Цветового теста отношений», на эмоциональном уровне образ «Я-реальное» и образ «Я-идеальное» семантически близки и оцениваются положительно, но не сопоставимы ни с мужским, ни с женским образом. Это означает отсутствие интериоризации на эмоциональном уровне гендерных ролей.

По данным дополнительного метода исследования «Психосемиотического анализа текста», у испытуемой проявляется маскулинная идентичность. Она не вызывает стыда, вызывает гордость.

Выводы

Из представленного нами анализа образа Я при различных типах расстройств половой идентичности можно сделать следующие выводы:

1. Использование дополнительных методов более детального исследования особенностей образа Я и других составляющих частей идентичности является необходимым. При этом появляется возможность определить глубину изменений полоролевой идентичности и отделить от более серьезных нарушений идентичности в целом.

2. Использование «психосемиотического анализа текста» в качестве дополнительного метода исследования особенностей идентичности позволяет сопоставить полученные индивидуальные результаты с набором стандартных методов обследования и подтвердить их или поставить под сомнение.

3. Наиболее показательные результаты, полученные при помощи дополнительного метода исследования текстов, оказываются в группе лиц с РПИ при расстройствах шизофренического спектра и при расстройствах личности. Особенности полового самосознания у лиц с РПИ при органических заболеваниях головного мозга и редких расстройствах, таких как множественная личность испытуемого, могут не проявляться в текстах.

4. Анализ текстов лиц с расстройствами половой идентичности помогает эксплицировать интуитивный опыт, на который опираются врачи в процессе дифференциальной диагностики, помогая определить глубину нарушений идентичности и сделать возможный прогноз их развития.

Литература

1. Введенский Г.Е., Матевосян С.Н. Половая дисфория: (клинико-феноменологические особенности и лечебно-реабилитационные аспекты синдрома «отвергания» пола). М.: Медицинское информационное агенство, 2012. 393 с.
2. Дворянчиков Н.В., Носов С.С., Саламова Д.К.. Половое самосознание и методы его диагностики. СПб.: Наука, 2011. 216 с.
3. Дмитриева Т.Б., Иммерман К.Л., Качаева М.А., Ромасенко Л.В. Криминальная агрессия женщин с психическими расстройствами. М.: Медицина, 2003. 248 с.
4. МКБ-10 Международная классификация болезней (10-й пересмотр). Классификация психических и поведенческих расстройств. Спб.: Питер, 1994. 33 с.
5. Новикова-Грунд М.В. Уникальная картина мира индивида и ее отображение на текст. М.: Левъ, 2011. 175 с.
6. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: научно-практическое пособие. М.: Смысл, 1998. 192 с.

The study of self-image in individuals with disorders of gender identity as an additional criterion of differential diagnosis in the examination of disputable sexual states

Novikova Z.D., psychologist, Moscow City Psychoendocrinological center (zinasun@gmail.com)

Dvoryanchikov N.V., PhD (Psychology), Associate Professor, Dean of the Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (dvorian@gmail.com)

The article discusses ways in-depth analysis of self-image in individuals with disorders of sexual identity, applied for examination of disputable sexual States. The comparative analysis of the image I, the specifics of the gender role internalization on emotional and logical level. Examples of the four different nosological groups conducted a study of the Central concepts of identity – image of "I'm real" and image "I am perfect". With the help of additional factors in the assessment are the attempt to formalize the data conduct of differentiatie between issues of sexual identity and problems of integrative identity that affect including sexual identity, as well as for a more accurate assessment of possible development of sexual identity and of belonging to a particular type of violations of identity. The study presents an attempt to identify the psychological characteristics of gender identity and to identify possible predictive criterion – the criterion of adaptability. Objective data are complemented by attempts to explicitate intuitive experience and make it available for an objective assessment during examination of the disputable sexual States. The results can be used by specialists in various fields, first and foremost, clinical psychologists, involved in conducting surveys of individuals with FIR in the examination of disputable sexual states.

Keywords: gender identity disorder, examination of disputable sexual states, transsexuality, masculinity and femininity, differential diagnosis.

References

1. Vvedenskiy G.Y., Matevosyan S.N. Polovaya disfориya: (kliniko-fenomenologicheskiye osobennosti i lechebno-reabilitatsionnyye aspekty sindroma "otverganiya" pola) [Gender dysphoria (clinical and phenomenological features and treatment and rehabilitation aspects of the syndrome of "rejection" of sex)]. Moscow: Meditsinskoye informatsionnoye agenstvo, 2012. 393 p.
2. Dvoryanchikov N.V., Nosov S.S., Salamova D.K. Polovoye samosoznaniye i metody yego diagnostiki [Sexual identity and methods of diagnosis]. SPb.: Nauka, 2011. 208 p.

3. Dmitriyeva T.B., Immerman K.L., Kachayeva M.A., Romasenko L.V. Kriminal'naya agressiya zhenshchin s psikhicheskimi rasstroystvami [The criminal aggression of women with mental disorders]. Moscow: Meditsina, 2003. 248 p.
4. МКБ-10 Mezhdunarodnaya klassifikatsiya bolezney (10-yy peresmotr) Klassifikatsiya psikhicheskikh o povedencheskikh rasstroystv [ICD-10 International Classification of Diseases (10th revision) Classification of mental behavioral disorders]. Spb.: Piter, 1994. 33 p.
5. Novikova-Grund M. V. Unikal'naya kartina mira individa i yeyo otobrazheniye na tekst [Unique individual world picture and its display on the text]. Moscow: Lev, 2011. 175 p.
6. Safuanov F.S. Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza v ugovnom protsesse: nauchno-prakticheskoye posobiye [Forensic psychiatric examination in criminal proceedings: scientific and practical guide]. Moscow: Smysl, 1998. 192 p.

Личностные особенности свидетелей как основа выбора тактики проведения допроса

Жаринов И.А., выпускник факультета юридической психологии ФГБОУ ВПО МГППУ
(zharinov68001@gmail.com)

Калашникова А.С., кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВПО МГППУ, старший научный сотрудник ФГБУ «ФМИЦПН имени В.П. Сербского» Минздрава России
(kaspsy@mail.ru)

Статья посвящена изучению психологических особенностей лиц, влияющих на выбор тактических приемов проведения допроса свидетелей. В настоящем исследовании приняли участие 70 студентов с неполным высшим образованием в возрасте от 18 до 21 года. Экспериментальную группу составили 35 человек с внешним локусом контролем, контрольную группу – 35 человек с внутренним локусом контролем. Было проведено многогранное исследование личности и выявлены группы людей с истероидной, психастенической и шизоидной личностной направленностью, к которым были подобраны десять теоретически обоснованных, эффективно работающих тактических приема, позволяющих качественно повысить эффективность дачи свидетельских показаний. Согласно полученным результатам, эффективность дачи показаний напрямую зависит от вида локуса контроля допрашиваемого лица, в случае, когда испытуемый обладает интернальным локусом контроля, эффективность дачи ответов без применения тактических приемов значительно выше, чем у испытуемых обладающих экстернальным локусом контроля. Даны рекомендации по повышению эффективности свидетельских показаний у лиц с внешней локализацией контроля волевого усилия в процессе проведения допроса в зависимости от личностного профиля.

Ключевые слова: допрос, свидетельские показания, выбор тактики допроса, внешний и внутренний локус контроля.

Для цитаты:

Жаринов И.А., Калашникова А.С. Личностные особенности свидетелей как основа выбора тактики проведения допроса. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 4. С. 155-165. doi: 10.17759/psylaw.2016060414

For citation:

Zharinov I.A., Kalashnikova A.S. The personal characteristics of witnesses as the basis of

choice of tactics of interrogation. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no. 4. pp.155-165.
doi: 10.17759/psylaw.2016060414

Допрос является самым распространенным способом получения доказательств по уголовному делу. Успешное и результативное проведение данного следственного действия зависит от глубины познаний следователя в области психологии, а также от его владения навыками применения тактических приемов, разработанных в рамках наук юридической психологии и криминалистики. Тактические приемы допроса – это разработанные криминалистикой и апробированные следственной практикой наиболее оптимальные способы установления с допрашиваемым лицом психологического контакта, устранения его негативного настроения к расследованию и оказания на него психического воздействия с целью получения полных и достоверных данных. Выбор того или иного тактического приема зависит от различных факторов, в первую очередь, от процессуального положения допрашиваемого лица, а также его личностных особенностей, возраста, социально статуса, отношения к правоохранительным органам, органам правосудия и т. д.

В целях повышения эффективности допроса, в рамках юридической психологии активно изучаются различные личностные особенности всех участников судебного процесса – обвиняемого, потерпевшего и свидетеля [2; 3; 6; 7; 8; 9]. При этом изучению личности свидетеля в следственной практике уделяется наименьшее внимание. А между тем, без учета личностных особенностей свидетелей не представляется возможным решить некоторые проблемы тактики следственных действий, проводимых с их участием.

Большинство авторов при анализе тактик проведения допроса отмечают зависимость качества свидетельских показаний от социально-демографических особенностей допрашиваемого лица [1; 5; 8]. Среди исследований, посвященных изучению влияния личностных особенностей свидетелей на процедуру и эффективность получения показаний, можно отметить лишь единичные работы по анализу влияния темперамента человека на ход допроса [7], особенностей интеллектуального развития [1; 6], внушаемости и впечатлительности [4]. При этом, в частности, недостаточно изученной является такая особенность личности, как локус контроля, который определяет склонность личности приписывать ответственность за свои действия внешним факторам и обстоятельствам (так называемый внешний локус контроля) или же личным способностям (внутренний локус контроля).

Целью настоящего исследования является определение наиболее эффективных тактик проведения допроса свидетелей с различными личностными особенностями.

Материал и методы исследования

Испытуемые. В исследовании приняли участие 70 студентов с неполным экономическим, историческим или психологическими высшим образованиями в возрасте от 18 до 21 года. Экспериментальную группу составили 35 человек с внешним локусом контроля, среди которых 19 девушек и 16 молодых людей, средний возраст испытуемых 20,3 года. Контрольную группу составили 35 человек с внутренним локусом контроля, среди которых 21 девушка и 14 молодых людей, средний возраст испытуемых 20,1 года.

Методы исследования. Основным методом исследования явился эксперимент, в ходе которого испытуемые выступали сначала в роли свидетелей – очевидцев сымитированного криминального происшествия, а затем участников смоделированной ситуации допроса.

Кроме этого применялись: методика УСК, разработанная и адаптированная Е.Ф. Бажиным и А.М. Эткиндо, для изучения типа локуса контроля испытуемых; методика Мини-мулт, разработанная шведским психологом Кинканнон и адаптированная в русском варианте В.П. Зайцевым и В.Н. Козюлей, для анализа личностных особенностей исследованных лиц.

Результаты исследования были проанализированы с помощью статистических методов – U-критерия Манна–Уитни и коэффициента корреляции Спирмена.

Ход эксперимента. Эмпирическое исследование состояло из двух этапов. На первом этапе проводилось выявление типа локуса контроля у потенциальных участников эксперимента. На данном этапе приняли участие 296 человек. Такое количество респондентов потребовалось для того, чтобы сформировать равные по количеству группы сравнения, так как в сплошной выборке существенно преобладают интерналы – лица с внутренним локусом контроля. Результатом первого этапа стало формирование экспериментальной и контрольной групп, состоящих из 35 человек каждая. После того, как были сформированы две группы исследования, у испытуемых изучались личностные профили.

Во второй части исследования всем участникам эксперимента в индивидуальном порядке предлагалось посмотреть видеозапись неизвестного для них содержания длительностью около 1 минуты. На видеозаписи представлена хорошо освещенная аудитория во время перерыва между студенческими парами, в которой совершается кража. В демонстрационном материале присутствует большое количество деталей (учебные принадлежности, личные вещи студентов, спящий среди одежды в дальнем углу аудитории человек, «вор», обстоятельства кражи и др.). После просмотра видеозаписи с испытуемыми проводилась беседа, представляющая собой моделирование ситуации допроса. В ходе проведения каждого отдельного эксперимента были исключены такие психологические состояния, как страх, тревога, агрессивность, которые, по мнению многих зарубежных психологов, влияют на эффективность дачи показаний. Испытуемые были замотивированы обнаружить наибольшее количество деталей при просмотре видеозаписи и указать на них.

Для каждого участника эксперимента были подготовлены специальные протоколы ведения моделируемого допроса, в которых указывалось то, какое количество объективно присутствовавших на видео деталей удалось перечислить испытуемому. К учитываемым деталям относились: 1) пол подозреваемого; 2) рост подозреваемого; 3) примерный возраст подозреваемого; 4) цвет волос подозреваемого; 5) одежда подозреваемого; 6) особые приметы подозреваемого; 7) телосложение подозреваемого; 8) обстановка в аудитории; 9) заметил ли еще одного человека в аудитории; 10) заметил ли, что именно было украдено из сумки.

После просмотра видеозаписи испытуемому предлагалось в свободной форме рассказать о том, что он увидел на видеозаписи. В случае необходимости экспериментатор задавал уточняющие вопросы. Если испытуемый мог максимально подробно, произвольно, быстро и качественно рассказать обо всех деталях, увиденных на видео, то он считался

«эффективным» свидетелем, если же у него возникали трудности по двум и более приведенным критериям из описанного выше списка, то он считался «неэффективным» свидетелем.

В случае, когда испытуемый затруднялся воспроизвести ряд деталей увиденного (два и более параметров), к нему применялись различные тактические приемы допроса, такие как: 1) максимальная детализация; 2) положительная оценка допрашиваемого лица; 3) техника телесной подстройки; 4) обратный рассказ ситуации; 5) разъяснение свидетелю значимости сведений, которые нужно получить и их важности для эксперимента; 6) свободный рассказ; 7) юмор; 8) обращение к здравому смыслу свидетеля, убеждение в ошибочности его позиции; 9) интерес к личности допрашиваемого; 10) прием ассоциации по контрасту и времени. Если участник эксперимента после применения описанных тактических приемов начал давать эффективные ответы, т. е. называл ранее им неупомянутые детали, этот факт фиксировался в протоколе моделируемого допроса с указанием конкретных приемов, повысивших точность и детализацию показаний. Тактические приемы ведения допроса применялись до тех пор, пока изначально «неэффективный» свидетель не переходил в ранг «эффективного», причем каждый прием в «допросе» неэффективного свидетеля использовался приблизительно одинаковое количество раз.

Результаты и обсуждение

Согласно полученным результатам, 85,7% лиц с внутренним локусом контроля дали эффективные ответы без применения каких-либо тактических приемов. В то время как среди лиц с внешним локусом контроля эффективные ответы без применения тактических приемов дали лишь 17,3% испытуемых. Статистический анализ подтвердил большую эффективность показаний лиц с интернальным локусом контроля по сравнению с экстернальным ($p \leq 0,05$).

В связи с необходимостью применения дополнительных тактических приемов именно в отношении лиц с внешним локусом контроля, дальнейшее исследование было сосредоточено на представителях данной группы. С помощью методики Мини-мульт среди экстерналов были выделены три ключевые подгруппы испытуемых с ведущими пиками в личностном профиле: «истерия» (36,28%), «психастения» (32,3%), «шизоидность» (31,42%).

Среди лиц с внешним локусом контроля и пиком по шкале «истерия» наиболее эффективными оказались следующие тактические приемы: «обратный рассказ произошедшего», «свободный рассказ», «максимальная детализация», «положительная оценка», «интерес к личности допрашиваемого» и «юмор» (табл. 1).

Таблица 1

Эффективность применения тактических приемов в группе лиц с внешним локусом контроля и пиком по шкале «истерия»

Тактические приемы	Количество показаний, ставших более точными и детализированными после применения данного приема	Коэффициент корреляции	Уровень значимости
Обратный рассказ произошедшего	22,2%	0,746	0,01
Свободный рассказ	20%	0,812	0,01
Максимальная детализация	20%	0,659	0,01
Положительная оценка	28%	0,545	0,01
Интерес к личности	30%	0,545	0,01
Юмор	19%	0,43	0,01

Для представителей данной подгруппы характерна повышенная эмотивность, черты демонстративности, потребность в сопричастности к общему настроению окружающих. Свойственная им потребность в социальном одобрении проявилась в рамках проведенного исследования в тенденции давать существенно более насыщенные деталями ответы по сравнению с ответами «психастеников» и «шизоидов» с внешним локусом контроля. При этом их показания зачастую отличались путанностью (сомнения в наличии той или иной детали, «ошибки» в локализации внешних объектов и пр.), что не позволило отнести их к категории «эффективных» свидетелей, что и определило применение тактических приемов. Наиболее эффективными тактическими приемами допроса данной подгруппы свидетелей оказались приемы «свободный рассказ», «максимальная детализация» и «обратный рассказ ситуации» в связи с тем, что данные приемы позволяли оживить в памяти описываемое событие, заново его пережить, что в итоге позволяло сосредоточиться на воспоминании увиденного и значительно снижало «ошибки» в показаниях. При этом важную роль играли такие приемы, как «положительная оценка», «интерес к личности допрашиваемого» и «юмор», что объясняется тем, что данные действия, в первую очередь, были направлены на установление психологического контакта с допрашиваемым лицом. Так, выражение симпатии, похвала и поддержка со стороны экспериментатора снижали напряжение и позволяли добиться более качественных показаний у лиц с выраженным истерическим радикалом. Вместе с тем, данные приемы отвечают не только потребности демонстративных лиц в признании их значимости и уникальности, но и, по мнению авторов, являются

достаточно универсальными, эффективными тактическими приемами для допроса экстровертированных лиц.

Среди лиц с внешним локусом контроля и пиком по шкале «психастения» наиболее эффективными оказались тактические приемы «разъяснение значимости сведений» и «юмор» (табл. 2).

Таблица 2

Эффективность применения тактических приемов в группе лиц с внешним локусом контроля и пиком по шкале «психастения»

Тактические приемы	Количество показаний, ставших более точными и детализированными после применения данного приема	Коэффициент корреляции	Уровень значимости
Разъяснение значимости сведений	22,2%	0,524	0,05
Юмор	22,2%	0,626	0,01
Ассоциации по времени и контрасту	3%	-0,338	0,05
Свободный рассказ	3%	-0,398	0,05
Обратный рассказ	3%	-0,359	0,05

Для данной подгруппы лиц характерны неуверенность в себе, склонность к волнению по малозначительным поводам, боязливость в выполнении дел и их повторной проверке, чувство вины, нерешительность, доминирование мотивации избегания неудач. Во время смоделированного допроса данные особенности проявились в коротких, неинформативных ответах и скованном поведении испытуемых. Причем, как видно из табл. 2, необходимость выполнения таких дополнительных неопределенных для испытуемых действий, как поиск ассоциаций, рассказ в обратном порядке и свободный рассказ, лишь повышает тревожность психастеников и тем самым не приводит к достижению желаемого результата – повышению детализации и точности показаний. При этом юмор, наиболее эффективный прием в данной подгруппе, снижает проявления напряженности, а разъяснение значимости предоставляемых сведений дополнительно мотивирует и направляет лиц с психастеническим личностным радикалом.

Среди лиц с внешним локусом контроля и пиком по шкале «шизоидность» наиболее эффективными тактическими приемами явились «ассоциации по времени и контрасту», «положительная оценка», «интерес к личности» и «обращение к здравому смыслу» (табл. 3).

Таблица 3

Эффективность применения тактических приемов в группе лиц с внешним локусом контроля и пиком по шкале «шизоидность»

Тактические приемы	Количество показаний, ставших более точными и детализированными после применения данного приема	Коэффициент корреляции	Уровень значимости
Ассоциации по времени и контрасту	31,9%	0,751	0,01
Положительная оценка	19,1%	0,522	0,05
Интерес к личности	19,1%	0,542	0,05
Обращение к здравому смыслу	17,1%	0,670	0,01
Разъяснение значимости сведений	3%	-0,545	0,01

Для лиц с шизоидной направленностью личности характерны такие черты, как замкнутость, пассивность, некоммуникабельность, некоторое своеобразие суждений и поступков, эмоциональная отгороженность и непрактичность. Характерной чертой поведения данных испытуемых во время «допроса» являлась их замкнутость и отсутствие активности в процессе беседы. Эффективность приемов «положительная оценка» и «интерес к личности», как и в случае с демонстративными лицами, обусловлена необходимостью установления психологического контакта, но, в отличие от подгруппы лиц с истерическим радикалом, лиц с шизоидной направленностью необходимо заинтересовать самой ситуацией проведения допроса и содержанием беседы (демонстрационного материала), получив тем самым от них эмоциональный отклик. В то же время наиболее эффективными приемы для повышения детализации свидетельских показаний шизоидов являются «ассоциации по времени и контрасту» и «обращение к здравому смыслу», как в большей мере рациональные мнемические приемы, понятные для лиц данной подгруппы. При этом обращение внимания лиц с шизоидной направленностью на значимость сообщаемых им сведений не играет для таких свидетелей никакой роли в силу их интровертированности и склонности опираться на внутренние критерии оценки.

Следует отметить, что тактический прием «подстройка по телу» не смог быть достоверно зафиксированным, в связи с чем он не был статистически обработан. При этом данный прием применялся ко всем испытуемым экстерального типа, но нет достоверных

доказательств того, что он повысил эффективность дачи ответов. Однако авторы склонны считать, что данный прием является довольно эффективным при проведении допроса, особенно с лицами истероидного и шизоидного типов личности, в связи с необходимостью налаживания особого психологического контакта с такими свидетелями.

Выводы

1. Испытуемые с внутренним локусом контроля в ситуации моделирования допроса дают ответы более эффективно (без применения тактических приемов), чем испытуемые с внешним локусом контроля.

2. В зависимости от личностной направленности эффективными являются различные тактические приемы.

3. При допросе лиц с внешним локусом контроля и демонстративным личностным радикалом целесообразнее на фоне «юмора», «положительной оценки» и «интереса к личности допрашиваемого» применять тактические приемы «свободный рассказ», «максимальная детализация» и «обратный рассказ ситуации».

4. При допросе лиц с внешним локусом контроля и психастеническим личностным радикалом целесообразнее применять тактические приемы «разъяснение значимости сведений» и «юмор».

5. При допросе лиц с внешним локусом контроля и шизоидным личностным радикалом целесообразнее применять такие тактические приемы, как «положительная оценка», «интерес к личности допрашиваемого», «обращение к здравому смыслу» и «ассоциации по времени и контрасту».

Литература

1. *Бастрыкин А.И.* Криминалистика: техника, тактика и методика расследования преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юридический центр пресс, 2010. 502 с.
2. *Васкэ Е.В.* Психология допроса несовершеннолетних правонарушителей и жертв сексуального насилия. Москва: Генезис, 2014. 312 с.
3. *Еникеев М.И.* Следственные действия: психология, тактика, технология / М.И. Еникеев, В.А. Образцов, В.Е. Эминов. Москва: Проспект, 2011. 216 с.
4. *Ефремов И.В.* Полиграф как средство доказывания // Российский полиграф. 2010. № 7. С. 105–107.
5. *Жогин Н.В.* Теория доказательств в советском уголовном процессе. М.: Юридическая литература, 1973. С. 502–511.
6. *Кертэс И.* Тактика и психологические основы допроса / Под общ. ред. А.И. Винберга. М.: Юридическая литература, 1965. 164 с.
7. *Пиков И.Е.* Учет особенностей темперамента и характера человека в процессе его допроса // Известия российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2012. № 133. С. 112–118.
8. *Сорочкин А.С.* Криминалистическая тактика: учебник для высш. учеб. заведений. М.: Юрлитинформ, 2013. 278 с.
9. *Якушин С.Ю.* Тактические приемы при расследовании преступлений. Казань: Издательство Казанского университета, 1983. 105 с.

The personal characteristics of witnesses as the basis of choice of tactics of interrogation

Zharinov A.I., a graduate of the faculty of Legal psychology of MGPPU (zharinov68001@gmail.com)

Kalashnikova A.S., PhD, associate Professor of clinical and forensic psychology, Legal psychology faculty of MGPPU, senior researcher FGBU «FMSCPN named V.P. Serbsky» of The Ministry of health (kaspsy@mail.ru)

The article is devoted to studying of psychological features of persons influencing the choice of tactics of interrogation of witnesses. In this study 70 students took part with incomplete higher education between the ages of 18 to 21 years. The experimental group consisted of 35 people with type external locus of control, a control group – 35 people with type internal locus of control. Was conducted a multifaceted study of the individual and identified groups of people with hysteroid, schizoid and psychasthenic personal orientation, which were selected ten theory-based, efficient tactic, allowing to improve the effectiveness of testimony. According to the results the efficiency of testimony depends on the type of locus of control, when the person has a internal locus control efficiency response without the use of tactics is significantly higher than in subjects with external type of locus of control. Were given ecommendations to improve the effectiveness of testimony to persons with internal and external locus of control in the process of interrogation depending on the personal profile.

Keywords: interrogation, witness testimony, questioning choice of tactics, external and internal locus of control.

References

1. Bastrykin A.I. Kriminalistika: tekhnika, taktika i metodika rassledovaniya prestuplenii [Forensics: techniques, tactics and methodology of investigation of crimes]. 2-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe: Saint-Petersburg: Yuridicheskii tsentr press, 2010. 502 p.
2. Vaske E.V. Psilogiya doprosa nesovershennoletnih pravonarushiteley i zherty seksualnogo nasiliya [The psychology of interrogation of juvenile offenders and victims of sexual violence]. Moskow: Genezis, 2014. 312 p.
3. Enikeev M.I. Sledstvennye deistviya: psikhologiya, taktika, tekhnologiya [Investigative actions: psychology, tactics, technology] / M.I. Enikeev, V.A. Obratsov, V.E. Eminov. Moscow: Prospekt, 2011. 216 p.
4. Efremov I.V. Poligraf kak sredstvo dokazyvaniya [The polygraph as a means of proof]. Rossiiskii poligraf [Russian polygraph]. 2010. №7. Pp. 105-107.

5. Zhogin N.V. Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom protsesse [Proof theory in the Soviet criminal process]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1973. Pp. 502-511.
6. Kertes I. Taktika i psikhologicheskie osnovy doprosa [Tactics and psychological bases of interrogation] / pod obshch. red. A.I. Vinberga. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1965. 164 p.
7. Pikov I.E. Uchet osobennostei temperamenta i kharaktera cheloveka v protsesse ego doprosa [The peculiarities of the temperament and character of a person in the process of his interrogation]. *Izvestiya rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena [Izvestia of Russian state pedagogical University named A. I. Herzen]*. 2012. №133. Pp. 112-118.
8. Sorochkin A.S. Kriminalisticheskaya taktika: uchebnyk dlya vysshikh uchebnykh zavedenii [Forensic tactics: textbook for higher educational institutions]. Moscow: Yurlitinform, 2013. 278 p.
9. Yakushin S.Yu. Takticheskie priemy pri rassledovanii prestuplenii [Tactics in the investigation of crimes]. Kazan: Publ. Kazanskogo universiteta, 1983. 105 p.

Социально-психологические особенности людей, отказывающихся проходить опрос с использованием полиграфа

Камшуков А.В., аспирант, кафедры «Общая психология» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (noraper@yandex.ru)

Константинов В.В., кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Общая психология» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (konstantinov_vse@mail.ru)

В статье рассматриваются аспекты изучения социально-психологических особенностей людей, отказывающихся проходить опрос с использованием полиграфа. Авторы предлагают рассмотреть возможность анализа и изучения данного предметного поля с позиции социальной психологии, а не в рамках распространенных психофизиологических интерпретаций. Опрос с использованием полиграфа – сложная процедура, как повышающая тревожность испытуемых, так и оказывающая стрессовое воздействие. Процесс отказа связывается с нарушением адаптивного поведения индивидов, а также с ослаблением общей адаптации к изменяющимся условиям. Научно обосновывается и экспериментально доказывается связь между отказом от процедуры опроса с использованием полиграфа и переходом адаптации в дезадаптацию личности. Авторы рассматривают адаптацию и адаптивное поведение через способность личности к успешной социализации, умение преодолевать стрессовые ситуации, а также уровень тревожности и тревожного поведения. В статье приводятся объективные данные, раскрывающие социально-психологические особенности людей отказывающихся от прохождения тестирования на полиграфе, их индивидуально-психологические особенности и выявленные закономерности изучаемого феномена.

Ключевые слова: социально-психологическая адаптация, дезадаптация, опрос с использованием полиграфа, стресс, тревожность личности.

Для цитаты:

Камшуков А.В., Константинов В.В. Социально-психологические особенности людей, отказывающихся проходить опрос с использованием полиграфа. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 4. С.166-176. doi: 10.17759/psylaw.2016060415

For citation:

Kamshukov A.V., Konstantinov V.V. Socio-psychological characteristics of people who refuse to take the survey using the polygraph. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no. 4. pp.166-176. doi: 10.17759/psylaw.2016060415

Проблема

В условиях социально-экономического кризиса особенно ярко стоит проблема качественного подбора персонала, способного успешно решать поставленные руководством задачи с максимально эффективным результатом. Поступая на работу, человек попадает в новые условия, что обуславливает необходимость его активного включения в систему социальных отношений в организации, усвоения и принятия новых для данной личности социальных ролей, ценностей, норм коллектива, в дальнейшем согласования своей индивидуальной позиции с существующими целями и задачами как самой организации, так и конкретной группы (трудового коллектива).

Перед любой организацией особенно остро встает вопрос о подборе благонадежного персонала, не имеющего связей с криминальным миром, свободного от вредных привычек, и не способного на совершение правонарушений и преступлений, которые могут оказать как экономический, так и социально-психологический ущерб (например, имиджу компании и т. д.). В связи с этим во многих современных компаниях и организациях используется, наряду со стандартными методами подбора персонала, метод психофизиологической оценки (тестирование на полиграфе) [8]. Опрос с использованием полиграфа активно используется компаниями и государственными организациями, деятельность которых связана с: денежными средствами, коммерческой и государственной тайной, высокой стоимостью оборудования, вверенного сотрудникам, работой с опасными предметами и веществами и т. д.

Мы считаем что теоретически и практически значимым является решение комплекса задач по выявлению социально-психологических особенностей людей, проходящих опрос с использованием полиграфа (далее ОИП). В данной работе мы не будем останавливаться на рассмотрении психофизиологических особенностей прохождения опроса на полиграфе, а обратим свое внимание на социально-психологические аспекты.

Методологической основой работы являются: субъектный подход как общенаучная методология, принятая в философии, психологии и других науках (К.А. Абульханова, Б.Г. Ананьев, А.В. Брушлинский, А.Л. Журавлев, С.Л. Рубинштейн, В.И. Слободчиков, А.С. Чернышев и др.); идеи системного и деятельностного подходов в социальной психологии (Б.Ф. Ломов, А.Н. Леонтьев, Б.Д. Парыгин, А.В. Петровский, К.К. Платонов, В.В. Рубцов, С.В. Сарычев, Л.И. Уманский) [3; 5; 2].

В своем исследовании мы опираемся на следующие теоретические положения: о трехкомпонентной структуре адаптации (С.В. Штак, А.Г. Маклаков, А.В. Морозов); об адаптации как социально-психологическом и психическом явлении (Д.Н. Дубровин, К.К. Платонов, М.В. Сандомирский, И.А. Милославова, Ф.Б. Березин, В.В. Константинов, А.А. Реан, С.В. Семенова и другие) [1; 4; 6; 9;].

В качестве факторов, влияющих на личность в ситуации предстоящего опроса с использованием полиграфа, нами были выделены: степень социализации личности; степень тревожности личности как показатель, определяющий уровень готовности личности к новым условиям деятельности и взаимодействия. В качестве критериев, определяющих социально-психологические особенности людей, отказывающихся проходить опрос с использованием полиграфа нами определяются: диагностируемые характеристики адаптации (общая готовность личности к новым условиям жизнедеятельности) и дезадаптация личности (как механизм психологической не готовности к новым условиям напряженной жизнедеятельности).

Отметим, что как психологический феномен адаптация, включает в себя все виды активности и жизнедеятельности человека, что говорит о том, что процесс адаптации личности является одним из важнейших звеньев любых психических процессов, связанных с поведением [1].

В своей работе мы будем использовать следующее определение термина адаптация: «...процесс активного приспособления индивида к условиям социальной среды в целом или к отдельным ее проявлениям» [3, с. 216].

По мнению К.Д. Шафранской, адаптационный процесс включает в себя четыре стадии:

- 1) деструктивная реактивность (рассогласование функций и процессов организма);
- 2) стабилизация (такие показатели, которые обеспечивают успешную психическую деятельность в состоянии напряжения и определяют оптимальные энергетические траты организма);
- 3) функциональная регрессия (снижение продуктивности деятельности организма и его приспособительных способностей);
- 4) перестройка структуры личности [9].

Заметим, что в жизнедеятельности человека ведущие позиции занимает реализация (или изменение) его социального статуса в различных видах деятельности. Так, Е.В. Мороденко говорит о том, что область адаптационных явлений включает в себя: «...социальный статус; профессиональное самоопределение; сформированность социально значимых способностей и качеств; положение в коллективе...» [5, с. 109].

Социально-психологическая адаптированность проявляется в виде оптимального состояния внутренних и внешних взаимоотношений личности и группы, в процессе продуктивного выполнения личностью ведущей деятельности. В процессе реализации такой деятельности, личность способна удовлетворить свои потребности (социогенные, по А.А. Налчаджяну) и оправдывает ролевые ожидания, предъявляемые к ней значимой группой, тем самым обеспечивая эффективные процессы самореализации и самоутверждения [6].

Дезадаптация (социальная) рассматривается нами как нарушение процесса адаптивного поведения индивида на фоне как объективно, так и субъективно существующих внутренних и внешних причин, определяющих сопротивление, несогласие и реакцию самозащиты личности.

Находясь в условиях необходимости прохождения опроса с использованием полиграфа, индивид испытывает достаточно сильное давление, в первую очередь обусловленное типом реакции личности на стрессовые ситуации (и стресс в целом), что отражается в значительном нарастании «сопротивления» по отношению к предстоящей процедуре и может приводить к возникновению отказа. В рамках нашего эмпирического исследования мы рассматривали те ситуации и особенности индивидов, которые, на наш взгляд, могли быть обусловлены возникновением дезадаптации.

В социальной психологии выделяют следующие причины возникновения состояния дезадаптации.

1. Стресс и стрессовые ситуации, вызванные как внутренними причинами (различные заболевания, нарушение процесса социализации и т. д.), так и внешними (конфликты и проблемы на работе, невозможность самореализации и т. д.);

2. Экстремальные ситуации (закритические ситуации), в которых человек переживал сильный страх, ужас, чувство беспомощности. Такие ситуации нередко приводят к возникновению посттравматического стрессового расстройства.

3. Включение в новую социальную ситуацию, группу, нарушение системы взаимоотношений в референтной группе.

Состояние дезадаптации проявляется в отклонении на поведенческом уровне, что выражается в отказе от предписаний, которые раньше не вызывали противодействия со стороны личности, и в конечном итоге приводит к возникновению конфликтных ситуаций. Такое поведение, в итоге способствует формированию чувства социальной незащищенности личности, тем самым актуализируя процессы дезадаптивного поведения.

Цель исследования: определение и эмпирическая проверка социально-психологических особенностей людей, отказывающихся проходить опрос с использованием полиграфа.

В качестве рабочей гипотезы, нами было выдвинуто предположение о том, что отказ от прохождения опроса с использованием полиграфа обуславливается следующими социально-психологическими факторами:

- а) уровнем включенности личности в социальную среду;
- б) степенью внутренней тревожности и типом реакции на стрессовые ситуации;
- в) развитием процессов дезадаптации и дезадапционного поведения в ситуации тестирования.

Эмпирическая база и методы исследования

Исследование проводилось в 2015–2016 гг. на базе ООО ЧОП «ПРОФИ» и ПАО КБ «Восточный экспресс банк» г. Пенза. Всего в исследовании приняло участие 256 соискателей вакантных должностей, в данных организациях (154 - женщины и 102 – мужчины). Возраст испытуемых от 21 до 35 лет. Поступление на открытые вакансии предполагало обязательную процедуру проверки с использованием полиграфа.

В соответствии с гипотезой был использован комплекс методик: наблюдение, контент-анализ, опросные методы (опросник «Актуальные состояния», опросник определяющий склонность к развитию стресса по Т.А. Немчину и Тейлору, Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина, методика «Прогноз-2» В.Ю. Рыбникова, Шкала реактивной (ситуативной) и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина) [7].

Для обработки эмпирических данных применялись стандартные методы математической статистики – средние величины, критерий Стьюдента и корреляционный анализ.

Результаты и их обсуждение

Для определения уровня психологической адаптации личности к условиям необходимости прохождения опроса с использованием полиграфа нами применялась методика, позволяющая определить актуальное психическое состояние личности в данный момент (табл. 1).

Таблица 1

Уровень актуального психического состояния испытуемых, отказавшихся пройти опрос с использованием полиграфа

№ п/п	Шкалы	Х среднее	
		Группа 1	Группа 2
1	Активация–деактивация	27,6	51,9
2	Тонус: высокий–низкий	29,3	49,9
3	Самочувствие: комфортное–дискомфортное	21	44,3
4	Спокойствие–тревога	19,7	42,5
5	Возбуждение эмоциональное: высокое–низкое	51,4	32,6

Следует отметить, что в ходе изучения актуального психического состояния нами были выделены в выборке испытуемых две группы.

- Группа 1, характеризуется: низкой готовностью к деятельности; проявлением безынициативности по отношению к ситуации исследования; заметной утомляемостью; сниженной работоспособностью и инертностью; ощущением телесного дискомфорта; переживанием чувства тревоги и беспокойства; высоким уровнем эмоционального возбуждения; невоздержанным реагированием на ситуацию ОИП.

- Группа 2, отличается тем, что в ней у испытуемых наблюдается: желание изменить ситуацию, преодолеть трудности (в данном случае отказавшись от процедуры ОИП); испытуемые находятся в состоянии бодрости и повышенного тонуса; у них относительно высокая работоспособность; незначительное ощущение телесного дискомфорта; чувство тревоги ниже среднего; эмоциональное возбуждение понижено.

Поскольку сама процедура опроса с использованием полиграфа является ситуацией стресса (и психологического и физического) для организма, нами была изучена склонность испытуемых к развитию стресса и стрессовых состояний (табл. 2).

Таблица 2

Изучение склонности к развитию стресса и стрессовых состояний у лиц, отказывающихся проходить ОИП

№ п/п	Показатель	Среднее значение в%
1	Низкий уровень тревоги и высокая стрессоустойчивость	21,39
2	Высокий уровень тревоги и низкая стрессоустойчивость	78,61

Мы установили, что у 78,61 % испытуемых отмечается высокий уровень тревоги и низкая стрессоустойчивость по отношению к процедуре ОИП, что определяет их отказ от прохождения процедуры, в то время как у 21,39 % испытуемых, на фоне низкого уровня тревоги и высокой стрессоустойчивости, также наблюдается отказ от процедуры ОИП.

По нашему мнению, такое явление связано с тем, что в первой группе испытуемых (78,61 %) наблюдается стойкая дезадаптация к ситуации ОИП, в то время как у второй группы (21,39 %) социально-психологические механизмы адаптации снижены, но еще не перешли в категорию дезадаптивных процессов.

По нашему мнению, социально-психологическая адаптация к условиям стрессовой ситуации (которую представляет ОИП) определяется степенью нервно-психической устойчивости и общей тревожностью личности. Нам удалось установить, что в представленной выборке испытуемые имеют как благоприятный, так и неблагоприятный уровень нервно-психической устойчивости (табл. 3).

Таблица 3

Уровень нервно-психической устойчивости испытуемых, отказавшихся проходить опрос с использованием полиграфа

№ п/п	Показатель	Уровень в %
1	Высокий	4,6
2	Хороший	18,8
3	Удовлетворительный	73,9
4	Неудовлетворительный	2,7

Испытуемые с показателем в 4,6/18,8 имеют высокий и хороший уровень нервно-психической устойчивости, для них характерна низкая вероятность срывов в условиях экстремальных и стрессовых ситуаций, о этом же свидетельствуют и диагностируемые показатели адаптации выше среднего. Большая часть испытуемых, отказывающихся проходить опрос с использованием полиграфа, имеют удовлетворительный (73,9) и неудовлетворительный (2,7) показатель нервно-психической устойчивости. Такие испытуемые характеризуются нарушением психической деятельности в экстремальных ситуациях и ситуациях стресса, проявлением относительно высокой дезадаптации к условиям неопределенности, неготовностью к новым видам деятельности и активности.

Также нами было изучено состояние уровня ситуативной и личностной тревожности у испытуемых (табл. 4).

Таблица 4

Состояние уровня ситуативной и личностной тревожности у испытуемых

№ п/п	Тревожность		Показатель в %
	Личностная	Ситуативная	
1	Высокая	Высокая	71,5
2	Высокая	Низкая	19,3
3	Низкая	Высокая	5,6
4	Низкая	Низкая	3,6

Как видно из табл. 4, значительная часть испытуемых (71,5 %) имеют высокий уровень личностной и ситуативной тревожности, 19,3% испытуемых отличаются высоким уровнем личностной и низким уровнем ситуативной тревожности, также имеется незначительное количество испытуемых (5,6 %), которые на фоне низкой личностной тревожности проявляют высокую ситуативную тревожность, и 3,6 % испытуемых, имеющих низкое значение обоих показателей тревожности.

Эти данные отражают проявление дезадаптивных процессов по отношению к процедуре ОИП от высокого уровня дезадаптации к низкому (пониженному уровню адаптации).

Выводы

1. В условиях необходимости прохождения опроса с использованием полиграфа при трудоустройстве у большинства испытуемых наблюдается изменение процессов адаптивного поведения, как в виде снижения социально-психологической адаптации к стрессовым ситуациям и ситуациям напряженности, так и в виде проявления дезадаптации и элементов дезадаптивного поведения.

2. К социально-психологическим особенностям людей, отказывающихся проходить опрос с использованием полиграфа, нами выделяются:

- повышенная тревожность и низкая стрессоустойчивость;
- относительно низкие показатели нервно-психической устойчивости и, как следствие, нарушение процесса социализации и приспособления к новым видам активности (в том числе и напряженной);

- высокий уровень личностной и ситуативной тревожности, а также низкая готовность к деятельности, повышенная психическая и физическая утомляемость, высокое эмоциональное возбуждение, повышенное чувство беспокойства.

3. Также мы считаем, что нарушение процессов социально-психологической адаптации отражается не только в неспособности к организации своей жизнедеятельности независимо от уровня ее напряженности, но также оказывает заметное влияние на самооценку испытуемых.

Литература

1. Глебов В.В., Аникина Е.В., Рязанцева М.А. Различные подходы изучения адаптационных механизмов человека // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 5.
2. Горьковая И.А., Баканова А.А., Маликова Т.В. Технологии психологической помощи в кризисных и чрезвычайных ситуациях: учеб.-метод. комплекс. СПб.: Изд-во РГПУ имени А.И. Герцена. 2008, 249 с.
3. Константинов В.В. Адаптация личности: теория и диагностика. учеб.-метод. пособие; Пензенский государственный педагогический ун-т имени В.Г. Белинского. Пенза, 2005. 77 с.
4. Константинов В.В., Дьяков В.В. Социально-психологическая адаптация личности в контексте связи социальной фрустрированности и персональной идентификации [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 11(19). 45с. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskaya-adaptatsiya-lichnosti-v-kontekste-svyazi-sotsialnoy-frustrirovannosti-i-personalnoy-identifikatsii> (дата обращения: 21.09.2016).
5. Журавлев А.Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30, № 5. С. 72–80.
6. Налчаджян А.А. Социально-психологическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии). Ереван: АН АрмССР, 1988. С. 43–65.
7. Холодный Ю.И. Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений: Генезис и правовые аспекты: Монография. М. : Мир безопасности. 2000. 160 с.
8. Шафранская К.Д. Адаптивные реакции при психических состояниях человека. М.: Академ. Книга, 1993. 174 с.
9. Щербатых Ю.В. Психология стресса. М.: Эксмо, 2005. 304 с.

Socio-psychological characteristics of people who refuse to take the survey using the polygraph

Kamshukov A.V., Postgraduate student, Penza State University (nopaper@yandex.ru)

Konstantinov V.V., PhD (Psychology), associate professor, Penza State University (konstantinov_vse@mail.ru)

The article discusses aspects of the study of socio-psychological characteristics of people who refuse to take the survey using the polygraph. The authors propose to consider the analysis and study of this subject field from the perspective of social psychology, but not within a common psychophysiological interpretations. A survey using polygraph is a complex procedure, as the increasing anxiety of the subjects, and providing stress. Process failure associated with violation of adaptive behavior of individuals, weakness of General adaptation to changing conditions. Scientifically justified and experimentally proved the link between the cancellation of the survey using the polygraph and the transition of adaptation to deadaptation of the personality. The authors consider adaptation and adaptive behavior through the individual's ability to successful socialization, ability to overcome stressful situations and the level of anxiety and disturbing behavior. The article presents objective data, revealing socio-psychological characteristics of people who refuse to undergo testing on a polygraph, their individual psychological characteristics and regularities of the studied phenomenon.

Key words: socio-psychological adaptation, disadaptation, the survey using the polygraph, stress, anxiety personality.

References

1. Glebov V.V., Anikina E.V., Ryazantseva M.A. Razlichnye podkhody izucheniya adaptatsionnykh mekhanizmov cheloveka [The different approaches of studying Human adaptation mechanisms]. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [The world of science, culture, education] 2010. no. 5.
2. Gor'kovaya I.A., Bakanova A.A., Malikova T.V. Tekhnologii psikhologicheskoi pomoshchi v krizisnykh i chrezvychaynykh situatsiyakh: Uchebno-metodicheskii kompleks [Technologies psychological assistance in crisis and emergency situations]. Saint-Petersburg: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena. 2008. 249 p
3. Konstantinov V.V. Adaptatsiya lichnosti: teoriya i diagnostika [Adaptation of personality: Theory and Diagnosis] ucheb.-metod. posobie; Penzenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii un-t im. V.G. Belinskogo. Penza, 2005., 77 p.

4. Konstantinov V.V., D'yakov V.V. Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya lichnosti v kontekste svyazi sotsial'noi frustrirovannosti i personal'noi identifikatsii [Elektronnyi resurs] [Social-psychological adaptation of the person in the context of due social frustration and personal identification]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Recent studies of social problems]. 2012. №11(19). 45 p. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskaya-adaptatsiya-lichnosti-v-kontekste-svyazi-sotsialnoy-frustrirovannosti-i-personalnoy-identifikatsii> (Accessed: 21.09.2016).
5. Zhuravlev A.L. Kollektivnyi subekt: osnovnye priznaki, urovni i psikhologicheskie tipy [The collective subject: the main features, levels and types of psychological]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal] 2009. T. 30, № 5. P. 72-80.
6. Nalchadzhyan A.A. Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya lichnosti (formy, mekhanizmy i strategii) [Socio-psychological adaptation of the Person (forms, mechanisms and strategies)]. Erevan: AN ArmSSR. 1988. P. 43-65.
7. Kholodnyi, Yu. I. Primenenie poligrafa pri profilaktike, raskrytii i rassledovanii prestuplenii: Genezis i pravovye aspekty: Monografiya [The use of Polygraph in the prevention, detection and investigation of crimes: Genesis and legal aspects]. Moscow.: Mir bezopasnosti. 2000. 160 p.
8. Shafranskaya K.D. Adaptivnye reaktsii pri psikhicheskikh sostoyaniyakh cheloveka [Adaptive reactions at the human mental states]. Moscow.: Akadem. Kniga. 1993. 174 p.
9. Shcherbatykh Yu.V. Psikhologiya stressa [Stress Psychology]. Moscow.: Izd-vo Eksmo. 2005. 304 p.

Проблемы организационно-штатного обеспечения психологической работы в подразделениях госавтоинспекции

Петров В. Е., кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, ФКУ «Научно-исследовательский центр проблем безопасности дорожного движения МВД России» (*v.e.petrov@yandex.ru*)

Кокурин А. В., кандидат психологических наук, доцент, декан факультета экстремальной психологии, Московский городской психолого-педагогический университет (*kokurin1@bk.ru*)

Юринова Ю. В., инспектор по особым поручениям отдела государственной службы и кадров ГУОБДД МВД России

Статья посвящена анализу проблем организационно-штатного обеспечения психологической работы в подразделениях Госавтоинспекции. Детализирован круг задач, которые необходимо реализовать психологам, и специфика деятельности Госавтоинспекции. Раскрыты особенности проведения мероприятий по профессиональному психологическому отбору кандидатов на службу, психологической подготовке, профилактике и иным видам обеспечивающей деятельности. Потенциально конфликтное взаимодействие инспекторов Госавтоинспекции с участниками дорожного движения, невозможность прогнозирования дорожных ситуаций и психотипов водителей обуславливают необходимость обращения к психологическому знанию и приложения постоянных усилий специалистов-психологов. Показано, что замена штатных психологов Госавтоинспекции психологами территориального органа внутренних дел не будет равнозначной ни по объему проводимой работы, ни по ее качеству. Психологическая работа с личным составом Госавтоинспекции должна осуществляться только психологами этого подразделения. В конечном счете деятельность психолога в Госавтоинспекции имеет выраженные перспективы и не может быть заменена деятельностью иных специалистов.

Ключевые слова: госавтоинспекция, психолог, психологическая работа, психологическая помощь, психологический отбор, психологическая подготовка, сравнительный анализ.

Для цитаты:

Петров В.Е., Кокурин А.В., Юринова Ю.В. Проблемы организационно-штатного обеспечения психологической работы в подразделениях госавтоинспекции.

[Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 4. С.177-185.
doi: 10.17759/psylaw.2016060416

For citation:

Petrov V.E., Kokurin A.V., Yurina Yu.V. Problems of the organizational providing of psychological work in divisions of the state traffic Inspectorate. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2016(6), no. 4. pp.177-185. doi: 10.17759/psylaw.2016060416

В настоящее время выполнение служебных задач сотрудниками Госавтоинспекции отличается открытым и публичным характером профессиональной деятельности, интенсивностью и разнообразием межличностных отношений, противоречивым и конфликтным характером общения с участниками дорожного движения, высоким уровнем психической напряженности труда, что, несомненно, ведет к ужесточению требований к решительности, быстроте, осознанности и активности профессиональных действий, а также к психологическим и морально-нравственным качествам.

В сравнении с иными службами полиции Госавтоинспекция ориентирована на взаимодействие с особой категорией граждан, существенно отличающихся друг от друга. Если оперуполномоченный уголовного розыска постоянно готов к активному противодействию со стороны представителей криминального мира, то служебная деятельность сотрудника Госавтоинспекции более непредсказуема. Так, инспектор ДПС ГИБДД не может спрогнозировать, с каким типом водителя, с каким его поведением или состоянием ему придется иметь дело в текущей ситуации. Это может быть лицо, достаточно состоятельное, юридически грамотное, нормативное, демонстрирующее доброе отношение к сотруднику. Однако, к сожалению, ежедневно сотрудники Госавтоинспекции сталкиваются с негативным информационно-психологическим воздействием, провокационным поведением участников дорожного движения, откровенным хамством. Видеоматериалы психологически непрофессиональных действий личного состава размещаются в средствах массовой информации, нанося серьезный вред имиджу всей полиции. В этом случае на первый план выходит умение сотрудника определить психотип участника дорожного движения, дифференцировать подход при организации общения с ним. Интенсивная коммуникация сотрудников ГИБДД с участниками дорожного движения, речевая активность, важность умения убеждать собеседника, успешно вести дискуссию, не поддаваясь на провокации, обуславливают необходимость уделять внимание их специальной подготовке. Однако обучить сотрудника заранее и в исчерпывающем объеме, предусмотреть все варианты развития дорожной ситуации и взаимодействия с совершенно разными водителями невозможно. Профессиональное мастерство совершенствуется в ходе ежедневных инструктажей, специальных занятий и тренингов. Центральная роль в поддержании профессионализма сотрудников отводится психологам [2]. В условиях оптимизации структуры и штатной численности полиции мы провели функционально-сравнительный анализ деятельности штатных психологов подразделений Госавтоинспекции и психологов территориальных органов внутренних дел (при работе с сотрудниками ГИБДД).

По состоянию на 01.08.2016 г. штатная численность Госавтоинспекции составляла 98 505 сотрудников, из них 181 – в штатной должности психолога (0,18% от общей численности). Несмотря на столь небольшой штат психологов (нагрузка на одного

специалиста составляет около 544 человека), ими выполняется значительный объем функций (согласно пп. 5.1-5.10 приказа МВД России от 02.09.2013 № 660 «Об утверждении положения об основах организации психологической работы в органах внутренних дел Российской Федерации»), а именно:

- проводятся в установленном порядке психологические обследования и специальные психофизиологические исследования с применением полиграфа, направленные на изучение, анализ и оценку индивидуально-психологических особенностей личности кандидатов на службу в органы внутренних дел (на должности сотрудников Госавтоинспекции), стажеров, сотрудников, перемещаемых по службе на другие должности. Так, в 2015 г. количество кандидатов, оформляемых на службу в подразделения Госавтоинспекции, составило 3841 человек (при этом около 6% кандидатов имели различные факторы риска). В соответствии с требованиями приказа МВД России от 01.10.2014 № 840 проверка личных и деловых качеств кандидатов осуществляется психологами кадровых подразделений и предусматривает проведение тестирования по девяти обязательным методикам, психологического обследования в форме беседы и психофизиологического исследования с применением полиграфа (СПФИ). Трудозатраты психолога на одного кандидата, поступающего на службу, без учета времени, необходимого на проведение СПФИ специалистом-полиграфологом, составляет порядка 5 человеко-часов (проведение тестирования, беседы, обработка результатов, подготовка заключения). Таким образом, психологами подразделений Госавтоинспекции только в рамках профессионального психологического отбора кандидатов на службу затрачено 19 205 человеко-часов или 2 400 человеко-дней;

- ежеквартально осуществляется изучение, анализ и оценка социально-психологического климата в служебных коллективах и морально-психологического состояния личного состава. Именно психологи конкретного подразделения, обладая максимальным объемом психологически значимой информации, наиболее точно способны прогнозировать динамику развития межличностных отношений, вероятность возникновения конфликтов;

- проводятся занятия по психологической тематике в системе морально-психологической подготовки личного состава Госавтоинспекции. При этом тематика занятий охватывает специфику деятельности ГИБДД, выстраиваясь на знании типологии штатных и экстремальных ситуаций в профессиональной служебной деятельности (развитие коммуникативной компетентности сотрудников Госавтоинспекции и психологической устойчивости в стрессовых ситуациях профессиональной деятельности, обучение навыкам защиты и противодействия негативному информационно-психологическому воздействию и провокационному поведению участников дорожного движения, формирование позитивного имиджа сотрудников, профилактика коррупционно опасного поведения сотрудников ГИБДД и др.), чем обеспечивается прикладная направленность подготовки;

- осуществляются мероприятия, направленные на выявление сотрудников, находящихся в кризисном состоянии, потенциально склонных к нарушению служебной дисциплины и законности, профилактику суицидальных происшествий и предупреждение профессиональной деформации личности. Отнесение отдельных сотрудников Госавтоинспекции к группе лиц, нуждающихся в повышенном психолого-педагогическом

внимании, требует системной и доверительной работы с ними, что объективно может сделать только психолог конкретного строевого подразделения ДПС ГИБДД;

- проводится консультирование сотрудников Госавтоинспекции по проблемам деятельности, разрешению кризисных ситуаций; психологи оказывают психологическую помощь и осуществляют реабилитационные мероприятия с охватом 70–80% личного состава.

В условиях оптимизации организационно-штатной структуры подразделений ГИБДД значимо повышается функциональная и психологическая нагрузка на личный состав, отмечается рост психологической напряженности и количества межличностных конфликтов, девиаций поведения, что требует еще более качественной психологической поддержки со стороны психолога, профессиональной помощи в выработке навыков стрессоустойчивости и повышения психической работоспособности с учетом специфики деятельности ГИБДД [1].

Отдельным вопросом стоит проблема обеспечения профессиональной компетентности психологов. Подавляющее большинство психологов Госавтоинспекции прошли специализированное обучение в Орловском юридическом институте МВД России имени В.В. Лукьянова или на базе ГУОБДД МВД России, что позволяет им успешно выполнять поставленные задачи. Только обладая специальными навыками диагностики и психологического сопровождения деятельности сотрудников, психолог может отвечать на современные запросы психологической практики. Обучение психологов территориальных органов внутренних дел по профилю Госавтоинспекции повлечет дополнительные расходы бюджетных средств и временный отрыв специалистов от непосредственной служебной деятельности.

Имеющиеся факты передачи территориальному органу внутренних дел, в составе которого сформировано строевое подразделение ДПС, полномочий психологического обеспечения выявили круг актуальных проблем. Так, в мае 2014 г. в результате организационно-штатных мероприятий сформирован отдельный батальон ДПС ГИБДД УМВД России по г. Пензе, в штате которого не предусмотрена должность психолога, а психологическое обеспечение служебной деятельности батальона возложено на соответствующее подразделение психологического обеспечения УМВД России по г. Пензе.

Анализ состояния дисциплины и законности в регионе за истекший период позволил выявить негативную тенденцию. По данным ГИАЦ МВД России, количество сотрудников ГИБДД УМВД России по Пензенской области, совершивших преступления и дисциплинарные проступки, в 2014 г. составляло 50 человек, в 2015 году – 101 (АППГ +102%, при среднероссийском показателе +18,07%). Полагаем, что столь значительный рост количества нарушителей дисциплины и законности стал возможным в том числе вследствие недостаточности проводимой психологической работы, без учета специфики деятельности подразделений Госавтоинспекции. Ранее (2011–2014 гг.), при наличии штатного психолога, показатели нарушений дисциплины и законности среди сотрудников Госавтоинспекции региона находились в пределах среднероссийских показателей.

Можно предположить, что сокращение психологической службы Госавтоинспекции с передачей функций территориальному органу внутренних дел, в составе которого сформировано строевое подразделение ДПС, приведет к значительному увеличению

нагрузки на психологов МВД по республикам, главных управлений и управлений МВД России – по иным субъектам Российской Федерации, территориальных подразделений МВД России – на городском и районном уровнях. Увеличение нагрузки не позволит психологам территориальных органов внутренних дел своевременно, в полном объеме и с учетом специфики деятельности различных служб оказывать качественную психологическую помощь и поддержку сотрудникам органов внутренних дел. Это может сказаться на состоянии исполнительской дисциплины и законности среди личного состава подразделений Госавтоинспекции, в частности, и МВД России в целом, что недопустимо в условиях повышенного общественного контроля к органам внутренних дел со стороны институтов гражданского общества.

Выборочный опрос штатных психологов подразделений Госавтоинспекции одиннадцати территориальных органов внутренних дел на региональном уровне, проведенный в августе 2016 г., показал, что существующий в настоящее время порядок организации профессионального психологического обследования кандидатов на службу в ОВД, в том числе на должности сотрудников подразделений ГИБДД, в большинстве строевых подразделений Госавтоинспекции на различном уровне предусматривает изучение особенностей личности и поведения граждан психологами, состоящими в штате территориальных органов внутренних дел, не относящимися к ГИБДД. То есть отбор кандидатов на службу в Госавтоинспекцию проводится централизованно в УРЛС (УМПО) сборной группой специалистов (силами всех штатных психологов территориального органа), включая психологов подразделений ГИБДД (однако, вероятность изучения личности кандидата профильным психологом составляет не более 10%). Установленный порядок проведения обследования ведет к снижению ответственности специалистов за результаты психологического отбора, не мотивирует их к качественному проведению обследований, не позволяет отслеживать успешность служебной деятельности и негативные изменения в личности сотрудников, прогнозировать и проводить профилактику возникновения чрезвычайных происшествий с личным составом. Практически все сотрудники Госавтоинспекции, кроме строевых подразделений, при любых перемещениях обследуются психологами МВД, ГУВД, УВД (т.е. личностные особенности, отклонения (девиации) поведения, проблемы психического развития сотрудников остаются вне контроля и ответственности психологов ГИБДД). Подобный подход отмечен в 54,5% подразделений (в 6 из 11), характеризующихся достаточно хорошей организацией психологической работы с личным составом. В регионах с низкой организационно-штатной обеспеченностью психологами Госавтоинспекции (отсутствием должностей) все диагностические мероприятия осуществляются психологами ОВД.

Особо остро стоит вопрос о привлечении психологов Госавтоинспекции к работе в особых условиях (командировки на территорию Северо-Кавказского региона или республики Крым, а также в иные регионы Российской Федерации при проведении массовых мероприятий, в том числе олимпиад, универсиад, саммитов и т. п.). В 2015–2016 гг. в подобных мероприятиях принимали участие более 50 психологов ГИБДД из разных регионов Российской Федерации. Психологи, которые замещают должности работников (временнонаемных) зачастую отказываются от направления их в подобные служебные командировки.

В рамках морально-психологического обеспечения служебной деятельности психологи систематически привлекаются к несению службы по охране общественного порядка, оказанию психологической помощи сотрудникам ГИБДД в сложных

профессиональных ситуациях (например, в случае значимых конфликтов с участниками дорожного движения, ДТП с большим количеством раненых и погибших). Проводится оценка психического состояния сотрудников перед заступлением на службу, посещаются инструктажи, проводимые с личным составом строевых подразделений (например, в 6.30, 07.00, 10.00, 19.00, 22.00). Подобные выезды требуют оперативности и готовности к действиям на удалении более 50–100 км от места постоянной дислокации в любой день недели и время суток. Например, расстояние между подразделениями УГИБДД по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области варьируется от 5 до 250 км, четыре строевых подразделения из девяти находятся за пределами города. Зачастую, психологу с целью проведения психологической работы и оказания психологической помощи необходимо прибыть к разводу или началу заступления на службу, что способен выполнить только аттестованный сотрудник, который не считается с личным временем. Вольнонаемные психологи апеллируют к строго нормированному рабочему дню, поэтому привлечь их к работе в таком режиме крайне проблематично.

При отсутствии должности штатного психолога возникает необходимость решения вопроса о доступности и своевременности психологической помощи при территориальной удаленности постоянной дислокации подразделений органов внутренних дел. В ряде субъектов Российской Федерации удаленность подразделений ДПС от территориальных органов внутренних дел, в составе которых они сформированы, может привести к нарушению принципа доступности психологической помощи. Недопущение нарушения указанного принципа потребует дополнительных материальных затрат на оплату проезда сотрудников к месту дислокации психологов или психологов для проведения диагностических, коррекционных, обучающих, реабилитационных и иных мероприятий по месту службы сотрудников.

Актуальность приобретет вопрос об обслуживании оснащенных и оформленных кабинетов психологической регуляции в строевых подразделениях ГИБДД, на которые затрачены немалые материальные средства. Можно предположить, что при отсутствии в подразделении штатной должности психолога соответствующее помещение со временем будет использоваться под иные задачи. Следовательно, возможно возникновение нецелевого использования ранее вложенных в оснащение подразделений по работе с личным составом материальных средств.

Таким образом, в случае передачи полномочий психологического обеспечения территориальному органу внутренних дел, в составе которого сформировано строевое подразделение ДПС, помимо ожидаемого снижения эффективности психологического сопровождения деятельности подразделений ГИБДД, можно прогнозировать более высокие финансовые издержки (обучение, оплата проезда и др.) по сравнению с содержанием уже имеющейся психологической службы Госавтоинспекции.

Эпизодичность и фрагментарность психологической работы, унифицированность действий психологов, отсутствие персональной ответственности за результаты – это то, что будет отличать ситуацию в случае привлечения психологов ОВД к работе с личным составом Госавтоинспекции. В конечном счете, замена штатных психологов ГИБДД психологами МВД, ГУВД, УВД не будет равнозначной ни по объему проводимой работы, ни по ее качеству, что существенно ухудшит показатели служебной деятельности Госавтоинспекции.

Литература

1. *Мальцева Т.В., Петров В.Е.* Перспективные направления психологической работы и психологических научных исследований в области совершенствования деятельности Госавтоинспекции // *Прикладная психология и педагогика*. 2016. Т. 1. № 1. С. 1–10. doi: 10.12737/18717.
2. *Петров В.Е.* Психологическое обеспечение профессиональной деятельности в МВД России (генезис, концепция, организация, критерии): монография. Домодедово: ВИПК МВД России, 2009. 222 с. Официальный сайт ФСИН РФ [Электронный ресурс]. 2016. URL: <http://www.fsin.su/> (дата обращения: 27.02.2016 г.)

Problems of the organizational providing of psychological work in divisions of the state traffic Inspectorate

Petrov V. E., Ph.D., associate professor, leading researcher of the Federal state institution Research Center of road safety Russian Interior Ministry (v.e.petrov@yandex.ru)

Kokurin A. V., PhD, associate Professor, Dean of the faculty of extreme psychology, Moscow city psychological and pedagogical University (kokurin1@bk.ru)

Yurinova Y. V., inspector for special assignments of Department of public service and personnel of the General Directorate for security of traffic of the Ministry of internal Affairs of Russia

The article analyzes the problems of the organizational providing of psychological work in divisions of the state traffic Inspectorate. Detailed the range of tasks that need to be implemented to psychologists, and specifics of the state traffic Inspectorate. The features of carrying out of activities of professional psychological selection of candidates for service, psychological training, prevention and other support activities. Potentially conflicting interaction of inspectors of traffic police with the participants of traffic, the inability to predict traffic situations and the psycho drivers necessitate treatment to psychological knowledge and the application of the constant efforts of specialists-psychologists. It is shown that the replacement of tenured psychologists psychologists state traffic Inspectorate of the territorial body of internal Affairs will not amount to nor the volume of work nor its quality. Psychological work with the personnel of the state traffic Inspectorate should only be carried out by psychologists of this unit. Eventually psychologist in the state traffic Inspectorate has expressed prospects and can not be replaced by the activities of other specialists.

Key words: police, psychologist, psychological work, psychological assistance, psychological selection, psychological training, comparative analysis.

References

1. Mal'tseva T.V., Petrov V.E. Perspektivnye napravleniya psikhologicheskoi raboty i psikhologicheskikh nauchnykh issledovaniy v oblasti sovershenstvovaniya deyatel'nosti Gosavtainspektsii [The perspective directions of psychological work and psychological scientific research in the field of improvement of activity of the State traffic inspectorate] // *Prikladnaya psikhologiya i pedagogika [Applied psychology and pedagogics]*. 2016. T. 1. No. 1. Page 1-10. DOI: 10.12737/18717.].

2. Petrov V.E. Psikhologicheskoe obespechenie professional'noi deyatel'nosti v MVD Rossii (genezis, kontseptsiya, organizatsiya, kriterii): monografiya [Psychological ensuring professional activity in the Ministry of Internal Affairs of Russia (genesis, the concept, the organization, criteria): monograph]. Domodedovo: VIPK MVD Rossii Domodedovo: VIPK Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009. 222 p.

Сравнительный анализ субъективной картины жизненного пути осужденных, состоящих на учете в уголовно – исполнительной инспекции

Дебольский М.Г., кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет; ведущий научный сотрудник, ФКУ НИИ ФСИН России (mdebolsky@mail.ru)

Левин Л.М., студент факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (levin_leonid@mail.ru)

Бокова Н.В., старший психолог отделения психологического сопровождения, ФКУ «Уголовно-исполнительная инспекция» УФСИН России по г. Москве, старший лейтенант внутренней службы (koroleva.natalia2010@gmail.com)

Одним из наиболее эффективных направлений психопрофилактической работы с преступниками является работа с субъективной картиной жизненного пути – историей индивидуального развития личности, которая разворачивается в реальном пространстве и времени. Предмет исследования – закономерности проявления субъективной картины жизненного пути у лиц, состоящих на учете в УИИ, и их влияние на дальнейшее развитие и становление личности. Базой для исследования послужило ФКУ «Уголовно – исполнительная инспекция» УФСИН России по г. Москве. Выборку составили 50 мужчин в возрасте от 20 до 62 лет, состоящих на учете в УИИ. Из них 25 человек состоят на учете по статье 228 УК РФ, а 25 человек – по статье 159 УК РФ. Каждый осужденный, в ходе беседы, оценивал свой психологический возраст, интенсивность каждого пятилетия своей жизни, рисовал «Круги Коттла», выделял 7 – 8 наиболее значимых событий прошлого, а также определял планы на будущее. В ходе исследования были выявлены сходства и различия в субъективной картине жизненного пути в каждой исследуемой группе. На основании результатов исследования были предложены меры по психопрофилактической работе с данными категориями лиц.

Ключевые слова: субъективная картина жизненного пути, автобиографическая память, осужденные, воспоминания.

Для цитаты:

Дебольский М.Г., Левин Л.М., Бокова Н.В. Сравнительный анализ субъективной

картины жизненного пути осужденных, состоящих на учете в уголовно – исполнительной инспекции. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 4. С.186-195.
doi: 10.17759/psylaw.2016060417

For citation:

Debolsky M.G., Levin L.M., Bokova N.V. A comparative analysis of subjective picture of life path of convicts who are registered in criminal – executive inspection. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016(6), no. 4. pp.186-195. doi: 10.17759/psylaw.2016060417

Работа с воспоминаниями человека и с его жизненным путем, имеет важное значение для терапевтической работы и составления индивидуальной программы работы с осужденным. В настоящее время такая форма работы с осужденными проводится, но не решает в полной мере психологические проблемы, имеющиеся у осужденных, что затрудняет процесс их реабилитации и ресоциализации. Также актуальность проводимого нами исследования обуславливается нехваткой эмпирических факторов по исследованиям и анализу жизненного пути осужденных.

Согласно Б.Г. Ананьеву, жизненный путь – история индивидуального развития личности, которая разворачивается в реальном пространстве и времени. В качестве основных элементов изучения жизненного пути рассматривают возраст, события, такие взаимосвязанные структуры, как жизненная позиция, жизненная линия и смысл жизни (Кроник А.А., МакАдамс Д.П.). В данном случае жизненные события рассматриваются как ключевые периоды, изменяющие жизненный путь человека в различной степени и на разную продолжительность времени. Для человека одной из самых важных ценностей являются его воспоминания, те жизненные события, которые тем или иным образом повлияли на человека и изменили его. Воспоминания – это опыт, который влияет на наше будущее.

Большинство исследований посвящены «взаимоотношениям» прошлого, настоящего и будущего в становлении жизненного пути человека. Здесь важную роль играет такой феномен, как автобиографическая память личности. Автобиографическая память определяется как память человека о самом себе, или как совокупность воспоминаний человека о личных событиях на протяжении всей его жизни (Нуркова В.В.).

Автобиографический метод является достаточно эффективным при работе с осужденными. Некоторые авторы полагают, что таким методом можно определить причины криминального поведения. Отечественный опыт применения автобиографического метода при работе с преступниками показал, что он является наиболее информативным.

Под субъективной картиной жизненного пути понимается психический образ, в котором человек отражает пространственно-временные характеристики своей жизни: значимые события прошлого (история становления личности), настоящего (переживания текущей жизненной ситуации) и будущего (планы, опасения, надежды), а также их взаимосвязи [4]. Данное понятие впервые было предложено Б.Г. Ананьевым в 1968 г. Данной проблематикой занимались также Н.А. Логинова, Е.И. Головаха, А.А. Кроник, Р.А. Ахмеров,

В.С. Хомик. Изучение субъективной картины жизненного пути преступников осуществлялось, в частности, Межрегиональной психологической лабораторией УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области [5].

Задачами нашего исследования являются:

- 1) выявить и проанализировать особенности субъективной картины жизненного пути осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции;
- 2) сравнить субъективную картину жизненного пути условно осужденных по статье 228 УК РФ и по статье 159 УК РФ, а также выявить отличия;
- 3) выработать рекомендации по психопрофилактической работе с осужденными, состоящими на учете в уголовно-исполнительной инспекции по статье 228 УК РФ и по статье 159 УК РФ, на основании результатов проведенного исследования.

Объектом исследования является субъективная картина жизненного пути человека.

Предметом исследования выступают закономерности проявления субъективной картины жизненного пути у лиц, состоящих на учете в УИИ, и их влияние на дальнейшее развитие и становление личности.

Базой для исследования послужило ФКУ «Уголовно-исполнительная инспекция» УФСИН России по г. Москве. Выборку для исследования составили 50 мужчин в возрасте от 20 до 62 лет, имеющих условную судимость и состоящих на учете в УИИ. Из них 25 человек состоят на учете по статье 228 УК РФ, а 25 человек – по статье 159 УК РФ. Выборка осужденных была произведена по данным категориям преступлений по причине высокого уровня таких правонарушений в последние годы [12].

По составу семьи, в которой воспитывались респонденты, выборки характеризуются следующим образом. 20 осужденных по статье 228 УК РФ (80%) воспитывались в полной семье, остальные 5 человек (20%) – только мамой. Воспитывалось в полной семье 22 осужденных (88%), состоящих на учете в УИИ по статье 159 УК РФ, а 3 человека (12%) воспитывались в неполной семье (только мамой).

Среди осужденных по статье 228 УК РФ имеют среднее специальное образование и владеют рабочими профессиями (слесарь, механик, столяр) 15 осужденных (60%), при этом 7 человек (30%) имеют высшее образование (преимущественно юридическое и экономическое), а 2 человека (10%) имеют среднее образование (11 классов). В это же время из 25 человек, состоящих на учете в УИИ по статье 159 УК РФ, 10 (40%) имеют среднее специальное образование и владеют техническими профессиями (слесарь, мастер-прораб и т. д.), еще 10 человек (40%) имеют высшее образование (инженерное, психологическое) и 5 человек (20%) – среднее образование.

В настоящее время 22 респондента, осужденных по статье 228 УК РФ, (88%) состоят в браке и имеют детей. При этом среди осужденных по статье 159 УК РФ в настоящее время 15 человек (60%) состоят в браке, а 10 (40%) – в разводе.

88% (22 осужденных) респондентов, состоящих в УИИ по статье 228 УК РФ, имеют первую судимость, 12% (3 человека) ранее отбывали наказания в колониях строгого

режима. Среди осужденных по статье 159 УК РФ 22 испытуемых (88%) имеют первую судимость, а 3 человека (12%) имеют 2 и более судимости.

Исследование проводилось согласно следующей программе.

1. Установление контакта с осужденным, уточнение биографических сведений о человеке.
2. Самооценка психологического возраста.
3. Методика «Круги Коттла». Осужденный должен с помощью трех кругов на листе бумаге изобразить свое прошлое, настоящее и будущее (каждый круг символизирует соответствующую часть жизни). В зависимости от того, как испытуемый располагает круги и какого размера делает каждый круг, делается вывод об отношении осужденного к каждой части своей жизни.
4. Оценка каждого пятилетия осужденным своей жизни по интенсивности по 10-балльной шкале. При этом осужденные объясняют, почему они именно так оценили этот период, что с ними происходило в каждый период, какие события были ключевыми.
5. Осужденный выбирает наиболее значимые и важные для него события (примерно 7–8). Он записывает эти события на бланк, а также оценивает свое эмоциональное отношение к ним от - 3 до +3 и пишется цвет, с которым у него это событие ассоциируется. После окончания этой работы с осужденным проводится беседа, в процессе которой он рассказывает об этих событиях: почему он выбрал именно их, как эти события или ситуации повлияли на него, изменили его личность или взгляды на жизнь и т. д.
6. Определение планов осужденных на будущее, которые они хотели бы реализовать.

Теперь перейдем к рассмотрению результатов проведенного нами исследования.

Все испытуемые, осужденные по статье 228 УК РФ, оценили свой психологический возраст моложе паспортного – в среднем на 18–20 лет. При этом 15 испытуемых (60%), осужденных по статье 159 УК РФ, ощущают себя на свой паспортный возраст, остальные 10 человек (40%) ощущают себя моложе в среднем на 15–20 лет.

Если говорить об оценке интенсивности каждого пятилетия их жизни, то 22 (88%) осужденных по статье 228 УК РФ оценивали период до 20–25 лет как самый интенсивный период в своей жизни, объясняя это своим активным развитием, познанием окружающего мира и постройкой отношений с окружающими людьми (в том числе первыми влюбленностями). Также интенсивным был период от 30 до 40 лет, как период окончательного личностного становления, определения жизненных целей, формирования семьи. Осужденные по статье 159 УК РФ показали схожие результаты: 22 (88%) респондента оценивали периоды до 20–25 лет, а также от 30 до 40 лет как самые интенсивные в своей жизни.

Интересными являются и результаты прохождения методики «Круги Коттла». В ходе обработки данных, полученных по данной методике, учитывались такие характеристики рисунка, как качество линий (нажим), размер, расположение рисунка на листе,

упорядоченность рисунка, симметрия в рисунке, стирание нарисованного, детали рисунка, искажение деталей, тени в рисунках, акцентирование деталей в рисунках. По этим характеристикам можно продиагностировать признаки таких личностных характеристик, как тревожность, агрессивность и чувство безопасности и уверенности в себе.

По результатам прохождения было обнаружено, что 20 (80%) осужденных по статье 228 УК РФ возлагают большие надежды на будущее, умеют учитывать свой жизненный опыт в настоящей деятельности и в достаточной степени присутствуют в настоящем; 5 осужденных (20%) много задумываются о своем прошлом, но о будущем не сильно задумываются. У 20 осужденных (80%) наблюдается ровный, умеренный по силе нажим, что указывает на гибкую и адаптивную личность, а также на такие качества, как уравновешенность, самообладание, склонность обдумывать свои действия. У 5 осужденных (20%) наблюдается легкий, слабый нажим, что свидетельствует о дефиците доверия к самому себе и дефиците самоуважения. Все 25 респондентов, состоящих на учете в УИИ по статье 228 УК РФ, располагали рисунок в центре листа, что указывает на нормальную, чувствующую себя безопасно и вполне благополучно личность. 15 человек (60%) рисовали излишне симметрично, что создает ощущение застоя, ригидности, а также указывает на подавление спонтанных импульсов и эмоций, на излишнее интеллектуализирование, а порой и на наличие навязчивостей. Стирания нарисованного, других деталей рисунка, искажения деталей, тени в рисунках, акцентирования деталей в рисунках не наблюдалось.

При этом испытуемые, состоящие на учете в УИИ по статье 159 УК РФ, продемонстрировали следующие результаты: 5 осужденных (20%) видят взаимосвязь между прошлым, настоящим и будущим, одинаково относясь к каждому периоду в жизни; 15 человек (60%) осужденных возлагают большие надежды на будущее, не акцентируя своего внимания на прошлом. У 15 осужденных (60%) наблюдается ровный, умеренный по силе нажим, что указывает на гибкую и адаптивную личность, а также на такие качества, как уравновешенность, самообладание, склонность обдумывать свои действия. У 10 осужденных (40%) наблюдаются легкий, слабый нажим, что свидетельствует о дефиците доверия к самому себе и дефиците самоуважения. Все 25 респондентов, состоящих на учете в УИИ по статье 159 УК РФ, располагали рисунок в центре листа, что указывает на нормальную, чувствующую себя безопасно и вполне благополучно личность. 10 человек (40%) рисовали излишне симметрично, что создает ощущение застоя, ригидности, а также указывает на подавление спонтанных импульсов и эмоций, на излишнее интеллектуализирование, а порой и на наличие навязчивостей. Стирания нарисованного, других деталей рисунка, искажения деталей, тени в рисунках, акцентирования деталей в рисунках не наблюдалось.

Теперь перейдем к сравнению выделенных осужденными воспоминаний. Начнем с рассмотрения событий, называемых респондентами, состоящими на учете в УИИ по статье 228 УК РФ.

Среди событий, относящихся к семейной и личной жизни, наиболее называемыми являются: встреча настоящих друзей (100%), встреча первой любви в подростковом возрасте (20 человек, 80%), рождение ребенка (15 человек, 60%), свадьба (10 человек, 40%), развод (4 осужденных, 15%). Все перечисленные события воспринимаются и оцениваются как положительные. Среди отрицательных событий один из респондентов указал смерть своего близкого друга.

Респондентами также назывались и события, относящиеся к профессиональной и карьерной области. Так, учеба в высшем учебном заведении была значима для 9 испытуемых (35%), а карьерный рост (повышение на службе, рост заработной платы и пр.) – для 10 человек (40%).

Примечательным является и отношение осужденных к судимости. Так, арест, судебный процесс и судимость 24 осужденными воспринимаются отрицательно. Только один человек, имеющий пятую судимость, указал, что он все свои судимости воспринимает положительно.

Среди планов на будущее осужденные указывали: карьерный рост (100%), рождение ребенка и создание семьи (9 человек, 35%), открытие своего бизнеса (5 человек, 20%).

Перейдем к рассмотрению воспоминаний, названных осужденными по статье 159 УК РФ.

Называя события, относящиеся к семейной и личной жизни, респонденты особое внимание уделяли следующим событиям: встреча настоящих друзей (100%), встреча первой любви в подростковом возрасте (22 человека, 88%), рождение ребенка (15 человек, 60%), свадьба (10 человек, 40%), развод (9 осужденных, 35%). Все перечисленные события воспринимаются и оцениваются как положительные. При этом не было названо ни одного отрицательного события.

События, относящиеся к профессиональной и карьерной области, распределяются следующим образом. Учеба в высшем учебном заведении была важной для 10 респондентов (40%), а карьерный рост (повышение на службе, рост заработной платы и иные успехи на работе) – для 15 человек (60%).

Отношение к судимости характеризуется таким образом, что арест, судебный процесс и судимость всеми осужденными воспринимается отрицательно.

Среди планов на будущее осужденные указывали: карьерный рост (100%), профессиональное образование или переквалификация (20 человек, 80%) рождение ребенка (10 человек, 40%), открытие и развитие своего бизнеса (4 человека; 15%).

Сравнивая полученные результаты по двум группам испытуемых, можно выделить следующие сходства и различия.

- Осужденные по статье 228 УК РФ чувствуют себя моложе своего паспортного возраста, в то время как осужденные по статье 159 УК РФ чаще ощущают себя на свой паспортный возраст.
- Для обеих групп выборок наиболее интенсивными периодами жизни были периоды до 20–25 лет и 30–40 лет.
- Обе исследуемые группы называли похожие события, относящиеся к семейной и личной жизни, а также к профессиональной и карьерной области.

- Отношение к судимости у респондентов, осужденных по статье 228 УК РФ, в большей степени отрицательное, кроме одного человека. У всей группы осужденных по статье 159 УК РФ также наблюдается отрицательное отношение к судимости.

- Сопоставляя планы на будущее, можно также выявить некоторые сходства и различия. В равных долях из каждой группы респонденты указывали свои пожелания в отношении карьерного роста. Но при этом осужденные по статье 159 УК РФ чаще, чем осужденные по статье 228 УК РФ, высказывали свое желание о появлении детей, формировании своего бизнеса. При этом респонденты, состоящие на учете в УИИ по статье 159 УК РФ, среди всех планов на будущее называли профессиональное образование/переквалификацию, в то время как респонденты, состоящие на учете в УИИ по статье 228 УК РФ, таких планов не называли.

Таким образом, нами был проведен сравнительный анализ субъективной картины жизненного пути осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции и имеющих судимость по статьям 159 УК РФ и 228 УК РФ. В дальнейшем результаты, полученные в ходе проведения исследования, можно использовать при проведении с ними психопрофилактики, разрабатывая следующие профилактические мероприятия:

- социально-психологические тренинги личностного роста;
- тренинги развития коммуникативных навыков, в том числе по умению адекватного выражения своих чувств и эмоций;
- специально организованные занятия по обучению навыкам построения адекватных жизненных планов и целей, а также способов их достижения;
- занятия, направленные на получение умения учитывать свой прошлый опыт для построения дальнейшей жизненной траектории.

Литература

1. Адлер А. Индивидуальная психология: теория и практика. СПб.: Ленинградский государственный университет, 1993. 107 с.
2. Адлер А. Наука жить. Киев: Port-Royal, 1997. 286 с.
3. Дебольский М.Г., Чернышкова М.П. Некоторые тенденции в деятельности воспитательных колоний //Образование и наука: вопросы теории и практики. Материалы II ежегодной всероссийской научно-практической конференции. М.: МИИГУ имени П.А. Столыпина, 2015. № 1. С. 46–49.
4. Дебольский М.Г., Чернышкова М.П. Влияние субъективной картины жизненного пути осужденных на их поведение в период отбывания наказания и риск совершения рецидива преступлений после освобождения // Юридическая психология. 2015. № 2. С. 17–20
5. Изучение и психокоррекция субъективной картины жизненного пути осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях: метод. руководство. / Под ред. М.Г. Дебольского, Т.С. Войт. СПб.: типография «А и Б». 2006. 71 с.
6. Кроник А.А. Каузометрия. Методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути / А.А Кроник, Р.А. Ахмеров. М.: Смысл, 2008. 416 с.
7. Логинова Н.А. Жизненный путь человека как проблема психологии // Вопросы психологии. 1980. № 1. С. 154–158.
8. МакАдамс Д.П. Психология жизненных историй // Методология и история психологии. 2008. С. 135–166.
9. Огор А.Ю., Дебольский М.Г. Научный взгляд на проблему ранних воспоминаний и самооценки преступников [Электронный ресурс] // Психология и право. 2014. № 3. С. 114–124. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n3/72734.shtml> (дата обращения: 05.01.2016).
10. Официальный сайт ФСИН РФ [Электронный ресурс]. 2016. URL: <http://www.fsin.su/> (дата обращения: 27.02. 2016 г.)
11. Реан П. Связь между детской травмой и последующим преступным поведением: применение теории привязанности в исправительном сеттинге // Журнал практической психологии и психоанализа. 2006. № 4. С. 54–65
12. Статистика и аналитика [Электронный ресурс]: официальный сайт МВД РФ. 2016. – URL: <https://mvd.ru/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 27.02. 2016 г.).

A comparative analysis of subjective picture of life path of convicts who are registered in criminal – executive inspection

Debolsky M.G., PhD in Psychology, Associate Professor, Professor, Department of legal psychology and law, faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education; senior researcher, PKU research Institute of the Federal penitentiary service of Russia (mdebolsky@mail.ru)

Levin L.M., student, faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (levin_leonid@mail.ru)

Bokova N.V., senior psychologist at office of psychological support, FKU "Criminal-Executive inspection" of the FPS of Russia in Moscow, senior Lieutenant of internal service

One of the most effective ways of psycho-prophylactic work with offenders is to work with the subjective picture of the life history of individual development, which unfolds in real space and time. Subject of research – regularities of manifestation of the subjective picture of life path at the persons consisting on the account in UII, and their influence on the further development and formation of personality. The basis for the studies provided PKU "Criminal – Executive inspection" of the FPS of Russia in Moscow. The sample consisted of 50 men aged 20 to 62 years, consisting on the account in UII. Of these, 25 persons are registered under article 228 of the criminal code, and 25 – under article 159 of the criminal code. Each convict, during the conversation, assess your psychological age, the intensity of each of the five years of his life, painted "Circles's Cottle's", were isolated 7 – 8 the most significant events of the past, as well as determined plans for the future. The study revealed similarities and differences in subjective picture of life path in each study group. Based on the results of the study were proposed measures for psycho-prophylactic work with these categories of persons.

Key words: subjective picture of life path, autobiographical memory, convicted, memories.

References

1. Adler A. Individual'naja psihologija: teorija i praktika [Individual Psychology: Theory and Practice]. SPb: Leningradskij Gosudarstvennyj universitet [St. Petersburg: the Leningrad State University], 1993, 107 p.
2. Adler A. Nauka zhit'. [Live Science] Kiev: Port-Royal [Kiev: Port Royal], 1997, 286 p.

3. Debol'skij M.G., Chernyshkova M.P. Nekotorye tendencii v dejatel'nosti vospitatel'nyh kolonij. [Some trends in the activities of educational colonies]//*Obrazovanie i nauka: voprosy teorii i praktiki. Materialy II ezhegodnoj vsrossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. [Education and science: theory and practice questions. Materials AI annual All-Russian scientific-practical conference]* Moskva: MIIGU im. Stolypina [Moscow: MIIGU them. Stolypin], 2015, no. 1, pp. 46 – 49.
4. Debol'skij M.G., Chernyshkova M.P. Vlijanie subektivnoj kartiny zhiznennogo puti osuzhdennyh na ih povedenie v period otbyvaniya nakazaniya i risk soversheniya recidiva prestuplenij posle osvobozhdenija [Influence of subjective picture of life's journey condemned their behavior while serving their sentences, and the risk of recidivism after release]//*Juridicheskaja psihologija. [Legal psychology]*, 2015, no.2, pp. 17 – 20
5. Izuchenie i psihokorrekcija subektivnoj kartiny zhiznennogo puti osuzhdennyh, otbyvajushhih nakazanie v ispravitel'nyh uchrezhdenijah: Metodicheskoe rukovodstvo [Study and psychocorrection subjective picture of life's journey convicts serving their sentences in prisons: Methodical manual] /Pod red. M.G. Debol'skogo, T.S. Vojt. Sankt - Peterburg: tipografija «A i B». [Saint - Petersburg: Printing House "A and B"], 2006, 71 p.
6. Kronik A.A. Kazuometrija. Metody samopoznaniya, psihodiagnostiki i psihoterapii v psihologii zhiznennogo puti [Methods of self-knowledge, psycho-diagnostics and therapy in the psychology way of life]/ A.A Kronik, R.A. Ahmerov. Moskva: «Smysl» [Moscow, "Meaning"], 2008, 416 p.
7. Loginova N.A. Zhiznennyj put' cheloveka kak problema psihologii [The life of man as a psychological problem]// *Voprosy psihologii [Questions of psychology]*, 1980, no.1, pp. 154-158
8. MakAdams D.P. Psihologija zhiznennyh istorij [The psychology of life stories]// *Metodologija i istorija psihologii [Methodology and history of psychology]*, 2008, pp.135–166.
9. Ogor A.Ju., Debol'skij M.G. Nauchnyj vzgljad na problemu rannih vospominanij i samoocenki prestupnikov [The scientific approach to the problem of early memories and self-criminals]. [Elektronnyj resurs] // *Psihologija i pravo [Psychology and Law]*, 2014, no. 3, pp. 114–124. Available at: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n3/72734.shtml> (Accessed: 05.01.2016)
10. Oficial'nyj sajt FSIN RF [The official website of the Russian Federal Penitentiary Service] [Elektronnyj resurs], 2016. Available at: <http://www.fsin.su/> (Accessed: 27.02. 2016)
11. Rean P. Svjaz' mezhdu detskoj travmoj i posledujushhim prestupnym povedeniem: primenenie teorii privjazannosti v ispravitel'nom settinge [The relationship between childhood trauma and subsequent criminal behavior: application of attachment theory in a correctional setting of] // *Zhurnal prakticheskoy psihologii i psihoanaliza [Journal of Applied Psychology and Psychoanalysis]*, 2006, no.4, pp. 54 - 65
12. Statistika i analitika [Elektronnyj resurs]: oficial'nyj sajt MVD RF. [Statistics and Analysis [electronic resource]: the official website of the Interior Ministry], 2016. Available at: <https://mvd.ru/Deljatelnost/statistics> (Accessed: 27.02. 2016)

Особенности психологических состояний человека, проживающего в зоне вооруженного конфликта, в контексте трансформаций смысложизненных стратегий в постконфликтный период

Рядинская Е.Н., кандидат психологических наук, докторант, Южный федеральный университет (*michalola@mail.ru*)

Статья представляет собой теоретическое исследование психологических особенностей последствий вооруженных конфликтов.

В данной статье автор рассматривает вопросы, имеющие важное значение для современной психологической науки, такие как: психические и эмоциональные состояния людей в период протекания вооруженного конфликта, влияние непосредственного проживания в зоне вооруженного конфликта на психическое состояние человека, стресс-факторы, влияющие на психическое состояние человека при вооруженном конфликте.

Автор делает акцент на том, что современная социально-политическая ситуация в регионах, где произошел вооруженный конфликт, серьезно влияет на население, на его отношение к реальности, постановке целей и видению жизненных перспектив.

В заключении в статье отмечается, что переживание жизненного кризиса в ситуации вооруженного конфликта может проявляться в потере ощущения целостности и внутреннего равновесия, в потере возможности контролировать и управлять собственной жизнью.

Исследование выполнено при поддержке гранта ЮФУ № 213.01-11/2016-2НМ (задание Минорбнауки № 28.125.2016/НМ).

Ключевые слова: вооруженный конфликт, психические состояния, стресс, тревога, психическая напряженность, стресс-фактор, смысложизненные стратегии.

Для цитаты:

Рядинская Е.Н. Особенности психологических состояний человека, проживающего в зоне вооруженного конфликта, в контексте трансформаций смысложизненных стратегий в постконфликтный период. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 4. С. 196-208. doi: 10.17759/psylaw.2016060418

For citation:

Ryadinskaya E.N. Features of the psychological States of a person residing in the area of armed conflict, in the context of the transformation of life strategies in the post-conflict period. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2016(6), no. 4. pp.196-208. doi: 10.17759/psylaw.2016060418

Современное состояние общества характеризуется тенденциями к возникновению вооруженных конфликтов и террористических угроз в тех регионах, где происходит разрыв между интересами отдельного человека и обществом в целом. Эти тенденции влекут за собой рост конфликтогенности, терроризма и экстремизма, а также психологическую нестабильность и эмоциональную напряженность для каждого человека.

Исторический опыт показывает, что вооруженные конфликты остаются суровой, и, к сожалению, постоянно угрозой современному обществу.

Проанализировав возникшие за последние годы вооруженные конфликты, можно констатировать, что многие из них являются этнонациональными. Так, в настоящее время на Африканском континенте происходит гораздо больше конфликтов, чем на любом другом. Самый кровавый со времен Второй мировой войны конфликт – в Руанде и Бурунди – унес, по официальным данным, не менее двух миллионов человек, а всего в 50 африканских конфликтах за сорок лет после обретения независимости погибло более пяти миллионов человек [19, с. 4].

Конфликт в Косово, который не разрешен до настоящего времени, также в большей мере можно охарактеризовать как этнонациональный, где под этнонационализмом понимается конфликт между этническими группами, в который вовлечено государство [19, с. 5].

В 90-е гг. XX в. в Северной и Южной Осетии произошли драматические события, унесшие сотни человеческих жизней и нанешие огромный урон жизненно-бытовым условиям населения. И в последние два десятилетия народ Южной Осетии переживает трагические события, которые травмировали общество и вызвали кризис духа [22].

В 2014–2016 гг. возникла ситуация социально-политического конфликта в Украине. Интенсивные боевые действия, остановленное производство, разрушенная инфраструктура и более десяти тысяч жертв среди мирного населения оказали огромное психологическое воздействие на жителей Юго-Восточного региона Украины [33].

Таким образом, можно констатировать тот факт, что любой конфликт, помимо жертв и материального ущерба для участвующих в нем сторон, приводит к увеличению количества беженцев и вынужденных переселенцев, к распространению болезней, к расширению базы мирового терроризма, губительно воздействует на природу, а при определенных обстоятельствах может привести к экологической катастрофе, и, наконец, к неизбежному нарушению прав человека. Следствием конфликтов является откат экономического и социального развития на более низкую ступень, и как результат – психологические потрясения для населения.

В последние годы в психологической литературе наблюдается повышенное внимание к изучению социально-психологических особенностей последствий вооруженных конфликтов для населения, проживающего в зоне вооруженных конфликтов. Активно изучаются психологические последствия стресса, вызванного участием в боевых действиях (М.Е. Зеленов, Е.О. Лазебная, А.В. Тимченко), особенности реакции личности на воздействие различных экстремальных факторов (Ю.А. Александровский, Н.В. Тарабрина, Ю.В. Щербатых и др.) [2; 6; 10; 20; 21; 24].

Значительный вклад в разработку понятий «психическое состояние личности в экстремальных условиях», «роль и значение состояния тревоги», «стрессовые состояния», «психическая напряженность» внесли исследования Ю.А. Головахи, Л.А. Китаева-Смык, В.И. Лебедева, А.А. Налчаджян, А.А. Стрельникова и др. [7; 11; 15].

Важное место в изучении психических состояний в сложных условиях занимают работы, посвященные принятию решений в ситуациях неопределенности или риска. В этом направлении провели работу Е.П. Кринчик, А.И. Мечетов, Н.В. Рехтина, Б.А. Смирнов, А.М. Столяренко и другие [17; 18].

В последние годы существенный вклад в разработку путей повышения безопасности человека в сложных условиях внесли такие ученые, как: В.А. Бодров, М.Ш. Магомед-Эминов, М.И. Решетников, Ю.К. Шойгу и др. [5; 13; 23].

Но малоизученными остаются психические реакции человека на такие стресс-факторы, как: непосредственное проживание на территории вооруженного конфликта, террористические и насильственные нападения на личность, содержание в качестве пленных, иные сложные жизненные условия (потеря близких, сильные, многочасовые обстрелы, инвалидность вследствие разрыва снаряда и т. д.).

Психические состояния людей, проживающих на территории развертывания вооруженного конфликта, характеризуются разнообразностью. Для обозначения психических состояний человека в сложных условиях, исследователи пользуются разными понятиями, среди которых можно выделить понятие «стресс». Его применяют для обозначения широкого круга не только психических, но и физиологических состояний, например, физического напряжения, утомления и т. д. Так, D. Mechanic определяет стресс в понятиях реакций индивида на ситуацию [31]. Н. Basowitz и его коллеги определяют стресс как качество ситуации, не зависящее от отношения индивида к ней [27]. F. Alexander рассматривает стресс и как качество стимула, и как реакцию индивида на него [26]. R. Scott, A. Howard рассматривают стресс как категорию напряжения [34].

Рассматривая различные варианты определения стресса, N.H. Rizvi отметил, что иногда это понятие относят к состоянию беспокойства в организме, которое он стремится устранить или уменьшить. В этом смысле понятие стресса не на много отличается от неприятных состояний, таких как тревожность, слабая боль или диссонанс [32].

Для прояснения понятия стресса Р. Лазарусом были сформулированы два основных положения [9; 30]. Он уточнил, что терминологическую путаницу и противоречия в определении понятия «стресс» можно будет устранить, если при анализе психологического стресса учитывать не только внешние стрессовые стимулы и наблюдаемые реакции, но и связанные со стрессом психологические процессы (например, процесс оценки угрозы). Также он утверждал, что стрессовая реакция может быть понята только с учетом защитных процессов, порождаемых угрозой (физиологические и поведенческие реакции на угрозу связаны с внутренней психологической структурой личности, ее ролью в стремлении субъекта справиться с этой угрозой).

H. Selye определяет стресс как состояние, которое создает препятствия и является внутренней реакцией на стрессоры [35].

Таким образом, обобщая вышесказанное, можно отметить, что стресс – это состояние повышенного напряжения организма как защитной реакции на различные неблагоприятные факторы.

В противоположность понятию «стресс», которое отражает объективные свойства стимулов, понятие «угроза», по мнению Ч.Д. Спилбергера, нужно использовать для описания субъективной оценки человеком ситуации, несущей в себе физическую или психическую опасность [36]. На наш взгляд, оценка ситуации как опасной будет зависеть от индивидуально-психологических различий, а также от специфики личного опыта человека.

Предшествующим состоянию стресса является состояние тревоги. В последние годы в научной литературе большое внимание уделяется проблеме проявлений тревоги. Некоторые ученые отождествляют тревогу со стрессом [12] или признают ее одним из видов стресса [1], но чаще выделяют в самостоятельное состояние.

По утверждению Ч.Д. Спилбергера [12] и ряда других авторов, состояние тревоги возникает, когда человек воспринимает определенный раздражитель или ситуацию как несущие в себе, актуально или потенциально, элементы опасности, угрозы, вреда. Состояние тревоги может варьироваться по интенсивности и изменяться во времени как функция уровня стресса, которому подвергается личность. С этим утверждением согласуется и понимание Ч.Д. Спилбергера стресса в виде совокупности внешних воздействий, определенных стресс-факторов, которые воспринимаются личностью как чрезмерные требования и создают угрозу ее самоуважению, самооценке, что вызывает соответствующую эмоциональную реакцию. Склонность к такого рода эмоциональным реакциям характеризуется как личностная тревожность.

Возможность отсутствия реальной опасности при тревоге подчеркивают R.R. Grinker и F.P. Robbins. По их мнению, тревога отличается от страха тем, что она является хроническим состоянием, тогда как страх возникает в ответ на действительную угрозу или опасность [29].

М.Д. Левитов определяет тревогу как «психическое состояние, вызываемое возможными или вероятными неприятностями, изменениями в привычной обстановке и деятельности, задержкой приятного, желанного, оно выражается в специфических переживаниях опасения, волнения, нарушения покоя» [12].

Таким образом, «тревогу» следует отнести к негативным эмоциям, но не к стрессу именно потому, что тревога возникает не в ответ на внешнее воздействие, а зачастую является беспредметной.

Тревожность человека – это одна из кардинальных характеристик, используемых психологической наукой для описания социально-психологических последствий вооруженных конфликтов. Испытывая постоянную тревожность от стресса войны и общей неблагоприятной ситуации, человек начинает тревожиться чаще и легче выходит из психологического равновесия, что выражается в ощущении неопределенности, в чувстве незащитности, в ожидании негативных событий, в растерянности и страхе перед будущим.

Чувство тревоги у людей, непосредственно проживающих на территории вооруженного конфликта, возникает, когда под угрозой находится что-то значимое для самого человека. В процессе непосредственного проживания на территории вооруженного конфликта основополагающими ценностями для человека становятся кардинальные ценности. К ним относятся витальные ценности, которые обеспечивают выживание человека (физиологические нужды, жизнь, здоровье, безопасность, личная неприкосновенность и др.), и гражданские права (свобода слова, мысли, совести, неприкосновенность жилища и др.). На наш взгляд, кардинальные ценности – единственные, без которых человек не может существовать.

Одним из самых распространенных психических состояний в сложных жизненных обстоятельствах является эмоциональная (психическая) напряженность, которую некоторые авторы отождествляют с понятием психологического стресса вследствие неоднозначности трактовки понятия «стресс». Понятие «напряженность» тесно связано с понятием стресса. И.О. Котенев различал стресс как объективно ощущаемую сложность и напряженность, как субъективное переживание [8], а В.А. Ганзен относил чувство напряжения к общим субъективным характеристикам стресса [28].

Согласно «Психологическому словарю», психическая напряженность – психическое состояние, обусловленное предвидением неблагоприятного для субъекта развития событий и сопровождаемое чувством общего дискомфорта, тревоги, иногда страха, однако, в отличие от страха, включает в себя готовность овладеть ситуацией, действовать в ней [16].

С точки зрения А.Г. Маклакова, психическую напряженность следует рассматривать как психическое состояние, возникающее при выполнении человеком сложной задачи и негативно влияющее на деятельность. Он подчеркивал, что психическая напряженность оказывает понижающее влияние на устойчивость психических и двигательных функций, вплоть до дезинтеграции деятельности [14].

Как подчеркивал Ю.В. Щербатых, степень психической напряженности определяется многими факторами, важнейшими из которых являются сила мотивации, значимость ситуации наличие опыта подобных переживаний, ригидность (негибкость) психических функциональных структур, вовлеченных в тот или иной вид деятельности [24].

Л.И. Анциферова определяет следующие свойства психической напряженности: дезорганизация психической деятельности, существенные отклонения в психомоторике, глубокие сдвиги в нейродинамических характеристиках, ярко проявленное чувство общего физического и психического дискомфорта, жалобы на нарушение деятельности соматических органов, отрицательный эмоциональный фон и падение настроения, ощущение тревоги, беспокойства, неуверенности, острое ожидание неудачи, ухудшение восприятия и внимания, ухудшение мышления, снижение умственной работоспособности, низкая помехоустойчивость, отвлекаемость, снижение объема кратковременной и оперативной памяти, ригидность поведения, склонность к шаблонам и т. д. [3].

Изучая особенности психической напряженности, А.М. Бандурка выделил три вида напряженности: тормозную, при которой наблюдается замедление интеллектуальных действий, снижение качеств внимания, затруднения в формировании новых навыков, общая негибкость поведения; импульсивную, которая проявляется в увеличении количества ошибок при сохранении темпа деятельности, склонность к малоосмысленным, импульсивным действиям; генерализованную, характеризующуюся сильным возбуждением, резким ухудшением исполнения действий, двигательной дискоординацией, снижением темпа работы и нарастанием количества ошибок [4].

Наши научные взгляды совпадают с рассмотренной позицией при описании свойств психической напряженности и позволяют присоединиться к данному направлению. По нашему мнению, в условиях вооруженного конфликта психическая напряженность может возникнуть в ситуациях новизны или недостатка информации, неясности, в обстановке конфликтов, в сфере значимых для личности отношений, в различных экстремальных условиях, в ситуациях изменения ценностных ориентаций или потери смысла жизни [25].

Таким образом, можно сделать вывод, что психические состояния человека, проживающего в зоне непосредственного вооруженного конфликта, характеризуются разнообразием, разной длительностью и периодичностью и имеют определенные особенности.

Современная социально-политическая ситуация в регионах, где произошел вооруженный конфликт, на наш взгляд, серьезно влияет на население, на его отношение к реальности, постановку целей и видение жизненных перспектив. Отсутствие целей, ненасыщенность и нерезультативность жизни, невозможность или неумение контролировать свою жизнь может привести к появлению негативных эмоциональных реакций, что сказывается на особенностях психологического состояния человека – исчезает ощущение целостности, возможности управлять собственной жизнью, возникает потеря внутреннего равновесия. Поэтому становится важным сформировать у них адекватные смысловые стратегии для усиления личностного ресурса в период вооруженного конфликта и в постконфликтный период. По нашему мнению, именно в сознании у молодых и зрелых людей более всего может проявляться переоценка ценностей и их кризис. Как правило, смысловые ориентации наиболее четко проявляются в ситуациях, требующих ответственных решений, влекущих за собой значимые последствия и предопределяющих последующую жизнь человека [33].

Длительное время проживая в зоне вооруженного конфликта и испытывая негативные психические состояния, многие жизненные и личностные конструкты могут

видоизменяться, и, прежде всего, трансформируется ценностно-смысловая сфера личности. Для человека становится важным сохранить те смыслы, которые были важны на определенном жизненном этапе, а если они разрушены, – создать новые.

Таким образом, в настоящее время является очевидным фактом, что длительное нахождение человека в сложных жизненных обстоятельствах, связанных с вооруженным конфликтом, может затруднять его интеграцию в общество и требовать реадaptационных мероприятий. С учетом вышесказанного особую актуальность приобретает изучение трансформаций смысложизненных ориентаций и смысложизненных стратегий человека, находящегося на пути личностного развития в военный и послевоенный период.

Литература

1. Абабков В.А., Перре М. Адаптация к стрессу. Основы теории, диагностики, терапии. СПб.: Речь, 2004. 166 с.
2. Александровский Ю.А., Лобастов О.С. Психогении в экстремальных условиях. М.: Медицина, 1991. 96 с.
3. Анциферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15, № 1. С. 34–38.
4. Бандурка А.М., Друзь В.А. Конфликтология: учеб. пособие для вузов. Харьков: Ун-т внутр. дел, 1997. 356 с.
5. Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности: учеб. пособие для вузов. М.: ПЕР СЭ, 2006. 511 с.
6. Зеленов М.В., Лазебная Е.О., Тарабнина Н.В. Психологические особенности посттравматических стрессовых состояний у участников войны в Афганистане // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 2. С. 34–47.
7. Китаев-Смык Л.А. Стресс войны: фронтовые наблюдения врача-психолога. М.: М-во культуры РФ. Рос. ин-т культурологии, 2001. 80 с.
8. Котенёв И.О., Богданова М.Б. Террористический акт в Буденновске: постстрессовые состояния у работников милиции // Известия МЦПО и КНИ при ГУК МВД России, 1996. № 3. С. 49–56.
9. Лазарус Р.С. Индивидуальная чувствительность и устойчивость к стрессу // Психологические факторы на работе и охрана здоровья. Москва; Женева, 1989. С. 121–126.
10. Лазебная Е.О. Военно-травматический стресс: особенности посттравматической адаптации участников боевых действий // Психологический журнал. 1999. № 5. С.62–74.
11. Лебедев В. И. Экстремальная психология. М.: ЮНИТИ, 2001. 431 с.

12. Левитов Н.Д. Психическое состояние беспокойства тревоги // Вопросы психологии. 1969. № 1. С.131–138.
13. Магомед-Эминов М.Ш. Новые аспекты психотерапии посттравматического стресса: метод. Рекомендации. 2-е изд. исправл. М.: АНО УМО «Инсайт», 2004. 112 с.
14. Маклаков А.Г. Общая психология. СПб: Питер, 2002. 592 с.
15. Налчаджян А.А. Личность, групповая социализация и психическая адаптация. Ереван: Издательство АН Армянской ССР 1986. 250 с.
16. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 3-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 2011. 494 с.
17. Смирнов Б.А., Долгополова Е.В. Психология деятельности в экстремальных ситуациях. Х.: Гуманитарный центр, 2007. 276 с.
18. Столяренко А.М. Экстремальная психопедагогика: учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 607 с.
19. Сухарь А.А. Становление гражданского общества в современной России: институциональный анализ: автореф. Дис. ... кандидата полит. наук. Р-н/Д, 2007. 26 с.
20. Тарабрина Н.В. Синдром посттравматических стрессовых нарушений: современное состояние и проблемы // Психологический журнал. 1992. 13. № 2. С. 14–29.
21. Тимченко А.В., Христенко В.Е. Особенности работы психологов МЧС в очаге чрезвычайной ситуации // Коченовские чтения «Психология и право в современной России»: сб. тезисов Всероссийской конф. по юридической психологии с международным участием. М.: МГППУ, 2010. С. 264–265.
22. Чибиров Л.А. По тропам времени: некоторые вопросы истории и культуры осетин. Владикавказ: Ир, 2012. 375 с.
23. Шойгу С. К. Защита населения и территорий в чрезвычайных ситуациях : учеб. пособие / Под ред. М.И. Фалеева. Калуга: Облиздат, 2001. 239 с.
24. Щербатых Ю.В. Психология стресса и методы коррекции. СПб: Питер, 2008. 256 с.
25. Abakumova I., Kruteleva L., Ryadinskaya E. Transformation of Life-Sense Strategies of a Person in the Armed Conflict Environment: Theoretical Research. Barselona: 6th.World Congress of Psychology and Behavioral Sciences (Management, Psychology, Political and Social Sciences) (WCPBS 2016), Universitat Barcelona: 2016. P. 1–6.
26. Alexander F. Psychosomatic Medicine: Its Principles and Applications. N. Y.: Norton, 1950. P. 57–69.

27. Basowitz H., Persky H., Korchin. Sh., Grinker R. *Anxiety and Stress: An Interdisciplinary Study of a Life Situation*. N. Y.: McGraw-Hill, 1955. P. 203–243.
28. Dohrenwend B.P., Link B.G., Kern R., Shrout P.E. et al. Measuring life events: The problem of variability within event categories. Special issue:II-IV. *Advances in measuring life stress // Stress Med.* 1990. Vol. 6. № 3. P. 179–187.
29. Grinker R.R., Robbins F.P. *Psychosomatic Case Book*. N.Y., Blakiston, 1954. 112 p.
30. Lasarus R.S., Folkman S. Kognitive theories of stress end the issue of circulariti // *Dinamics of stress. Physiological, psychological and socil perspectives / M.H. Appley, R. Trumbul*. N.Y.: Plenum, 1986. P. 63-80
31. Mechanic D. *Students under Stress*. N. Y.: Free Press, 1962. 117 p.
32. Rizvi N. H. *A Critique of the models to study stress // Journal Social Science and Human.* 1985. Vol. 1, 2. P. 103–123.
33. Ryadinskaya Yev. Theoretical analysis of a systematic approach to the study of the strategies of life meaning of the individual under an armed conflict / *The Tenth International Conference on Eurasian scientific development. Proceedings of the Conference (September 02, 2016)*. Vienna: «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education», 2016. P. 40–43.
34. Scott R., Howard A. *Models of Stress // Social Stress / S. Levine, N.A. Scotch (Eds.)*. Chicago: Aldine, 1970. P. 270–273.
35. Selye H. *The stress of life*. N. Y.: McGraw-Hill, 1956. P. 81–94.
36. Spielberger C.D. Measuring the experience, expression and control of anger // *Am. Psych. Assoc.* 1994. P. 25–29.

Features of the psychological States of a person residing in the area of armed conflict, in the context of the transformation of life strategies in the post-conflict period

Ryadinskaya E.N., PhD, doctoral student, Southern Federal University (muchalola@mail.ru)

The article is a theoretical study of the psychological characteristics of the effects of armed conflict.

In this article the author considers issues of importance to modern psychology, such as mental and emotional state of people in the period of occurrence of the armed conflict, the impact of immediate residence in the area of armed conflict on the mental state of the person, the stressors that affect the mental state of a person in an armed conflict.

The author focuses on the fact that the current socio-political situation in the regions where there was armed conflict, seriously affect the population, its relation to reality, setting goals, and vision of prospects in life.

In conclusion, the article notes that the experience of life crisis in a situation of armed conflict may manifest in the loss of a sense of integrity and inner balance, the loss of the ability to control and manage their own lives.

The study was supported by the grant SFU № 213.01-11/2016-2HM (job Minobrnauki No. 28.125.2016/NM).

Keywords: armed conflict, mental state, stress, anxiety, mental tension, stress factor, life of the strategy.

References

1. Ababkov V.A., Perre M. Adaptatsiya k stressu. Osnovy teorii, diagnostiki, terapii [Adaptation to stress. Fundamentals of theory, diagnostics, therapy]. S.Peterburg: Rech, 2004. 166 p. (In Russ.).
2. Aleksandrovsky Yu. A., Lobastov O.S. Psykhogenii v ekstremalnykh usloviyakh [Psychogeniuses in extreme conditions]. Moscow: Meditsina, 1991. 96 p. (In Russ.).
3. Antsiferova L.I. Lichnost' v trudnykh zhiznennykh usloviyakh: pereosmyslivaniye, preobrazovaniye situatsiy i psikhologicheskaya zashchita [Personality under difficult life

conditions: reinterpretation, transformation of situations and psychological protection] // Psikhologicheskiy zhurnal, 1994, Tom 15, № 1, pp. 34-38. (In Russ.).

4. Bandurka A.M., Druz' V.A. Conflictologiya: Uchebnoye posobiye dlya vuzov [Conflict studies: Manual for higher schools]. Kharkov: Universitet vnutrennikh del, 1997. 356 p. (In Russ.).
5. Bodrov V.A. Psikhologiya professionalnoy prigodnosti: uchebnoye posobiye dlya vuzov [Psychology of professional suitability: manual for higher schools]. Moscow: PER SE, 2006. 511 p. (In Russ.).
6. Zelenov M.V., Lazebnaya Ye.O., Tarabrina N.V. Psikhologicheskiye osobennosti posttravmaticheskikh stressovykh sostoyaniy u uchastnikov voyny v Afganistanye [Psychological features of post-traumatic stress disorders in Afghanistan war veterans] // Psikhologicheskiy zhurnal, 1997, tom 18, №2, pp. 34-47. (In Russ.).
7. Kitayev-Smyk L.A. Stress voyny: frontovye nablyudeniya vracha-psikhologa [Stress of the war: frontline observation of a clinical psychologist]. Moscow: Ministerstvo kul'tury RF. Ros. in-t kul'turologii, 2001. 80 p. (In Russ.).
8. Kotenyov I.O., Bogdanov M.B. Terroristicheskiy akt v Budyonnovske: poststressovye sostoyaniya u rabotnikov [The act of terrorism in Budyonnovsk: post-stress condition of the militia officers] // Izvestiya MTsPO i KNI pri GUK MVD Rossii. 1996, №3, pp. 49-56. (In Russ.).
9. Lazarus R.S. Individual'naya chuvstvitel'nost' i ustoychivost' k stressu [Individual sensitivity and resistance to stress] // Psikhologicheskiye faktory na rabote i okhrana zdorovya. Moscow - Zheneva, 1989, pp. 121 - 126. (In Russ.).
10. Lazebnaya Ye.O. Voyenno-travmaticheskiy stress: osobennosti posttravmaticheskoy adaptatsii uchastnikov boyevykh deystviy [Military-traumatic stress: characteristics of posttraumatic adaptation of combatants] // Psikhologicheskiy zhurnal, 1999, №5, pp. 62-74. (In Russ.).
11. Lyebyedyev V.I. Ekstremal'naya psikhologiya [Extreme psychology]. Moscow: YUNITI, 2001. 431 p. (In Russ.).
12. Levitov N.D. Psikhicheskiye sostoyaniya bespokoistva, trevogi [Mental conditions of anxiety, fright] // Voprosy psikhologii, 1969, № 1, pp. 131-138. (In Russ.).
13. Magomed-Eminov M.Sh. Novye aspekty psikhoterapii posttravmaticheskogo stressa. Metodicheskiye rekomendatsii [ew aspects of psychotherapy of post-traumatic stress. Guidelines] / 2-ye izd. ispravl. Moscow: ANO UMO «Insai», 2004. 112 p. (In Russ.).
14. Maklakov A.G. Obshchaya psikhologiya [General Psychology]. S. Peterburg: Piter, 2002. 592 p. (In Russ.).

15. Nalchadzhyan A.A. Lichnost', gruppovaya sotsializatsiya i psikhicheskaya adaptatsiya [personality, group socialization and mental adaptation]. Yerevan. 1986. 250 p. (In Russ.).
16. Psikhologiya. Slovar [Psychology. Dictionary] / Pod obshch. red. A.V.Petrovskogo, M.G. Yaroshevskogo. 3-ye izd. ispr. i dop. Moscow: Politizdat, 2011. 494 p. (In Russ.).
17. Smirnov B.A., Dolgoplova E.V. Psikhologiya deyatel'nosti v ekstremal'nykh situatsiyakh [Psychology of activity in extreme situations]. Kharkov: Gumanitarnyi Tsent, 2007. 276 p. (In Russ.).
18. Stolyarenko A.M. Ekstremal'naya psikhopedagogika: uchebnoye posobiye dlya vuzov [Extreme psychopedagogy]. Moscow: YUNITI-DANA, 2008. 607 p. (In Russ.).
19. Sukhar' A.A. Stanovleniye grazhdanskogo obshchestva v sovremennoy Rossii: institutsional'nyi analiz: Avtoreferat dis... kandidata politicheskikh nauk [Formation of civil society in contemporary Russia: institutional analysis: the Author's abstract of the thesis of candidate of political sciences]. Rostov-on-Don, 2007. 26 p. (In Russ.).
20. Tarabrina N.V. Sindrom posttravmaticheskikh stressovykh narusheniy: sovremennoye sostoyaniye i problemy [Syndrome of post-traumatic stress disorders: current situation and problems] // *Psikhologicheskiy zhurnal*, 1992, т.13, № 2, pp. 14-29. (In Russ.).
21. Timchenko A.V., Khristenko V.Ye. Osobennosti raboty psikhologov MChS v ochagye chrezvychainoy situatsii [On some specific features of the work of psychologists of the Ministry of Emergency Situations on the site of emergency] // *Kochenovskiy chteniya «Psikhologiya i pravo v sovremennoy Rossii»: Sb. tezisov Vsepossiyskoy konf. Po yuridicheskoy psikhologii s mezhdunarodnym uchastiyem*. Moscow: MGPPU, 2010, pp. 264-265. (In Russ.).
22. Chibirov L.A. Po tropam vremeni : nekotorye voprosy istorii i kul'tury osetin [long the paths of time: some issues concerning the history and culture of Ossetians]. Vladikavkaz: Ir, 2012. 375 p. (In Russ.).
23. Shoigu S.K. Zashchita nasyeleniya i territoriy v chrezvychainykh situatsiyakh: ucheb. posobiye [Protection of population and territories in emergency situations: textbook.] / pod. red. M.I. Faleyeva. Kaluga: Oblizdat, 2001. 239 p. (In Russ.).
24. Shcherbatykh Yu.V. Psikhologiya stressa i metody korrektsii [Psychology of stress and correction techniques]. - S. Peterburg: Piter, 2008. 256 p. (In Russ.).
25. Abakumova I., Kruteleva L., Ryadinskaya E. Transformation of Life-Sense Strategies of a Person in the Armed Conflict Environment: Theoretical Research. Barselona: 6th.World Congress of Psychology and Behavioral Sciences (Management, Psychology, Political and Social Sciences) (WCPBS 2016), 2016, pp. 1-6. (in Engl.).
26. Alexander F. Psychosomatic Medicine: Its Principles and Applications. New York: Norton, 1950, pp. 57 – 69. (in Engl.).

27. Basowitz H., Persky H., Korchin. Sh., Grinker R. *Anxiety and Stress: An Interdisciplinary Study of a Life Situation*. New York: McGraw-Hill, 1955, pp.. 203 – 243. (in Engl.).
28. Dohrenwend B.P., Link B.G., Kern R., Shrout P.E. et al. Measuring life events: The problem of variability within event categories. Special issue: II-IV. *Advances in measuring life stress// Stress Med.* 1990. V. 6. #3, pp. 179-187. (in Engl.).
29. Grinker R.R., Robbins F.P. *Psychosomatic Case Book*. N.Y., 1954, pp. 112. (in Engl.).
30. Lazarus R.S., Folkman S. Kognitive theories of stress end the issue of circulariti // *Dinamics of stress. Physiological, psychological and socil perspectives*. EDS M.H. Appley, R. Trumbul. N-Y.: Plenum, 1986. (in Engl.).
31. Mechanic D. *Students under Stress*. New York: Free Press, 1962, pp.. 117. (in Engl.).
32. Rizvi N. H. A Critique of the models to study stress // *Journal Social Science and Human*. 1985. Vol. 1 – 2, pp. 103 – 123. (in Engl.).
33. Ryadinskaya Yev. Theoretical analysis of a systematic approach to the study of the strategies of life meaning of the individual under an armed conflict // «The Tenth International Conference on Eurasian scientific development». *Proceedings of the Conference (September 02, 2016)*. «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. Vienna. 2016, pp. 40-43. (In Russ.).
34. Scott R., Howard A. *Models of Stress* // S. Levine, N.A. Scotch (Eds.). *Social Stress*. Chicago: Aldine, 1970, pp. 270 – 273. (in Engl.).
35. Selye H. *The stress of life*. New York: McGraw-Hill, 1956, pp. 81-94. (in Engl.).
36. Spielberger C.D. Measuring the experience, expression and control of anger // *Am. Psych. Assoc.*, 1994, pp 25-29. (in Engl.).

Оценка проектной культуры студентов в процессе освоения технологий социального проектирования

Чиркина Р.В., кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой юридической психологии и права факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (rirmtach@bk.ru)

В процессе обучения в вузе будущие юридические психологи должны освоить большой спектр профессиональных компетенций, среди которых автор выделяет те, что можно отнести к разряду управленческих, делая акцент на проектных компетенциях и их связи с проектной культурой специалиста. В статье представлены результаты исследования самооценки проектных компетенций студентов, которое проводилось в рамках мониторинга результатов обучения по ряду дисциплин на факультете юридической психологии МГППУ. Анализируя некоторые данные исследования, автор поднимает проблему определения понятий «проектная культура» и «психологическая культура проектирования», которые, несмотря на активную разработку в последние годы основ социокультурного, инновационного и других видов проектирования, до сих пор не имеют четкой дефиниции. Применительно к деятельности юридических психологов проектная культура включает овладение психологически грамотными подходами к разработке, оценке, продвижению и институционализации проектных идей, обеспечивающих решение профессиональных задач.

Ключевые слова: профессиональные компетенции, юридическая психология, технологии проектирования, проектная культура, самооценка компетенций.

Для цитаты:

Чиркина Р.В. Оценка проектной культуры студентов в процессе освоения технологий социального проектирования. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 4. С. 209-223.
doi: 10.17759/psylaw.2016060419

For citation:

Chirkina R.V. Evaluation of the project making culture of the students learning the social engineering technics. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2016(6), no. 4. pp.209-223.
doi: 10.17759/psylaw.2016060419

В процессе обучения в вузе будущие юридические психологи должны освоить большой спектр профессиональных компетенций, в числе которых особое место занимают те, которые можно отнести к разряду управленческих. Выделение этих компетенций в отдельную группу с акцентом на компетенциях, связанных с проектной деятельностью и проектной культурой специалиста, вызвано тем, что в процессе обучения и, затем, в будущей профессиональной деятельности проектирование занимает особое место.

Проектирование – это не только универсальный научно-технический, но и социокультурный тип деятельности. Принципиальной для проектирования является его ориентация на реализацию проекта в материальных, технологических и организационных условиях. Даже в тех случаях, когда фактически реализация не осуществляется или не предполагается в проектах, ориентированных на игровые, учебные или методологические цели, реализуемость является априорной предпосылкой проектного сознания [2].

Проектная деятельность трансформирует профессиональные знания и ценности в реальные технологические процессы и структуры и позволяет решать сложные практические задачи. Так, например, в области управления социальными рисками в сфере детства в процессе социального проектирования получили развитие такие эффективные технологии и практики, как школьные службы примирения, технологии комплексного сопровождения, стритворк-проекты, низкопороговые клубы и др.

Освоение технологий проектирования как составной части управленческих компетенций является одной из задач образовательного процесса, методом формирования профессиональных компетенций и объектом мониторинга.

На факультете юридической психологии МГППУ управленческие компетенции целенаправленно формируются в рамках дисциплин «Психологические основы проектирования социальной и реабилитационной среды» (3 курс), «Инновационный менеджмент в образовании» и «Организация психологической службы» (4 курс), «Проектирование и экспертиза образовательных систем» и «Психологическое сопровождение и внедрение инновационных технологий» (магистратура, 1 курс)

Дисциплина «Психологические основы проектирования социальной и образовательной среды» реализуется в части профессионального цикла Учебного плана специальности 050407.65 «Педагогика и психология девиантного поведения» (специализация № 3 по ФГОС ВПО «Психолого-педагогическая профилактика девиантного поведения») очной формы обучения. Разработка курса «Психологические основы проектирования социальной и образовательной среды» является авторской. Дисциплина в течение трех лет преподавалась в ГБОУ ВПО МО «Академия социального управления» и два года реализуется в рамках учебного плана факультета юридической психологии МГППУ. Цель дисциплины – знакомство студентов с основами проектирования как формой организации деятельности в контексте образовательной среды, в соответствии с современными требованиями к компетенции специалиста в области управления социальными процессами.

Учебная дисциплина «Организация психологической службы» является обязательной дисциплиной специализации для студентов, обучающихся по специальностям 030401.65 «Клиническая психология» (специализация «Патопсихологическая диагностика и психотерапия (в экспертной деятельности)») и 050407.65 «Педагогика и психология девиантного поведения» (специализация № 3 по ФГОС ВПО «Психолого-педагогическая

профилактика девиантного поведения»), и является частью цикла специальных профессиональных дисциплин, охватывающих проблемную область использования психологических познаний в практической психологической, но более всего, в управленческой, правотворческой и правоприменительной деятельности. Основной задачей курса является формирование у студентов представлений о целях, задачах и методах организации служб психологической помощи в различных сферах и отраслях гуманитарных практик; рассмотрение основных профессиональных технологий процесса организации узкопрофильных и комплексных психологических служб, раскрытие научно-методических основ проектирования служб в различных отраслях психологической практики.

Основной задачей учебной дисциплины *«Инновационный менеджмент в образовании»*, обязательной из вариативной части профессионального цикла по специальности 030401.65 «Клиническая психология» (специализация по ФГОС ВПО «Патопсихологическая диагностика и психотерапия (в экспертной деятельности)»), является овладение студентами системными знаниями в области содержания инновационных компонентов государственной политики, принципов, форм и методов организационно-управленческого обеспечения инновационной деятельности в сфере образования.

Дисциплина *«Проектирование и экспертиза образовательных систем»* является дисциплиной по выбору и реализуется в базовой части общенаучного цикла Учебного плана направления подготовки 030300.68 «Психология» (программа «Медиация в социальной сфере») очной формы обучения. Изучение дисциплины направлено на формирование у магистрантов теоретических и практико-ориентированных знаний о возможностях и перспективах проектирования образовательных систем различного уровня, путях и формах измерения эффективности их деятельности.

Дисциплина *«Психологическое сопровождение и внедрение инновационных технологий»* является обязательной и реализуется в вариативной части общенаучного цикла Учебного плана направления подготовки 030300.68 «Психология» (программа «Юридическая психология: судебно-экспертная практика») очной формы обучения. В результате обучения студент магистратуры должен получить общие представления о психологическом сопровождении и внедрении инновационных технологий, его месте в развитии государственной инновационной политики. Дисциплина включает темы: «Основы инновационного менеджмента», «Психологические особенности функционирования организации в период внедрения инноваций», «Психологические методы работы с руководителями и персоналом организации при решении инновационных задач», «Спротивление инновациям и методы работы с ним», «Инновационные подходы к образованию» [6].

Согласно существующему законодательству, оценка качества подготовки выпускников происходит в процессе аттестации, требующей отображения требований ФГОС в содержании аттестационных оценочных средств. В ходе аттестации в настоящее время оцениваются не только и не столько привычные знания, умения и навыки, хотя они обязательно прописываются в рабочих программах учебных дисциплин, но и уровень освоения достаточно большого набора общекультурных и профессиональных компетенций.

Для перечисленных выше учебных дисциплин общим является сходство формируемых компетенций, которые помимо их формальной классификационной

принадлежности (профессиональные, общекультурные, специальные) можно отнести к категории управленческих. В табл. 1 представлены данные по компетенциям.

Таблица 1

Перечень компетенций по дисциплинам специалитета

Шифр компетенции	Студент должен овладеть	Учебные дисциплины
ПК-38	Способностью принимать оптимальные управленческие решения	«Психологические основы проектирования социально-образовательной среды» «Инновационный менеджмент»
ПК-39	Способностью планировать и организовывать служебную деятельность исполнителей, осуществлять контроль и учет результатов их деятельности	«Психологические основы проектирования социально-образовательной среды» «Инновационный менеджмент»
ПК-40	Способностью организовывать межведомственное полипрофессиональное взаимодействие при решении задач комплексной профилактики девиантного поведения, сопровождения, коррекции и реабилитации лиц с девиантным поведением	«Организация психологической службы»
ПСК 3.7.	Способностью проводить оценку рисков и ресурсов позитивного развития социальной и образовательной среды	«Психологические основы проектирования социально-образовательной среды» «Инновационный менеджмент»
ОК-2	Способностью к самостоятельному овладению новыми методами исследования, к изменению научного и научно-практического профиля своей профессиональной деятельности, к изменению	«Психологическое сопровождение и внедрение инновационных технологий» «Проектирование и

	социокультурных условий деятельности	экспертиза образовательных систем»
--	--------------------------------------	------------------------------------

Кроме того, управленческими можно назвать и компетенции, отличающие дисциплины друг от друга (табл. 2.).

Таблица 2

Перечень компетенций по дисциплинам магистратуры

Шифр компетенции	Студент должен овладеть	Учебные дисциплины
ОК-6	Способностью разрешать конфликтные ситуации и оказывать поддержку в проблемных и кризисных ситуациях людям с учетом этнокультурной специфики	«Проектирование и экспертиза образовательных систем»
ОК-7	Способностью к самосовершенствованию и саморазвитию на основе рефлексии своей деятельности	
ОК-9	Способностью проявлять инициативу и принимать адекватные и ответственные решения в проблемных ситуациях, в том числе в ситуациях риска	
ПК-5	Способностью к определению проблемного поля и к компетентному выбору тем научно-исследовательских и проектных работ	«Психологическое сопровождение и внедрение инновационных технологий»
ПК-24	Способностью к выбору и применению психологических технологий, позволяющих осуществлять решения новых задач в различных областях профессиональной практики	

Задачи магистерских дисциплин управленческого цикла включают в себя:

- теоретическую подготовку в области инновационной теории, политики и управления инновациями;

- формирование знаний и способностей в области содержания и классификации многообразных современных образовательных новшеств;
- подготовку в области разработки и внедрения инноваций в образовательных и психологических услугах;
- обучение основам управления инновационными проектами;
- обучение методам диагностики и анализа, целеполагания, стратегирования, программирования, планирования, организации, финансирования и регулирования, мотивации, преодоления сопротивления и оценки результатов инновационной деятельности;
- раскрытие основ понятий «образовательная система» и «проектирование образовательных систем», «экспертиза образовательных систем» в контексте современного этапа развития образования как основы дальнейшей профессиональной деятельности специалиста;
- знакомство с основными направлениями и тенденциями построения «образовательных систем» различных типов и уровней;
- раскрытие путей экспертирования проектируемых «образовательных систем» как формы измерения качества образовательной деятельности в рамках этих систем;
- формирование у магистрантов готовности к осмысленному участию в процессе построения собственной образовательной системы как внутреннего мира специалиста-профессионала в области психолого-педагогической и образовательной деятельности.

Решение этих задач, так же как и задач дисциплин специалитета, в частности, учебной дисциплины «Психологические основы проектирования социальной и образовательной среды», невозможно без знакомства с теоретико-концептуальными основами, инструментами и организацией проектирования, без осознания ценностно-смысловой природы проектной деятельности в области образования и ее социальной направленности, знакомства с успешным опытом проектирования образовательных сред, и, наконец, без приобретения опыта самостоятельной разработки проектов.

Таким образом, в качестве основной технологии формирования ключевых компетенций выступает метод проектов, а полем применения полученных умений – деятельность проектирования.

Проектирование – универсальный и самостоятельный в интеллектуальном и социокультурном отношениях тип деятельности, направленный на создание реальных объектов (и эффектов) с заданными функциональными, технико-экономическими, экологическими и потребительскими качествами. Оно включает в себя:

- разработку проекта, документируемого на том или ином профессиональном языке (описания, изображения, системы формул, компьютерной программы, вообще «текста»), удовлетворяющего принятым в данной области критериям проектосообразности;

- научно-техническое и социокультурное обоснование, оценку и согласование проекта с заинтересованными сторонами (официальными или общественными организациями, потребительскими группами или отдельными лицами), заканчивающиеся решением о принятии проекта;
- реализацию его доступными для изготовителя технологическими, организационными, инвестиционными и прочими средствами.

Проектирование универсально в экстенсивном смысле, поскольку путем разработки и внедрения проектов решаются проблемы в самых разных областях жизни (в промышленном производстве и строительстве, в сферах обслуживания, быта и досуга, в политике и культуре и т. д.); универсально оно и в интенсивном смысле – в той мере, в какой его различные элементы, такие как объект проектирования его темы, проблемы и методы деятельности, процессы и структуры, осознаются и организуются в рамках одних и тех же средств рефлексии (логических, семиотических, психотехнических и т. п.) [2].

Компетентностная составляющая в виде совокупности «проектных» умений, навыков, способов инновационного преобразования педагогической действительности на основе формирования проблемного видения, планирования, прогнозирования, организации развивающего образовательного взаимодействия занимает важное место в модели проектной культуры специалиста (психолога, социального педагога, медиатора). Модель проектной культуры включает также психологические качества, особенности личности, необходимые для успешного овладения проектной деятельностью при решении профессиональных задач. Для психологов важными являются социально-коммуникативные навыки [4].

Таким образом, проектная культура специалистов образовательной и социально-культурной сферы представляет собой сложное системное образование, пронизывающее все подструктуры личности и выступающее основой осуществления специалистом диагностических, педагогических, управленческих и других функций, базовым условием освоения и реализации основного репертуара социально-профессиональных ролей [3].

По определению Запесоцкой Н.А., структура проектной культуры включает личностный, технологический и информационный блоки. Составляющие личностного блока: а) ценностно-нормативный пласт (выступающий в качестве нравственной основы проектной деятельности); б) креативность; в) рефлексивность; в) коммуникативность; г) мотивация достижения. Технологическая группа включает в себя: мыслительные техники (в том числе и специальные методы, наработанные в области социального проектирования); коммуникативную компетентность; игровую культуру проектировщика. Информационный блок содержит типовые модели ситуации, характеристику нормативных состояний объектов, описание проектного потенциала различных видов социально-культурной коммуникации, проектные решения в различных сферах [3].

Для формирования проектной культуры, основанной на проектных компетенциях и реализации компетентностного подхода в профессиональном образовании, актуальными являются модели обучения в действии. Цель «обучения действием» – преодолеть разрыв между тем, что человек знает, и тем, что он «делает». Другими словами, преодолеть разрыв между теорией предполагаемых действий (знаниями) и практикой их применения (деятельностью). «Обучение действием», является «обучением через опыт». «Обучение

действием» – это структурированный процесс изучения собственного опыта решения реальной задачи, проблемы, реализации проекта [1].

Проект – это всегда действие, направленное на изменение. Поэтому в процессе преподавания упомянутых дисциплин получение опыта проектирования происходит по модели: анализ актуальных проблем исследуемой сферы деятельности – формулирование цели и задач изменения – освоение теоретических основ проектирования – решение задач на проектирование – разработка собственного проекта (индивидуального или в команде) – рефлексия автора и оценка проекта коллегами (в процессе защиты и обсуждения проектов на конференции в конце курса).

Важной составляющей любой проектной деятельности является оценка не только результатов, но и всех составляющих деятельности. Самооценка проектных компетенций студентов в процессе обучения на факультете, рассматриваемая нами как часть проектной культуры, стала предметом исследования, которое проводилось в рамках мониторинга результатов обучения по ряду дисциплин на факультете юридической психологии МГППУ. Исследование задумывалось как лонгитюдное и проходило в три этапа. На первом этапе студенты заполняли специально разработанную «Анкету проектировщика» после прохождения теоретического блока, на втором этапе – после подготовки собственного проекта. Третий этап предполагал проведение среза через год после окончания обучения. Сроки исследования – 2014–2016 гг. В первых двух этапах приняли участие 38 студентов и 17 магистрантов. В третьем – 9 выпускников, с которыми были проведены интервью.

В качестве объекта самооценки были взяты следующие параметры проектной культуры:

- теоретические представления о проектировании;
- оценка значимости факторов проектирования;
- представления о проектных компетенциях и уровне их развития у себя;
- выбор актуальных сфер проектирования;
- оценка необходимости психологических знаний и умений в проектировании;
- анализ проблем, ошибок проектирования;
- знание способов развития проектных компетенций (креативности), преодоления рисков;
- самооценка личностных качеств, имеющих значение для деятельности проектирования.

Гипотеза исследования предполагала, что после практического этапа разработки и защиты проекта показатели самооценки проектных компетенций, личностных качеств, оценки компонентов проектирования значимо изменятся. Ожидаемым результатом было также увеличение и усложнение качественных характеристик рефлексивной продукции студентов.

Поскольку времени между первыми двумя срезами прошло немного, различия количественных показателей оказались вне зоны значимости. Но на уровне тенденции наблюдались изменения в оценке факторов проектирования (рис. 1).

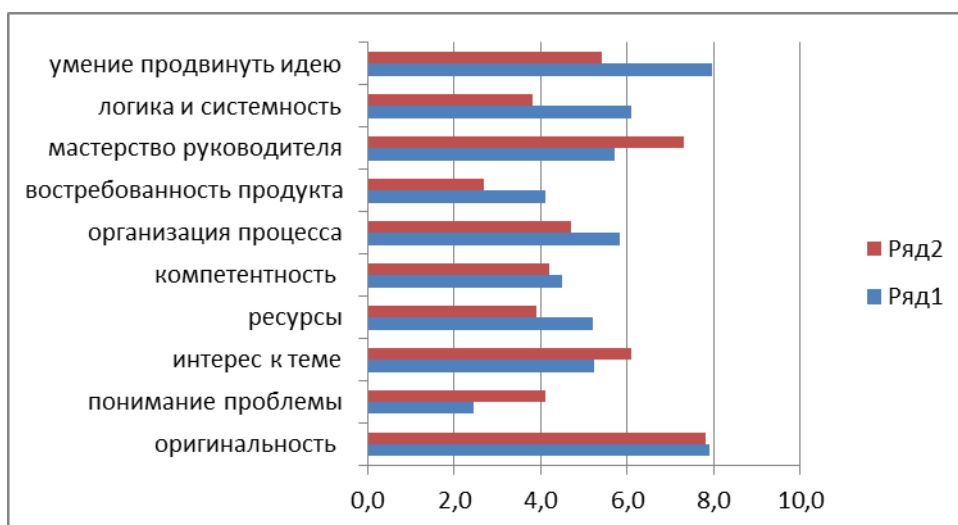

Рис.1. Оценка рейтинга факторов проектирования: ряд 1 – срез после теоретической части; ряд 2 – срез после разработки проекта

Как видно на диаграмме, после практического этапа разработки, обсуждения и отрефлексирования впечатлений от проекта, студенты в большей степени оценили значимость таких важных факторов успешного проектирования, как понимание проблемы, личностная заинтересованность и мастерство руководителя. Снизились показатели важности факторов, значение которых для успеха проекта проявляется только в процессе его реализации.

Поэтому логика исследования требует отсроченного, третьего этапа проведения анкетирования после того, как студенты уже за рамками обучения попробуют реализовать свои проекты на практике.

Сравнение ответов на теоретические вопросы (определение терминов «проект» и «проектирование», сферы применения проектирования, эффективные способы активизации творческого мышления, возможные барьеры и виды сопротивления при реализации инновационных проектов и способы преодоления барьеров и сопротивления) показало, что на первом срезе студенты используют формулировки из лекций и учебников, чтобы ответы соответствовали ожиданиям преподавателя. Во втором срезе формулировки стали более свободными, развернутыми, личностными, содержательно соотносимыми со своей проектной тематикой. Расширился репертуар предложений по преодолению рисков и способам развития креативности. Напротив, проблемные сферы, нуждающиеся в изменении, инновационном развитии, стали более конкретными по сравнению с первыми ответами. Так, если в первых анкетах преобладали простые формулировки, типа «социальная и образовательная среда, медицина», то при повторном опросе появились ответы с развернутыми обоснованиями и с большим количеством направлений, например, «Все сферы, где государство является главным или ведущим организатором процесса (оборона, медицина, образование, наука, социальная работа, правоохранительная деятельность, транспорт, энергетика, промышленность, сельское хозяйство, дорожное

строительство). Однако прежде всего в проектном реформировании нуждается сама система государственного управления (не в политическом, а в организационно-управленческом контексте)».

Уже в первом срезе проявились различия между студентами 3–4 курсов и магистрантами. Выбор наиболее интересных лично для себя направлений проектирования у студентов касался самых разнообразных и порой далеких от профессиональной деятельности тем – от ЖКХ до фондовых рынков. Во второй раз эта тематика резко сузилась до более профессионально значимых тем (помощь малолетним матерям, профилактика правонарушений и т. п.). Магистранты же называли в обоих случаях свою профессиональную тематику.

Более разнообразными после разработки проектов стали и ответы на вопрос «Какие сферы собственной жизни вы можете изменить с помощью проектирования?». Если в первом случае большинство называло разные вариации планирования времени и каких-то актуальных на данный момент событий в жизни, то во втором случае появились перспективные и отдаленные позиции (проектирование карьеры, последипломного обучения, создания собственной фирмы/организации, приобретение жилья и т. п.).

Наиболее выраженными оказались различия в ответах на вопросы по поводу проблем, которые могут возникнуть у проектировщика на этапе разработки проекта. После того, как студенты поработали над своим проектом, их формулировки приобрели более конкретные очертания и их стало заметно больше. В послепроектном срезе назывались следующие проблемы проектировщиков:

- недостаточное понимание предмета создателями проекта;
- отсутствие или нечеткая формулировка целей;
- несостоятельность прогноза;
- отсутствие необходимого широкого (общественного) и узкого (среди специалистов) обсуждения проекта на этапе его создания;
- односторонность в принятии мнений (безусловное согласие с мнением одних специалистов, зачастую «политически близких», и недостаточный учет мнения других специалистов, входящих в иной «политический лагерь»);
- неверное определение целевой аудитории или ее потребностей;
- несоответствие цели и результата;
- отсутствие системы коррекции негативных эффектов в процессе проектирования.

Проблемы на этапе реализации проекта большинством респондентов были названы обобщенно и коротко: недостаточное финансирование, плохая организация, потеря интереса к проекту и т. п.

Наиболее интересным с точки зрения формирования и оценки проектной культуры представляется то, как студенты сформулировали самые важные, на их взгляд, компетенции

проектировщика и как оценили развитие этих компетенций у себя. Следует отметить, что им специально не давалось определение понятия «компетенция», но оно постоянно использовалось в процессе теоретического обучения. И первый срез выявил то, как контекстуально восприняли студенты это понятие. В большинстве ответов наряду с формулировками действительно компетентного круга (умение анализировать имеющиеся в данной области продукты, умение справляться с нестандартными ситуациями и негативными эффектами) перечислялись факторы проектирования (системный подход и контроль проектирования на всех этапах, широкие возможности поиска ресурсов) или области знания (психология организации труда, общая и возрастная психология), или личностные качества (стрессоустойчивость, воображение).

Во втором срезе, после того как студенты представили на защиту, обсудили, отрефлексовали свои проекты (а по ходу обсуждения они уже должны были сформулировать, какие компетенции необходимы были для создания проекта), большинство формулировок оказалось соответствующими классическому определению компетенции – как способности применять знания, умения, успешно действовать на основе практического опыта при решении задач в определенной области.

Самооценка развития тех компетенций, которые студенты сами же и сформулировали, в обоих случаях в целом оказалась довольно скромной. Средние значения по выборке в первом срезе колеблются в диапазоне 3,2–3,9, во втором – от 3,4 до 4,0 (оценка по 5-балльной шкале).

И, наконец, самооценка качеств, имеющих значение для деятельности проектирования (однократный срез), показала, что в среднем по выборке наиболее высокую оценку получили такие качества, как вдумчивость, честолюбие, разносторонность, коммуникативность, добросовестность, логичность и практичность. Наименьшую оценку получили решительность и креативность (рис. 2)

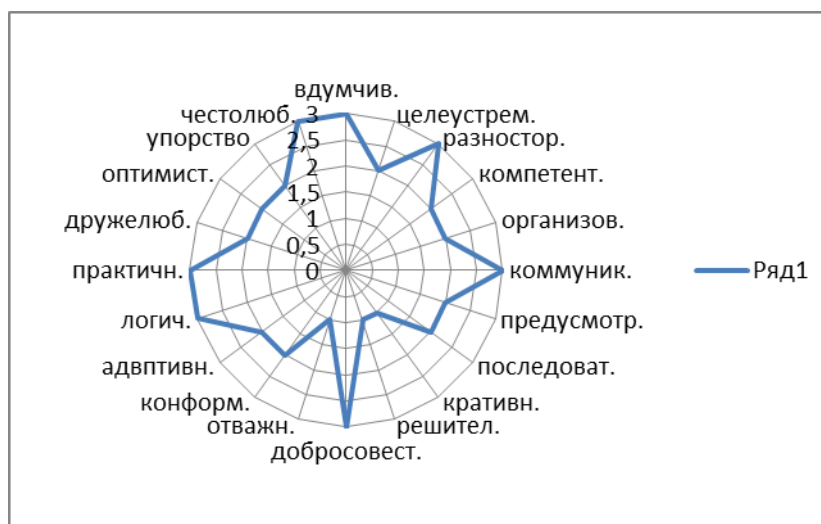

Рис. 2. Самооценка личностных качеств. Числовые значения уровня самооценки: 1 – низкий, 2 – средний, 3 – высокий.

И наконец, представления студентов о том, на каких этапах проектирования в наибольшей степени нужны психологические знания и умения, также несколько изменились в результате собственной проектной практики.

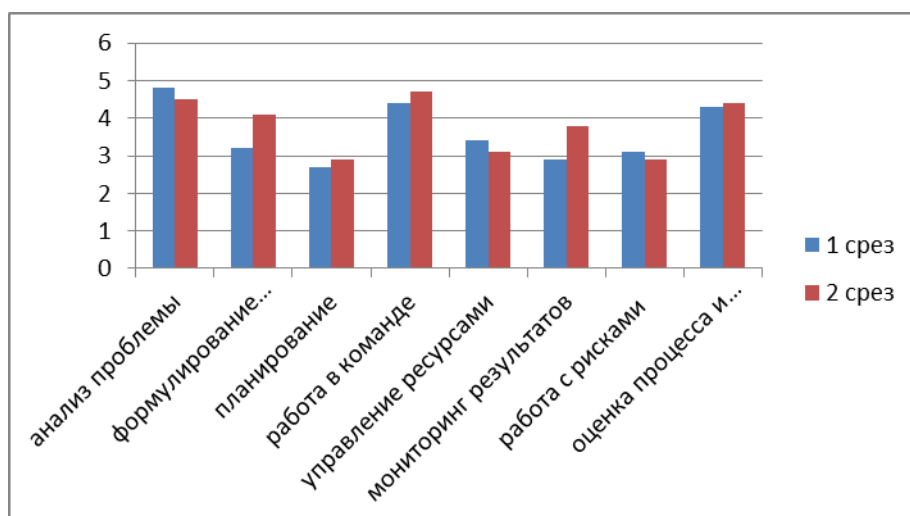

Рис. 3. Потребность в психологических знаниях: ось X – этапы проектирования; ось Y – баллы оценки – средние

На диаграмме (рис. 3) видно, что первоначальные оценки возросли практически по отношению ко всем проектным этапам, кроме анализа проблемы и управления ресурсами. Наиболее выражен рост средних показателей по отношению к мониторингу. Закладывая в процессе проектирования индикаторы и измерители эффективности, студенты поняли, что этот вид работы требует более основательной психологической подготовки, чем это представлялось вначале.

Интервью с девятью участниками исследования¹ через год после окончания изучаемых дисциплин показали, что формирование проектной культуры складывается не только из собственно технологических умений и проектных компетенций. Проектная культура специалиста, безусловно, основывается на проектной компетентности, включающей в себя знания и умения по основам проектировании сформированности творческих качеств и способностей личности, ее умения конструировать собственные инновационные технологические подходы к решению задач в динамично меняющихся нестандартных ситуациях, творческой активности в преобразовательной деятельности, направленной на оптимизацию и эстетическую организацию среды жизнедеятельности человека [5].

Но деятельность и культура проектирования в сфере психологии и права предполагают, что эти компетенции должны подкрепляться ценностями и этическими позициями специалиста (принцип «не навреди» и другие), способностью к рефлексии, высоким уровнем общей культуры, в том числе, вербальной, дискурсивной. Именно поэтому применительно к сфере деятельности юридических психологов встает вопрос об определении психологической культуры проектирования. Необходимо выделить

¹ Результаты третьего среза будут представлены во второй части статьи.

способности, знания, умения и навыки, которые эту культуру определяют и которые следует развивать как в учебной, так и практической деятельности.

Литература

1. Авво Б.В. Методология компетентного подхода в высшем образовании [Электронное издание] / Письма в Эмиссия.Оффлайн. СПб., 2005. № 1. URL: <http://www.emissia.org/offline/2005/978.htm> (дата обращения: 11.10.2016).
2. Генсаретский О.И. Деятельность проектирования и проектная культура: Предисловие к неизданной книге о проектной культуре 1994 г. URL: http://ckp.ru/biblio/g/gen/gen_project_culture.htm (дата обращения: 15.10.2016).
3. Запесоцкая Н.А. Проектная культура как основа профессионального мастерства менеджера социально-культурной сферы: автореф. дисс. ... канд. пед. Наук. СПб., 2007. URL: http://discollection.ru/article/12032007_zapesockaja_atal_ja_aleksandrovna_73484/2 (дата обращения: 12.09.2016).
4. Компетенции в образовании: опыт проектирования: сб. науч. трудов / Под ред. А.В. Хуторского. М.: Научно-внедренческое предприятие «ИНЭК», 2007. 327 с.
5. Крылов Д.А. Модель формирования проектной культуры будущего педагога в условиях современного вуза // Вестник Марийского государственного университета. 2015. № 1 (16). С. 31–35.
6. Чиркина Р.В. Формирование управленческих компетенций в рамках обучения по ФГОС ВПО 3+ для психолого-педагогических специальностей: учеб. пособие. М.: Изд-во МИИГУ имени П.А. Столыпина, 2014. 140 с.

Evaluation of the project making culture of the students learning the social engineering technics

Chirkina R.V., Ph.D., Head of the Department of Legal and Forensic Psychology, Legal Psychology Faculty, Moscow State University of Psychology and Education (rirmach@bk.ru)

During the university course the future legal psychologists have to master a wide range of professional competencies, among them are those that can be classified as management, with an emphasis on project making competencies and their relationship with the project making professional culture. The article presents the results of students' self-evaluation competencies. This research was a part of the monitoring of learning outcomes in a number of disciplines in the Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education. The author raises the problem of defining the concepts of "project culture" and "psychological culture of project making", which still do not have a clear definition inspite of the intensive development of the socio-cultural, innovative and other forms of project making. For legal psychologists project making culture involves the acquisition of psychologically correct approaches to the development, evaluation, promotion and institutionalization of the ideas, so they can provide the solution of professional problems.

Keywords: professional competence, legal psychology, project making technology, project making culture, self-evaluation of the competences.

References

1. Avvo B.V. Metodologiya kompetentnostnogo podkhoda v vysshem obrazovanii [the Methodology of the competence approach in higher education][Elektronnoe izdanie] / Pis'ma v Emissiya. Offlain. SPb., 2005. no. 1. URL: <http://www.emissia.org/offline/2005/978.htm> (Accessed 11.10.2016).
2. Genisaretskii O.I. Deyatel'nost' proektirovaniya i proektnaya kul'tura: Predislovie k neizdannoi knige o proektnoi kul'ture 1994 g. [Activity of design and design culture: a Preface to an unpublished book about design culture, 1994] URL: http://ckp.ru/biblio/g/gen/gen_project_culture.htm (Accessed 15.10.2016).
3. Zapesotskaya N.A. Proektnaya kul'tura kak osnova professional'nogo masterstva menedzhera sotsial'no-kul'turnoi sfery [Design culture as the basis of professional skill of the Manager of socio-cultural sphere: author's abstract]: avtoref. diss. ... kand. ped. Nauk. SPb., 2007. URL: http://discollection.ru/article/12032007_zapesockaja_atal_ja_aleksandrovna_73484/2 (Accessed 12.09.2016).

4. Kompetentsii v obrazovanii: opyt proektirovaniya [Competence in education: design experience]: sb. nauch. trudov / Pod red. A.V. Khutorskogo. M.: Nauchno-vnedrencheskoe predpriyatie «INEK», 2007. 327 p.
5. Krylov D.A. Model' formirovaniya proektnoi kul'tury budushchego pedagoga v usloviyakh sovremennogo vuza [Model of formation of design culture of a future teacher in conditions of modern University]// Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta [Herald of the Mari state University]. 2015. no. 1 (16). pp. 31–35.
6. Chirkina R.V. Formirovanie upravlencheskikh kompetentsii v ramkakh obucheniya po FGOS VPO 3+ dlya psikhologo-pedagogicheskikh spetsial'nostei [the Formation of managerial competences as part of training for FSES HPE 3+ for pedagogical and psychological specialties]: ucheb. posobie. M.: Izd-vo MIIGU imeni P.A. Stolypina, 2014. 140 p.